

Нам - 85!

ISSN 0012-6756

**Дружба
народов**

12/2024

Дружба народов

*Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

12'2024

*Основан
в марте 1939 года*

Редакционная коллегия

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов»
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12

E-mail: dn52@mail.ru,
Сайт журнала:
<http://дружбанародов.com>

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»;
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

**Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.**

Сдано в набор 20.10.2024.
Подписано в печать 20.11.2024.
Формат бумаги 70 x 108 ¹/₁₆
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 1200 экз.
Заказ . Цена свободная.

Главный редактор Сергей
НАДЕЕВ
Леонид
БАХНОВ
Ирина
ДОРОНИНА

Ответственный секретарь Елена
ЖИРНОВА

Первый заместитель главного редактора Наталья
ИГРУНОВА

Галина
КЛИМОВА
Владимир
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр
СНЕГИРЕВ

Редакционный совет

Мария
АНУФРИЕВА
Сухбат
АФЛАТУНИ
Муса
АХМАДОВ
Ольга
БАЛЛА
Дмитрий
БИРМАН

Денис
ГУЦКО
Фарид
НАГИМ
Илья
ОДЕГОВ

Валерия
ПУСТОВАЯ
Ренат
ХАРИС

Александр
ЧАНЦЕВ
ЭЛЬЧИН

В номере:

Неодолимое время

Проза этого номера нечаянно подобралась исключительно о времени. В «Повести о времени и пространстве» Ольги САЖИНОЙ переводчик-полиглот Соньо Варезжин прозревает дальше и давнее, переводя сухую строку оригинала «В культурных салонах Неаполя люди увлекались наукой, искусством, литературой и политикой» в двадцатистраничное повествование, где текст расцвечен персонажами, говорящими обо всём, начиная с философии Платона и кодекса Наполеона и кончая ценами на моцареллу. В завершение сего раута двое напились и подрались. А героиня Ил свободно путешествует посредством разветвлённых временных туннелей: «Нагнувшись, лезу в него, цепляясь зонтиком за невысокий свод. Знакомый туннель слегка расширяется, петляет, светлеет — и через сотню шагов выпускает меня [из Неаполя] в яркое морозное московское утро».

Вот и проза Тамерлана ТАДТАЕВА, Игоря КУЗНЕЦОВА, Александры БРУЙ, Алексея КОЛЕСНИКОВА, Лидии ФИТИСОВОЙ, Андрея БЕЛОЗЁРОВА — не что иное как стремление победить время настоящее воспоминаниями о прошлом или провидением будущего.

«В России — прошлогодний снег»

На страницах декабрьского номера несколько поэтических подборок молодых. У лирики Ивана КОНОВАЛОВА сильный экзистенциальный заряд: «мы преданы, непоняты, одни,/ мы на вершинах башен, и огни/ сигнальные — вот всё, что нам подвластно». Стихи Надежды ВОЛНЕНКО — о поиске себя в мире: «У тебя нет имени, нет лица./ так чего ты ищешь, выходя из яйца?»

Павел СИДЕЛЬНИКОВ и Тая ЛАРИНА — участники программ АСПИР — представлены подборкой «Жить в надежде на чудеса», в вошедших в нее стихах — попытка каждого из них на свой лад осмыслить собственный внутренний мир и найти свой голос.

Стихи нашего постоянного автора Яна БРУШТЕЙНА посвящены воспоминаниям о послевоенном детстве и связи поколений одной семьи: «Я карандашиком старинным/ Тяну прерывистую нить./ И эти буквицы кривые,/ Как новобранцы боевые./ (Визжит гармошка, словно плетть)/ Стараются, пока живые./ Не помереть, так песню спеть».

Светопись города

«В Суздале немногим более десятка улиц. Но вот парадокс: город мал размерами, но, в отличие от своих столь же малых городов-собратьев, известен и по книгам, и по фильмам, и по живописным полотнам всей стране — знаменитые мастера к этому руки свои приложили!» В рубрике «Страна Россия» писатель, сценарист Владимир ГРИНЬКОВ предлагает читателям «необыкновенную летопись великого города», по которому лучше бродить пешком.

Выход в иной космос

«Если в прозе Юнгер заумен, в философии публицистичен, то в эссеистике и дневниковости — гениален. ... "Перед стеной времени" (1959 г.) — как раз на грани жанров... Если совсем кратко, то книга эта о тех настоящем, будущем (точно уже нашем настоящем), что нужно преодолеть, кардинально поменять подходы к ним, иначе — по future. Так каковы они, эти тенденции настоящего, что так пугали пророка Юнгера и ужасают уже нас, обычных людей?»

Кроме немецкого писателя и мыслителя Эрнста Юнгера к ответу на этот вопрос Александр ЧАНЦЕВ привлекает позднесоветского религиозного философа и математика Виктора Тростникова и писателя, издателя, культуролога Аркадия Ровнера.

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Иван КОНОВАЛОВ. Земная сила. <i>Стихи</i>	3
Ольга САЖИНА. Повесть о времени и пространстве. <i>В двух рассказах</i>	8
Алексей КОЛЕСНИКОВ. Рассказы	51
Владимир ПАНКРАТОВ. В конце аллеи. <i>Рассказы</i>	66
Надежда ВОЛНЕНКО. Белая клинопись на снегу. <i>Стихи</i>	74
Тамерлан ТАДТАЕВ. Адреналин. <i>Два рассказа</i>	77
Игорь КУЗНЕЦОВ. Спички от Егорыча, или Как Петя стал Кузнечиком. <i>Рассказ</i> ...	88
Эдуард СИМОНОВ. Лишь ветер и металл. <i>Рассказы</i>	97
Максим СИМБИРЕВ. Структура безумия. <i>Два рассказа</i>	110
Игорь БУЛКАТЫ. Хвелиандро. Обратный взгляд. <i>Рассказ</i>	122
Александр ВЕРГЕЛИС. Заклинательница змей. <i>Рассказ</i>	133
Ян БРУШТЕЙН. Плацкартные стихи	139
Александра БРУЙ. Пропущенные от мамы. <i>Псевдодокументальная повесть</i>	142
Андрей БЕЛОЗЁРОВ. Пепармонтка. <i>Рассказ</i>	164
Лидия ФИТИСОВА. Филипок. <i>Рассказ</i>	178
Анатолий ВАЛЕВСКИЙ. Быть Аннетой. <i>Рассказ</i>	184
«Жить в надежде на чудеса». Участники Мастерских АСПИР на страницах «ДН»:	
Павел СИДЕЛЬНИКОВ. Придаточные корни чуда	189
Тая ЛАРИНА. Дети Дикого ангела	191

ФЕСТИВАЛИ И КОНКУРСЫ

Двадцать и один конкурсный год. <i>Вступительная заметка Андрея КОРОВИНА</i>	
Елена ШУМАРА. Не любила	194
Юрий САНБЕРГ. Синее	197
Елена ФРОЛОВА. Колыбельная	201

СТРАНА РОССИЯ

Владимир ГРИНЬКОВ. Необыкновенная летопись великого города. <i>К 1000-летию Суздаля</i>	205
--	-----

NON-FICTION PRO

Александр ЧАНЦЕВ. За	221
----------------------------	-----

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАРОМЕТР

Евгений АБДУЛЛАЕВ. Феминизация прозы?	239
---	-----

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

Кирилл ЯМЩИКОВ. Элементы родства (<i>Е.Шкловский. «Синдром неизвестности»</i>)	243
Валентина ПАТРОНОВА. Доверьте счастье кузнечикам (<i>А.Коровин. «Кузнечики счастья: книга любви»</i>)	246
Татьяна ВЕРЕТЕНОВА. Сойти с маршрута (<i>А.Дмитриев. «Ветер Трои»</i>)	250

ПРАВИЛА ИГРЫ

Борис МИНАЕВ. Гамлет	253
----------------------------	-----

Годовое содержание журнала «Дружба народов» за 2024 год	257
--	-----

Иван Коновалов

Земная сила

* * *

Ты — мой космос: железобетонный фасад
и шерботой мозаики свет,
ты — советский народ: не вернуться назад,
потому что и там тебя нет.

Ты был выдуман, фильмы советской поры
как и все современные — врут,
ты, когда мир обрушился в тартарары,
прославлял человеческий труд.

Он остался: обветренный старый бетон,
богоборческий конструктивизм.
Кто там плакался, будто бы веке не в том
истекла его скудная жизнь?

Ты был вымечтан, космос, — ступени ракет,
трубы изб смотрят на небеса,
в одиссею, оставив на память макет,
ты отчалил к созвездию Пса.

* * *

Предгорья уральские, ветер несмел,
но дым на меня, на меня —
дым, дым, ты послушай, *я сала не ел* —
руками лицо заслоня —
я сала не ел! — это в летней ночи
мы с крёстной разводим костёр,
и темень плотна, но прореха торчит,
я докрасна веки натёр.

Коновалов Иван Ильич — поэт. Родился в 1988 году в г. Ярославле. Окончил математический факультет Ярославского государственного университета. Работает программистом. Автор поэтических сборников «Предвиденный огонь» (Ярославль, 2018) и «Белая мгла» (М., 2022). Стихи печатались в журналах «Звезда», «Знамя», «Москва», Prosodia и др. Лауреат литературной премии им.А.Ахматовой (2015). Живёт в Санкт-Петербурге.

В журнале «Дружба народов» публикуется впервые.

Я не городской, я домашний насквозь,
а тут ходят гуси гурьбой.
Поймай меня, Господи, снова подбрось,
про лето и детство напой.
Про старых коров с бубенцом на груди,
про: щёлк — тараканы вразбег,
что жизнь не иссякла, что мир впереди
ну разве что малость поблек.

* * *

И не музыкант с пугливой
пробежкой пальцев, нет,
а купишь нетерпеливо
у старика кларнет.

Блошиного рынка гомон
схарчит половину слов,
он скажет, что клапан сломан,
что инструмент не нов.

Возьмёшь, не торгуясь, дома
механики тонкой вязь

ощупаешь — незнакомо.
Дунешь, не убоясь.

И что тебе звук гнусавый,
и что тебе старый лак,
вы оба не ждёте славы,
радуйся просто так.

И в ствол деревянной дудки,
вычурной, но простой,
вдохни на шестые сутки,
выдохни в день шестой.

* * *

Зима пришла. Пора достать с балкона
и обработать парафином лыжи.
Хочу чертить лыжню, катить со склона.
А Новый год и праздники всё ближе.
Красны висят боярышника гроздь
(дай Бог, чтоб только снег не лип к полозьям),
воробышки купаются в снегу,
и держит лес вчерашнюю пургу.

Как здорово бежать, когда под курткой
жара, взопрел, но уж замёрз лицом.
Медовое и пряное в закрутке
стеклянной колбы термоса винцо
дешёвое, какое пить не станешь,
покуда вовсе не устанешь.
И вот уж сумерки, сменив собой закат,
как всадники промеж стволов скользят.

Скорей домой, согреться и оттаять,
устало перекачивать в мозгу
нечаянно пришедшее на память.
Ах память, память! как с тобой могу
сквитаться, и зачем меня ты мучишь!
А фейерверки с каждым годом лучше,
и небо в догорающих цветах,
чернея, сыплет невесомый прах.

* * *

Пальцы замёрзшие грел над жаровней,
вьюга вилась, заметая шатёр,
Цезарь ладони сухие растёр,
мельком подумал, что сделался ровней

тайным родством, достоверней и кровней
связи отцов, матерей и сестёр,
связи солдат, обступивших костёр,
сонму богов. Полотняною кровлей —

слабой защитой углей и навеса —
он от простуды берётся, носил
смелое сердце и кашель в груди.

Горный лежал перевал позади,
а впереди — объективность процесса,
смерть и предел человеческих сил.

* * *

Живёшь себе, живёшь, налаживаешь дом,
как механизм часов, как шестерёнки,
но не спасут его ни книги за стеклом,
ни в уголке картонные иконки.

Быть может за долги пойдёт он с молотка,
и в ходе переездов-перелётов
все выпущены враз, как рыбки из садка,
страницы ускользнут из переплётów.

Молчу уже о том, что чья-нибудь рука
собьёт со стен не нужный больше кафель.
Ну, хватит, не глупи, в кармане нет платка,
ну, сдавит сердце, сделай вид, что кашель.

Живёшь себе, живёшь, налаживаешь быт,
в симфонии ты — скрипочка оркестра.
А вот война, и быт ракетой убит,
сложились перекрытия подъезда.

И будешь счастлив, что не тронуло родных,
что от судьбы достатком откупиться
сумел на этот раз. Давай на выходных
поедем в парк смотреть,
как строят гнёзда птицы.

* * *

Я умер именно тогда,
шесть лет тому назад,
когда холодная вода
ударил в глаза;
когда, вдохнув её, в груди
почувал ледяной
зародыш смерти — не суди,
поговори со мной.
О том, как, несмотря на то,
я до сих пор живу,
что сеет неба решето
и на мою межу,
что хлеба вдоволь, солнца свет
не гаснет для меня,
хотя уже шесть лет как нет
бессмертного огня.
Смотри, как дерево растёт
настырно и светло,
когда настанет мой черёд,
я лягу под него.
Пока же, Господи, прости,
я думать не хочу.
Настанет день — свети, свети,
задув мою свечу.

* * *

Глубоководной рыбой в темноте

горит фонарь, обмазав жёлтым
объём двора от мусорки до лиц
идуших мимо двух отроковиц,
в которых что-то чудное нашёл ты,

мой тайный слух. Но по обрывкам слов
ты угадал, что разговор не нов,

а пережит и переговорен,
что он из ночи в ночь через века
вскачь по камням журчаньем родника
одно и то же обмывает горе:

мы преданы, непоняты, одни,
мы на вершинах башен, и огни

сигнальные — вот всё, что нам подвластно.
Мне самому, по чести говоря,
скорее дело есть до фонаря,
чем до девиц, взыскующих напрасно

чужой души, своей не возымев.
Свет стлался и ласкал тела двух дев,

фонарь был как пузырь, как рыбье око,
удильщика морского огонёк,
стеклянный шар, непонятый намёк,
как вздох любви, рождённой от намёка.

* * *

Скажи спасибо, злой мальчишка,
каникулярным долгим дням,
тому, что времени с излишком,
тому, что вырастешь в меня.

Тому, что двор, от солнца сонный,
весь в золочёной хохломе,
в твоём владении законном,
как был когда-то отдан мне.

Что, совершенно безнаказан,
сжигаешь лупой муравья,
стеклянным выпученным глазом
в скрещение лучей лова.

Что линзы выгнутым кошмаром,
палящим муравьиный род,
вооружил тебя задаром
промышленный переворот.

Тому, что та земная сила,
что не забудет ни о чём,
ещё тебя не просветила
испепеляющим лучом.

* * *

Это утро в снегу, это бледный клок сена
прогорает и светит едва,
это севера солнце мертво и нетленно,
белой вышивкой вьётся канва.

Это пики казачьего войска под снегом —
ковылей на походе привал,
это в Финский залив повернула Онега
в сером пухе своих покрывал.

Это рельсы сквозь сон, это воля к движенью,
это утренний говор колёс,
это солнца спокойное самосожженье
и пока не наставший мороз.

Ольга Сажина

Повесть о времени и пространстве

В двух рассказах

Саван саванту (баллада о переводчике)

Раз — это глаз. Плохо, когда один.
Два — так могло бы быть.
Три мечты: две о том, что любим,
И одна, — что может ещё любить.
Если друга четыре, то пять врагов.
Если шесть помогут, предаст седьмой...
Пусть прокатится время, сотрёт за собой
Осьминожий его, осьминогий остов.

Дмитрий Хованский

1

— Господин Варезкин! Что это такое?

Сонь Валерьевич Варезкин задумчиво вскинул глаза на начальника, директора московского бюро переводов.

— Что вы на меня этак смотрите, а? — взвился директор, как будто Сонь замахнулся на него по меньшей мере Миллеровским словарём. — Послушайте, я всегда рад творческим порывам сотрудников, однако должны быть пределы импровизации! Ну что вы мне принесли, а?.. Вот это! И это!

Это был заказной перевод биографии неаполитанского астронома прошлого века. Все шестьсот страниц старомодного итальянского текста Сонь перевёл за неделю и отдал в бюро ещё вчера.

Директор потряс увесистой пачкой, и большие светлые глаза Варезкина приобрели отсутствующее выражение. По его тонким губам поплыла неуместная озорная улыбочка. *Тарантельная* улыбочка, назвал бы он её.

Сажина Ольга Сергеевна — переводчик, художник-иллюстратор. Родилась в 1977 году, окончила Московский авиационный институт (2000). Доктор физико-математических наук, шеф-редактор Большой российской энциклопедии. Рассказы печатались в журналах «Юность», «Истоки» и др. Живёт в Москве. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

— Читаем оригинал... — продолжал директор, сдерживая раздражение. — «В культурных салонах Неаполя люди увлекались наукой, искусством, литературой и политикой». Всё лаконично, видите? И дальше — заметьте! — о салонах ни слова. Теперь ваш перевод этого предложения... Варезкин! Ваш перевод занимает двадцать страниц! Вы расцвелили текст персонажами, заставили их говорить обо всём, начиная с философии Платона и заканчивая кодексом Наполеона и ценами на моцареллу. А в конце сего раута двое синьоров у вас напильсь и подрались! Вот, вот! «Чтоб ты таки фалерно упился, потаскун паршивый!» — исступлённо голосил Джузеппе».

Соньо неожиданно расхохотался так, что директор даже подскочил в кресле.

— Ага, — глаза переводчика радостно блеснули, он азартно прищёлкнул длинными тонкими пальцами. — Там такая пикантная история приключилась! Первый участник драки — старый еврей Джузеппе, что жил неподалёку от собора святого Января, а второй — вечно пьяненький поэт Джованни. Так вот, приехавшая из Лондона жена этого еврея...

— Откуда вы это взяли?! — взорвался директор. — Где документы, ссылки?

Соньо осёкся, потускнел. Провёл ладонью по взлохмаченным чёрным с проседью волосам. В своем тёмно-сером костюме он был похож на костлявую длинноносуую неопрятную птицу.

— Разве стало хуже, Рудольф?.. — медленно и огорчённо выговорил он, не замечая, как директора передёрнуло от фамильярности.

— У нас здесь бюро переводов, господин Варезкин Соньо Валерьевич! Я бесконечно, бесконечно восхищён вашей способностью непринуждённо переводить с десятка языков, как говорится, туда и обратно, но я больше не могу, поймите же, не могу спонсировать подобную самодеятельность! Хотите трудиться на писательской ниве — бог в помощь, но только в другом месте! А вы, вы... Вы приносите мне притчи о крокодилах вместо торгового договора на продажу сумок, душераздирающие баллады о рыцарях вместо подстрочника к Ричарду Третьему. Одним словом... — перевёл дыхание директор, — одним словом, господин Варезкин, я вынужден расторгнуть договор за невыполнение. Извините, что сегодня, но другого выхода у меня нет, я уже подписал договор с другим переводчиком...

Директор говорил что-то ещё, но Соньо повернулся и, ссутулившись, молча пошагал из кабинета.

«Может, надо было всё-таки после праздников, — запоздало поразмышлял директор, но тут же одёрнул себя: притчи о крокодилах, понимаешь! Чудесные рекомендации, а нигде-то он долго не задерживается — у меня всего год и проработал... да... жаль, конечно...» И принялся торопливо собираться домой.

— Рудольф Константинович, — заглянула секретарша Танечка. — Там звонят, Варезкина просят. Что сказать?

— Нашли время... Я сам! Аллё! Кто спрашивает?

— Государственная жилищная инспекция в связи с необходимостью взыскания штрафа с гражданина Варезкина, — неспешно и солидно сообщили ему.

— Инспекция? Штраф? — немного сбился директор. — Какой ещё штраф?

— Большая задолженность гражданина Варезкина, проживающего по адресу... так, минуточку...

Директор услышал шуршание бумаг — характерный звук работы неспешной бюрократической машины, которой абсолютно нет дела до того, что сегодня люди торопятся за новогодний стол!

— Он уволен, сегодня уволен, — нетерпеливо переступил с ноги на ногу директор, потя в пальто и шапке.

— ...Проживающий по адресу... минуточку...

— Серебряный переулок, дом восемнадцать! — не выдержал директор.

— Да, совершенно верно. Так вот, мы никак не можем связаться с гражданином Варежкиным...

— Танечка! Будьте любезны, дайте телефон Варежкина!

— Гражданин Варежкин не отвечает на звонки по стационарному аппарату, таким образом...

— Господи ты боже мой... Танечка! Таня! Найдите им мобильный Варежкина, и ещё телефон той девушки... как её... Нади, кажется... ну, гид-экскурсовод, она у него с месяц назад заказывала кучу переводов брошюрок, он её ещё постоянно до метро провожал и розы дарил... Всё, побежал я! С Новым годом!

— Благодарим за сотрудничество.

2

Соньо пробирался московской улочкой, загребая снег беспомощными перед русской зимой европейскими лакированными ботинками. Его нетерпеливо обгоняли спешащие домой люди.

Соньо сильно прихрамывал, потому что одна его нога ступала по неаполитанской брусчатке, а другая — по летнему газону у лондонского Вестминстера. Он жмурил глаза, и колкий свет зимних фонарей превращался в остроконечные звёзды, которые покачивались в такт шагам. Фонари и пронизывающий холод были с ним здесь, но всё остальное...

Вопли дерущихся чаек, гул базарного дня, скрип трущихся друг о друга бортов рыбацких лодок у пирса, грохот прибоя, свежий, быстрый говор прохожих — всё сливалось, перемешивалось, пахло рыбой, печёным хлебом и тухлой водой, шлейфом тянулось в море, поднимаясь дымкой над мягкой дугой Неаполитанского залива. А потом вдруг накатывал приторный морковный аромат английских роз, и тогда перед глазами начинало мелькать розовое, красное, чайно-жёлтое...

«Ничего, сам закажу переплёт и подпишу Наденьке экземпляр про астронома, зелёный с золотом, она любит эти цвета... Устал я что-то, никак не могу сосредоточиться... Но почему же ему не понравилось, почему?» — обрывочно размышлял Соньо. После бессонной недели в четырёх стенах даже простая прогулка давалась с напряжением. Такая усталость накатывала и раньше, когда для перевода попадался особенно изысканный слог или стиль. Текст уносил Соньо туда, где был создан... Сознание, мутное от обиды, как будто делилось сейчас между тремя городами, колыхалось, как длинные щупальцы, в такт шагам, переливалось, как жидкость по витиеватым сосудам.

«Эй, смотри куда идёшь!» — сердито кричали ему. Раз позвонил телефон, но в трубке молчали, шуршали, не отвечали... А где кричали? На каком языке? Конечно, здесь, в Москве...

Соньо внезапно замутило, ноги подкосились, и он упал прямо в сугроб. Заходило не одно, а сразу три сердца, каждое из которых выплясывало само по себе.

«Три сердца... Осьминог ты паршивый, чтоб ты таки фалерно упился...» Стало немного легче. Соньо прикрыл глаза... и, судорожно вдохнув свежего морского воздуха, словно плюхнулся на скамеечку на набережной Санта-Лучии, что в Неаполе. Упоённо

работая над переводом, бережно выискивая наилучшее звучание слов, он часто представлял себя здесь. Над гладью воды плыла двугорбая вершина Везувия, чайки яростно дрались из-за рыбы. Рыба переливалась чешуёй на солнце, девочка в лёгком сиреневом платье, державшая связку жёлтых воздушных шариков, вдруг выпустила их все разом и смотрела, смеясь, как они улетают в пронзительно-голубое небо.

— Дяденька...

Соньо разлепил глаза. Пушистыми хлопьями падал снег на московской улочке. Рядом стояла девочка в меховой шапке и шубке.

— Нечего разговаривать с кем попало, — дёрнула её за руку мать. — Мы опаздываем к тёте Клаве! А нам ещё в магазины надо!

— Ма-а, на праздник всегда бывают воздушные шарик. Давай у дяди попросим один?

— Нечего разговаривать с кем попало!

Соньо обнаружил в руке верёвочку от жёлтого воздушного шарика и протянул его девочке.

— Спасибо огромное!

Мать решительно потащила дочь. Дрожащей рукой Соньо зачерпнул горсть снега, протёр лицо. «Дочь-прочь, дочь-прочь...» — похрустывали торопливые шаги. Так сухо и шелестяще-хрустко, как пенопласт жевать... Соньо машинально перевёл на итальянский: «фильявиа-фильявиа...» Вот уже не хрустит, мягко, тепло. В окситано-романской подгруппе валенсийское «филалуни-филалуни» звучало не хуже, даже нежнее. А вот кастильское «ихалехос-ихалехос» получилось сухо, захрустело не снегом, скорее жарким песком... Подумав о песке, Соньо поплыл в вязь арабского языка.

Порождённая простыми звуками скрипучего снега короткая фраза, произносимая на многих языках, становилась всё выпуклее, осязаемее. И в какой-то момент оказалась настолько сложной, что зажила самостоятельной жизнью, обрела новые свойства. Она была похожа на пёстрый трепещущий цветок в пространстве человеческих наречий. Фрактальный цветок: каждый лепесток подобен всему цветку как целому, точно так же, как отдельный перевод слова подобен всем другим. Новые, непредсказуемые свойства сложной системы восхищали Соньо. Созданная им фраза повлекла его сознание туда, где не существовало привычного человеку пространства и времени. Все города и страны — источники и хранители звуков, слов, языков, наречий — были рядом, нераздельные ни в пространстве, ни во времени, существующие единой точкой в каком-то объемлющем многомерном мире, рождённом таким, казалось бы, обыденным умением просто произносить слова.

— Варежкин, ты?! — вдруг ахнула молодая женщина, подбежала, перебирая каблучками по снегу. — Почему ты без пальто?

— Привет, Наденька, — Соньо суетливо завозился, выкарабкался из сугроба. — Вот, поскользнулся, а теперь домой иду. Жена меня ждёт, дети... Привет, привет...

— Варежкин... — Надя длинно, с большим удивлением посмотрела на него. — Пойдём-ка со мной, Варежкин, здесь недалеко кафе есть, чаю попьём, согреешься.

— Ну... пойдём, — согласился он.

...В тепле Соньо успокоился, забыл и шарик, и девочку. Они с Надей сидели за прозрачным круглым столиком и пили горячий чай с имбирём и лимоном.

— Меня уволили, — вдруг вспомнив, сообщил он. Теперь обида казалось далёкой, смутной.

— Перед самым Новым годом! — всплеснула она руками. — Может, как-то можно поправить?

— Да нет, не хочу я туда больше.

Сонь поболтал ложечкой в чашке. Огорчение Нади показалось ему немножко неискренним, но говорить о работе сейчас было неинтересно.

— Ты, Варезкин, иногда как ребёнок просто... — Она осеклась, покраснела, тут же добавила: — Но ты классный переводчик! Ты был на голову лучше всех лучших уже на втором курсе института.

«Лучшие из лучших, сэр!» — вспомнился забавный кадр из известного фильма «Люди в чёрном». Сонь живо представил себе сцену, столики, кресла, потом подумал: «Куда сотрудники по внеземным контактам ходили обедать, чем жили все эти переговорщики, переводчики с языков, для людей вообще не предназначенных?» Мысли побежали, побежали за кем-то из них, в чужой дом, в садик, а там качели и солнышко припекает, Калифорния, что ли...

— Варезкин, так что ты думаешь делать?

— А?.. — очнулся Сонь, украдкой глянул на её растрёпанные золотистые кудряшки. — А у тебя как дела? Где работаешь?

— Да всё там же, — снова удивилась она. — Вожу экскурсии по южной Италии. Из-за чего тебя уволили? Мы месяц не виделись, когда ты успел-то?.. Варезкин, ты чего?

Сонь смеялся. Перед его мысленным взором снова ругались старый еврей и молодой поэт Джованни. И Сонь принялся с упоением рассказывать Наденьке, как он последнее время всё ярче и ярче вспоминает Неаполь, город своего детства, особенно после этого изумительного текста в шестьсот страниц, и что он хочет выбрать обложку, зелёную с золотым...

— Постой, — деловито перебила она. — Я как раз готовлю обзорную экскурсию по Неаполю. Скажи, откуда ты взял все эти детали? Это мило и креативно.

А Сонь снова был не здесь. Он слушал певца, стоявшего у каменного парапета Санта-Лучии:

'A voglio bene...
'A voglio bene assaje!
Dicitencello vuje
ca nun m' 'a scordo maje¹.

Он слушал, но почему-то не видел певца...

— Послушай, Сонечка, — деликатно подождав, ласково назвала его Надя старым институтским прозвищем, — у меня тут перевод сложный, на капуанском диалекте, не сможешь? К завтрашнему очень надо, а мне сказали, ты так быстро всё делаешь, а? А если и с экскурсиями сможешь, я, может, с начальством поговорю, чтобы какую-то денежку заплатить тебе, а?

Сонь вдруг вспомнил жёлтый шарик. Украл он его или нет? Но ведь девочка сама отпустила шарик в небо, значит, он ей был не нужен...

— Не нужен, — сказал Сонь. И нелепо забормотал, по привычке переводчика выискивая близкие слова: — Значит, я не украл. Не спёр. Не спёрт... спрутовый шарик!... нет, не то...

¹ Я люблю её,
Я так сильно её люблю.
Скажите вы ей,
Что я её никогда не забуду! (*неаполитанский*)

— Нужен, нужен, — торопливо сказала Надя. — Ты мне всегда очень нужен! Просто последнее время столько дел, что я даже и позвонить не могла... Так ты согласен?

— Конечно, — сказал Соньо.

— Вот спасибо! — обрадовалась она и, перегнувшись через столик, чмокнула его в щёку. Достала из сумочки листочки и протянула ему.

Он взял, подержал в руках. Певец, наверное, ушёл, потому что люди разошлись, и только налетевший с моря ветер гонял мусор по набережной. Что же ей подарить... Ах, дурак! Розы! Розы! Перед Вестминстером садовник нарезал их целую охапку. Здесь зима, а там почему-то лето. Соньо представил, что у него выросло длинное-длинное щупальце, и оно потянулось, вне привычного времени и пространства, и шмякнулось, и зарылось во влажные от летней ночной росы цветы.

— Держи, — Соньо протянул Наденьке несколько штук. Снова накатила усталость. — Пойду я, Наденька, а то... скоро мосты поднимут.

Он нетвёрдо встал и пошёл к выходу, вспоминая, где же были мосты, а она недоумённо смотрела ему вслед.

— Так я позвоню вечером насчёт перевода, Сонечка? — крикнула она.

— Конечно.

3

Он постоял на улице, ловя языком снежинки. Вяло вспомнил, что никакой жены у него не имеется. И детей тоже. Что-то он напутал опять... И тут же забыл, о чём только что думал. Опустошённой казалась не только память — и слух, и зрение работали как-то неверно, дискретно. Соньо почти ничего не видел вокруг. Восприятие размазалось, растерялось, существовало уже не только в Неаполе, Лондоне, Москве... Разводили мосты над Невой. Грохотали трамваи Сан-Франциско. Лепетала японочка, изящная, как фарфоровая куколка...

Бах! Пушки? Фейерверки! Мир снова сузился до фонарно-искрящейся зимней улицы. И Соньо пошёл домой, стараясь вообще не думать. Разболелась голова, а в ней тихонько и нежно, как будто, чтобы не тревожить его, звучала неаполитанская песенка, которую Соньо автоматически переводил на русский.

E' na passione
Schiщ-forte 'e na catena,
ca me turmenta ll'anema
e nun me fa campa!¹

Он снова остановился, сел прямо в снег, поджав колени.

— Что такое, в самом деле, вроде бы всё нормально, — бормотал он. — Точно я осьминог какой-нибудь, с тремя сердцами, синей кровью и невзрачной спрутовой рожей. Позорят славный институт такие спрутовы...

Недавняя шутка про осьминога не казалась смешной. Игры слов тоже не получилось. Какой ещё осьминог? Глупо.

¹ Эта страсть,
Что крепче цепи,
Терзает мою душу
И не дает мне жить! (неаполитанский)

Алексей Колесников

Рассказы

Прошлогоднее унынье

Проснувшись, я почувствовала боль в горле. Будто моток проволоки проглотила. Валя, выползай! — сказала я.

Валя была завёрнута в одеяло. Некоторое время я рассматривала её пухлые ножки с короткими пальцами. Как любит говорить один мой клиент, умилялась.

Выползай уже!

Валя улыбнулась и потянулась ко мне. Я поцеловала её в лоб, но не ответила на объятия. С неудовольствием мне пришлось отметить, что у неё руки — и белые, и припухлые — гораздо привлекательнее, чем мои. Почему-то именно женщина находится в такой безжалостной зависимости от возраста. Будто наше племя в чём-то провинилось. Я уже стесняюсь одежды без рукавов, а Вале ещё долго не знать подобных переживаний.

Клиентов под Новый год не бывает семейная пора. От Олега пропущенных не было. А было бы здорово подзаработать на клиенте или получить от него перевод. Даже шампанского купить не на что.

Сама позвони какому-нибудь клиенту, посоветовал Валя. Напросись, как ты умеешь. И что, скажи, что Новый год?!

Она сидела на кровати по-турецки и драла беленькие волосы толстозубой щёткой. Приводила себя в порядок основательно и лениво — со вчерашнего дня стало понятно, что на неделю она остаётся без работы.

Я не знала, кому звонить. И вообще так не делается. Пару раз я проворачивала. Я поставила вариться яйца. Они дребезжали в кастрюльке, поэтому я не сразу услышала вибрацию телефона.

Вот тебе и клиент, — крикнула Валя, вертясь у зеркала.

Ага, саркастически кивнула я.

Удивительно, но звонил действительно клиент. Он попросил приехать как можно скорее к его пятнадцатилетнему сыну. Я уже ездила в их богатенький дом. У них так хорошо! Мебель подобрана со вкусом: все спальни выполнены в багровых тонах, а коридоры тёмно-фиолетовые с неоновой подсветкой. И мальчик Артём, слегка располневший в последнее время, но зато уже без пубертатных прыщей, тоже мне нравился.

Колесников Алексей Юрьевич родился в 1993 году в Белгороде. Образование высшее юридическое. Печатался в журналах «Новая Юность», «Нева» и др. Живёт в Белгороде.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2024, № 1.

Артём отличался от других клиентов внимательностью и молчаливостью. В моём деле это лучший вариант.

Я сходила в душ, высушила волосы, сделала укладку, пока сохла маска, надела юбку, свитер под горло, подвела глаза, накрашила губы, сложила всё необходимое в сумочку и натянула замшевые сапожки. На всякий случай, взяла запасные колготы.

На час или на два? — спросила Валя.

На два, — отчиталась я и побежала на улицу.

Прежде чем вызывать такси, я зашла в магазин за сигаретами и заодно приценилась к шампанскому на вечер.

Декабрь был невероятно тёплым. За всё время случилась лишь одна морозная ночь. Жирный чернозём тянулся за обувью, становясь отпечатками подошв на сухом асфальте. Ничего новогоднего в природе не было.

Люди волокли шелестящие пакеты. Гуляли громкие подростки в своих смешных куртках. Дороги плотно заполнились автомобилями. Я поняла, что из-за пробок буду добираться по нужному адресу целый час. Хорошо, что такси мне оплатят.

Наша съёмная квартира находится в тихом месте у реки, в самом углу двора. Рядом мост, связывающий нас с центром, и заброшенный пляж, безлюдный даже летом. В одну сторону — частный сектор, в другую — набережная.

Берег оккупировала шумная стая диких уток. Не боясь людей, они шлёпали по пожухлой траве лапами, не то сделав стоянку в перелёте, не то вовсе решив, что наш город подходящее для зимовки место. Они базировались тут третий день, и Валя даже не поверила мне сначала, когда я их обнаружила.

Ещё скажи, жирафы поселились, — язвила она.

Я вспомнила слышанное где-то, что бедные птицы натирают крупные мозоли во время перелёта. Впрочем, потом их ждёт отдых. То есть то, что незнакомо нам ни зимой, ни летом.

Вялые, нагловатые, они бродили по берегу и переговаривались на своём языке. Редкие для этого места прохожие снимали уток на видео, бросали им хлеб.

Мальчик встретил меня во дворе. Отца дома не было. Мы неплохо ладили. Он не пытался казаться взрослым и вёл себя послушно. С такими клиентами очень легко. При этом он всегда старался произвести на меня впечатление, демонстрируя все свои навыки. Можно сказать, что он делал всё сам, и я скорее не исполняла свои обязанности, а отдыхала.

Не ожидала я вызова в Новый год, — сказала я, улыбаясь.

Он пожал плечами, снял чёрный свитерок, повесил его на горбатую спинку кресла и уселся на диван.

Мы начали. В сонном и огромном доме его голос гудел, как у взрослого.

И всё же я устала. Практически истощённая, я возвращалась домой уже с сумерками. Людей на улице становилось меньше. Утки, видимо, улетели, оставив после себя комочки пуха.

Очень хотелось есть. Так сильно, что ревело в желудке. Мальчик мне не предложил ужин, хотя я на это рассчитывала. Зато его отец перевёл мне плату на карточку.

Я купила бутылку шампанского, яблок, баночку ананасов, сыра и фруктов. Тащила всё это домой и предвкушала, как обрадуется бездельница Валька.

У подъезда я почувяла что-то неладное. Дверь в него была широко раскрыта. Под фонарём, на крыльце, я увидела размазанный грязный след. Я вспомнила того неизвестного, угрожавшего Вале.

Вошла в подъезд. Темно и пахнет, как в сарае. Мне встретился соседский старик с протезом, он всегда внимательно меня осматривал, но никогда не здоровался.

С тревогой я поднялась на второй этаж, подошла к двери нашей квартиры и увидела след волочения — такой же, как на крыльце.

Коснулась ручки двери, она измазана чем-то липким. И, самое страшное, то, чего я опасалась, дверь была не заперта.

Я шагнула в тёмный коридор, нащупала выключатель, отодвинув вечно стоящий на тумбочке мешок с грецкими орехами. Растёкся свет из лампочки, которую вкрутил нам Олег. Вздвогнув, я бросила взгляд на бледно-бежевый коврик и увидела в его ворсинках бурые пятна. Несколько орехов вывалились из мешка, как гильзы из пистолета, и зацокали по затоптанному паркету.

Время замедлилось. Я хотела позвать Валю, но в горле стало так тесно, что я только вдохнула тяжёлый сигаретный дух квартиры и пошла на кухню.

В центре комнаты, у стола, неподвижно, опустив голову, как кукла, спиной ко мне сидела Валя. У её босых ног блестела лужа крови, в которой тонули какие-то серые комочки. Рядом на столе лежал лезвием к Вале наш большой кухонный нож с деревянной ручкой. Воняло болотом и половой тряпкой.

Валя! — закричала я и схватила её за плечо.

Чего ты орёшь, мам?! — дёрнувшись, как от удара током, взвизгнула Валя.

Белые наушники выпали из её ушей и скользнули по волосам в таз с кровью. Первый раз за восемнадцать лет Валя грязно выругалась при мне, а я, не сдержавшись, ударила её наотмашь по губам.

Успокоившись, я заметила утиную голову с прикрытыми глазами. Птичью бледную тушку Валя держала в руках, как полено. На ней уже почти не осталось перьев, которые Валя складывала в пакет.

Моя девочка добыла нам ужин, как настоящая тигрица. Я и подумать не могла, что она на это способна.

Насупившись, Валя смотрела на меня некоторое время, а потом спросила надменно:

Что там твой мальчик? Его английский good?

A little better, — сказала я. «Ворона» Эдгара По переводили. Папаша куда-то уехал, а мы два часа, как проклятые: «And nothing more, and nothing more». Произношение стало чуть лучше, но всё равно не такое, как у тебя.

Пфф! — гордо сказала Валя. Олег звонил. Сказал, всё отлично у них. В том смысле, что наступление затихло. Перемирие на Новый год.

Не болеет?

Сказал, коньяк пил сегодня. И, кажется, не чуть-чуть.

Как же ты её поймала? — спросила я и почувствовала такую жалость к Вале, к себе, к Олегу, ко всем нам, неприкаянным.

Да легко. Валя шлёпнула утиную тушку в миску. Ей крыло кто-то сломал. Все улетели, а она, как пьяная, ходила вокруг дерева и в глаза мне заглядывала. В общем, считай, я сжалилась.

Отвага какая! — сказала я. У бабушки мы уткам головы топором рубили. Но чтобы вот так, ножом...

А у меня отчим спецназовец, — сказала Валя гордо.

До конца этого чёрного года оставалось шесть часов. В телевизоре пьяный мужчина, как всегда, ехал на Третью улицу строителей. Он так легко перемещался между Москвой и Ленинградом, что зло брало. Мы с Валею нигде никогда не бывали. Стоимость билетов бесчеловечна.

Зажглись фонари, пошёл снег.

Со всех сторон соседи праздновали. Гремела музыка, доносился смех. Под балконом кто-то орал песню. Салют в том году отменили в нашем городе, но мы всё равно собирались пойти в центр.

Утка долго томилась в духовке, набитая кислыми яблоками и обмазанная мёдом. Дикий аромат заполнил квартиру.

Кажется, готово, — сказала Валя.

Надев жёлтое платье и персикового цвета тёплые носочки, она ждала меня на кухне.

Я переделалась в полосатый махровый халат, убрала волосы и тихонько поплакала, сидя на краешке ванной.

Да иди уже, — позвала Валя.

Повсюду, кроме кухни, мы выключили свет и отчего-то молча стали ужинать.

Снега за окном было полным-полно. Целый город снега.

Любовь к электричеству

Есть такие люди, которые долго не держатся на свете, а свет на них стоит вечно.

Андрей Платонов

Свет.

Сергей открывает глаза и осматривает квартиру. Ему снилось, что он гостит у бабушки. У неё же он и рассчитывал проснуться. Но нет холостяцкая квартира, купленная пять лет назад.

До будильника ещё час, но Сергей уже выспался. Он не пьёт, не курит, много времени проводит на свежем воздухе, внимательно относится к своему весу и четыре раза в неделю посещает спортзал. Организм его не подводит.

Сергей шестьдесят раз отжимается от пола, делает сорок медленных приседаний, потом становится на руки и вытягивает к потолку мускулистые ноги. Его лицо теплеет, он чувствует шарообразность глаз.

Потом бритьё, здоровое опорожнение и завтрак. Сегодня Сергею исполнилось сорок лет, но такой бодрости, какую он ощущает, могут позавидовать и двадцатилетние. Как раз в двадцать лет Сергей пришёл работать электриком на тогда главную в городе подстанцию.

Сергея поздравляют в офисе. Касаясь губами его квадратной щеки, женщины не отказывают себе в удовольствии тронуть ладонью его грудь или завалиться на его плечо, способное служить местом для посадки вертолётца.

Почти со всеми женщинами в офисе, в разные годы, он спал. Даже с Викторией Владимировной, которой теперь шестьдесят, а тогда было сорок.

На исходе рабочего дня он размышляет: в спортзал или — вдруг — куда-то ещё? Сегодня «день ног», но ведь они в порядке.

Владимир Панкратов

В конце аллеи

Рассказы

Дом

По дому гремели чужие шаги. Слышался матерок. Скрипя, хрустели отрывающиеся брёвна и балки, почти сросшиеся меж собой за долгие годы в единое целое. Мы с Риткой прятались в подвале. Ритка — моя третья жена, я — её второй муж. В своё время оба прошли извилистые пути, прежде чем найти свою половинку. Наверное, это был промысел Божий. Жили душа в душу, хоть и орали друг на друга ежедневно. Я во время ора тарашил глаза, Ритка отчаянно жестикулировала и строила гримасы, передразнивая мою артикуляцию. Но без злобы, так, для выпуска пара и самоутверждения, в котором никто никогда не уступал. Наши крики, взлетавшие над домом, даже для соседей стали доброй традицией.

— Что они делают?

Ритка испуганно прижалась ко мне так сильно, что прошла почти насквозь. Я вытащил её из себя и шепнул в самое ухо:

— Дом ломают. Строительство всегда снизу начинается, а демонтаж сверху, с чердака. Тарахтенье слышишь? Бульдозер подогнали, сейчас верх разберут, чтоб на них не грохнулся, а остальное им, бульдозером.

— Наш дом?! Я же в нём каждый уголок, как родной, знаю. Душу вкладывала...

— Я тоже каждый гвоздь помню забитый, ну и что?

— А участок?

— На участок земли пару камазов вывалят и ковшом спланируют.

Глаза Ритки округлились.

— Прямо по цветочкам? Я их сажала, ухаживала, разговаривала с ними.

— Новые посадят, свои.

Шум стройки прекратился. Голоса и шаги постепенно удалились и стихли. Ритка показала глазами на потолок подпола.

Панкратов Владимир Иванович — родился в 1957 году в Москве, в рабочей семье. Стихи и прозу пишет с тринадцати лет. Занимался бизнесом. Живёт в Подмосковье.

Предыдущая публикация в ДН — 2024, № 6.

— Пойдём посмотрим?

Мы выскользнули наверх. «Разруха» — единственное слово, пришедшее на ум. Вещи, имевшие свои места, валялись по полу в беспорядке, над ними шевелилась дымка многолетней пыли, прошиваемая веером солнечных лучей, радостно впрыгнувших в окна, лишённые штор.

— Какой ужас!

— То ли ещё на втором этаже, айда туда.

Второй этаж был уже без потолка и кровли. Редкие низкие облака плыли, цепляясь за вывороченные стропила, болезненно сжимая свои распоротые клубы. Поверх сброшенной чердачной утвари, усеявшей обе спальни цветными пятнами, покоились семейные фотки. Ритка с сожалением протянула: «Вся наша жизнь под ногами... Какие мы были хорошенькие. Вон я в купальнике, разве не прелесть?»

Фигурка на фото в самом деле смотрелась потрясающе сексапильно.

— Интересно, как выгляжу сейчас?

— Точно так же, Ритуха.

— Да ладно, сама знаю, что не та уже.

Фраза прозвучала разочарованно, но с лёгким кокетством.

— Не переживай, ты для меня такой навсегда осталась, а если сомневаешься, в зеркало глянь.

Это я съехидничал — в зеркалах-то мы ведь уже давно не отображались, с тех самых пор, как поменяли этот свет на тот, или тот на этот, да какая разница.

— А мы?! Где мы-то жить будем?

— Жить?! Мы уж отжили, забыла? Тут обитаем только потому, что дом и участок — единственное, что после себя оставили, вот и зацепились в нём, а если снесут и участок сравняют, то ничего нашего на земле не останется, не за что цепляться будет. Всё наследнички долбаные! Седьмая вода на киселе, которых и в глаза-то не видели, а может, вообще чужие люди, им по-барабану, сколько мы тут потов пролили, сколько деньжищ последних вбухали.

Ритка смотрела на меня глазами испуганного ребёнка. Внезапно такая волна жалости к ней и себе накатила, что был бы живой, точно слезу б выдавил. А Ритка продолжала рвать душу: «Нас больше не будет? Совсем-совсем? И мы больше никогда не увидим свой домик, цветочки?»

— Зато, как в сказке, «они жили долго и счастливо и... ушли в один день». Слово «умерли» язык выговорить не поворачивался. Я старался быть мужественным циником, хотя внутри трепетал едва ли не сильнее Ритки.

Тарахтенье бульдозера перешло в рёв, следом раздался лязг гусениц.

— Ну вот и всё... Может, это сон?

— Знаешь, Ритух, когда мне снились кошмары, я через силу встряхивался и резко открывал глаза, наваждение пропадало мгновенно. Давай возьмёмся за руки и зажмуримся, а с первым ударом поднимем веки и увидим друг друга, а вся эта хрень исчезнет.

Железный грохот нарастал. Стены и пол начали вздрагивать. Картина с морским пейзажем, на которой в прежние годы отдыхал взгляд, покосилась на стене и почти тут же упала, а в то место, где она висела, ударил стальной бульдозерный ковш. Стена выломалась внутрь. Мы широко распахнули глаза... Одновременно...

Пост

Апрельское раннее солнце, продрав глаза, глянуло, сощурившись, вниз на несколько заблудившихся в лесу домиков и, с любопытством вытянув свой золотой палец, шевельнуло их дремотный мирок.

Шла страстная седмица Великого Поста. Митяй молча стоял на коленях перед смотрящей на него из угла иконкой, а снизу на лик Богородицы смотрела порожняя водочная бутылка.

В комнату вошла жена.

— Хошь бы рожу обрил перед Заступницей. — Сказав, она перекрестилась и уронила взгляд на пустую ёмкость.

— А ты, Митяй, которой из двоих молитвы возносишь, той, что сверху, али той, что внизу?

— Обоям! — отрезал Митяй. — Одной, чтоб дух скрепила, другой, чтоб не смущала.

Жена покачала головой.

— Смотри не попутай.

— Дура ты, дура! Одно слово — баба.

С улицы послышался отчаянный стук в ворота.

— Кого там чёрт принёс? Не ходи, нельзя нам соблазнам поддаваться, не ровён час сорвёмся.

— Тогда всё, дело жисти всей рухнет!

Но через минуту дверь в дом отворилась, и в кухню ввалилась соседская супружеская чета.

— Здоров, хозяева! Чего калитку не запираете, мало ли дураков по дорогам шатается?

— И по домам чужим тоже... — недовольно пробурчал Митяй.

Но вошедшие, будто не слыша, водрузили на стол хозяйственную сумку и бойко начали извлекать содержимое.

— Гость в дом — Бог в дом! Как говорится, чем богаты, тем и рады.

На стол плюхнулся изрядный шмат варёной колбасы, бережно извлечённый из засаленной газеты, банка домашних солений и пластиковая бутылка из-под минералки с мутноватой жидкостью.

— Хлеб не стали с собой тащить.

— А эт разгуляй по какому случаю? — удивилась хозяйка.

— А ни по какому! Весна вроде! Солнышко вылезло, самогонку выгнал по новому рецепту. Ты, Митяй, таку ишо не пробовал. Вот и решили с моей в гости к вам наладиться. Давай нож, хозяйка, да посуду гранёную!

Та послушно подала тесак и два стакана с парой вилок. Мужик наполосовал колбасу крупными ломтями, разлил и в удивлении остановился, ища недостающие ёмкости.

— Про себя-то чё, забыли?

Хозяйка тяжело вздохнула.

— На Посту мы. Митяй на Пост встал и меня поставил.

— Сторожами, что ль, устроились?

— Если б! Виденье моему-то было. Аккурат за неделю перед Постом Великим, апосля недельного запоя от твоей вот этой самой самогонки.

Надежда Волненко

Белая клинопись на снегу

* * *

Снег с запахом халвы, дыра в стихотворенье,
метафизичность паузы,
дрожание куста, —
Бог смотрит на свои озябшие колени
и сочиняет снег как общие места.

На кафельном полу — унылые разводы.
В разгаре банный день. Сияние белья.
Стоят она и он, и набухают воды,
и порастает сад терновником былья.

А за окошком снег — подобье сладкой ваты:
и страшно, и смешно, и хочется домой.
Они Ему кричат: «Да мы не виноваты», —
а Он глядит на них, качает головой.

Их просьбам бесконечным: *хочу, скорей, подай* — дна
не видать, Творцу хоть вызывай врача.
Но музыка звучит: то Моцарта, то Гайдна.
На пульте у Него последняя свеча.

* * *

И если зима, то, конечно же, снег.
И если жемчуг, то не к слезам ли?
Забыть про дела, устроить побег,
шепча заклинания о Сезаме.

Волненко Надежда Григорьевна — поэт, переводчик, музыкант. Родилась и живёт в Санкт-Петербурге. В 2013 году окончила факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета (кафедра органа, клавесина и карильона), в 2023 — магистратуру филологического факультета СПбГУ. Печаталась в журналах «Звезда», «Аврора» и др. Участница Зимней школы поэзии в Сочи (2020, 2022, 2023), Форума молодых писателей «Липки» (2021—2023), арт-резиденции АСПИР в Перedelкине и др.

В журнале «Дружба народов» публикуется впервые.

Простуженный ветер зацеловал
на Невском витрины, ополоумев
от белой крупы. Как чист овал
летающих снежинок, как точен в сумме
доход заснеженных королевств:
мороза морзянка, трескучесть льдинок, —
стеклянная зоркость земных веществ,
вступающих в тающий поединок.

* * *

У тебя нет имени, нет лица,
так чего ты ищешь, выходя из яйца,
из скорлупки белой выходя во тьму
и покуда не чуя свою вину?

Что ты плачешь?
Кого ты ищешь?
Тонкое платьице,
дудочка из камыша,
кто ты: девочка или душа?

Видишь букв цветущую белизну,
на пороге танцующую весну?
Но не хочешь понять, как краснеет кровь,
как поёт угасающая нелюбовь,
как язык говорит-говорит-говорит,
как вина болит.

* * *

Вот, допустим, снега ласковая белизна,
в магазинах толчея и дороговизна.
Отчего ты сегодня грустна,
дорогая моя отчизна?
То, что выхвачено у времени, —
окно,
в нём толчёного снега толокно,
белая клинопись на снегу,
тьнь голубя — ни гу-гу.
Никаких иных чёрточек и примет:
подают голубя на обед,
разговоры с привкусом лебеды:
до какой черты, до какой беды?
Что там в вашем, нашем краю?
Мы живём как мёртвые да в раю:
всё твердим про жизнь, а в уме она —
непоправимая белизна,
поглощающая стол, кошку, свет,
телевизор, фантики от конфет,
разговаривающих тебя, меня,
тишину, которая, как звеня-
щая венка в мировом виске.
Повисим ещё на волоске.

* * *

На улице камляет грязь,
полночно чавкают ботинки.
Какая музыка лилась
небесная из тонкой льдинки!
Когда сосулек полон дом,
натружены сырые крыши,
и если прокричишь *дурдом*,
тебя на небе не услышат.
Ну а теперь скрипит струна
над жизнью мелочной и глупой,
и если посмотреть под лупой,
то даже лупа не видна.

Тамерлан Тадтаев

Адреналин

Два рассказа

«Пирамиды»

После перекура ребята принялись загружать сосновые, пахнущие смолой доски в грузовик. Меня попросили постоять на стрёме. Без проблем, сказал я, посидел в тени ореха минут десять, докурил окурочек, плюнул на свои обязанности и пошёл бродить по селу. Я рассчитывал найти здесь хоть какую-то сносную обувь, мои «саламандры» никуда не годились, пора было менять, но тратить на новую пару не хотелось — надеялся, что случай подкинет мне трофейные. Да и деньги, что иногда перепали мне, почти все уходили на покупку патронов. Я и мамину пенсию воровал, а потом вообще совершил преступление: спёр золотые кольца умирающей от рака тётки и выменял их в сапёрной части на гранаты. Словом, всё мало-мальски ценное уходило на оружие и боеприпасы, потому и одежда на мне была сплошная рвань, зато пулемёт мой сверкал. Но с оружием к девчонке на свидание не погрёшь, ей подавай чувака в модных джинсах-пирамидах, которые стоят безумных денег.

Я толкнул ногой ржавые ворота и вошёл во двор небольшого кирпичного дома. Здесь, как и во всём селе М., никто не жил, в комнатах мебель была перевёрнута, посуда перебита, нечем было поживиться, матрасы и те утащили — страшное дело. Вдруг до слуха моего донёсся шорох. Я вскинул пулемёт, прицелился в дверь и грозно спросил: вина хар?¹ Мне не ответили. Я выждал пару секунд и бабахнул, хотя прекрасно знал, что за дверью никого быть не могло, врагами тут и не пахло. Просто мне стало скучно, я и решил повалять дурака. Ребят я тоже не напугал, никто не прибежал спросить, в чём дело, как бывало прежде: привыкли, наверное, к моим выходкам.

Тамерлан Тадтаев — осетинский русскоязычный писатель, публицист. Родился в 1966 году в Цхинвале. Участник грузино-осетинской войны. Награждён медалью «Защитнику Отечества». Публиковался в журналах «Дружба народов», «Нева», «Сибирские огни». Автор нескольких сборников стихов и прозы, в том числе «Судный день» (2010), «Полиэтиленовый город» (2013), «Ангел Бесы» (2020). Лауреат «Русской премии» и премии журнала «Нева» (2008).

Предыдущая публикация в «ДН» — 2023, № 2.

¹ Кто ты? (груз.)

Сказать по правде, мы сейчас занимались самым настоящим мародёрством: разбирали и вывозили дома из села и продавали. Но долю мне не засылали! Это был уже седьмой заезд в Мамисантубан, и сегодня я решил спросить, где мои деньги. Мог выйти конфликт с мегакрутым Ж., который был не по возрасту забывчив. Я решил, что буду говорить с ним жёстко, чисто по-гаматовски, земля ему пухом, и плевать на то, что Ж. раз в пять сильнее меня! Мой пулемёт против его сраного автомата — кто первым спустит курок, тот и прав. Впрочем, я надеялся, что ребята успеют разнять нас, прежде чем прольётся кровь.

Я выбрался из пустой хаты и заметил возле собачьей конуры картонную коробку, пнул её, и оттуда вывалилось несколько пар обуви. Я сразу же схватил бордовые казаки и, хотя кожа была твёрже дуба, влез в них, потоптался и, визжа от восторга, принялся кружить вокруг будки с оборванной цепью. Ходьба в колодках немного остудила мою радость, но, поразмыслив, я всё-таки взял сапоги домой: размягчу кожу оружейным маслом, ну или мама что-нибудь придумает, она у меня на все руки мастер. В общем, я решил заявиться домой в казаках, «саламандры» свои выкинул и, морщась от боли, потопал к своим. Ребята уже загрузили машину, Ж. сел в кабину, завёл мотор, кивнул мне так, будто родней меня у него никого на всём белом свете не было, и мысль поговорить с ним о деньгах погасла так же, как и вспыхнула. Нет, не умею я отстаивать свои интересы, надо быть зверем, чтобы выжить в такое время.

Машина вскоре скрылась за поворотом. А мы четвером брели по дороге вдоль глубокого и широкого канала, который делил Мамисантубан на верхний с живописным холмом и утопающий в зелёнке нижний. Я шёл рядом с щеголеватым парнем по кличке Диджей, он недавно приехал из Москвы, и мне смерть как хотелось узнать его мнение о моих сапожках.

— Клёвые казаки, — улыбнулся Диджей. — Ты в них похож на Блондина из «Хороший, плохой, злой».

— Клинт Иствуд крутой, — сказал я, польщённый таким сравнением.

Диджей прицелился из автомата в домик с верандой на живописном холме, надул румяные щёки и выдохнул:

— Бах, бах! Ну всё, расслабьтесь, парни, я убил всех врагов.

Ребята одобрительно покивали ему: дескать, надо же, какой молодец — и, уставшие, молча продолжали путь. А мне пришла мысль, которой я тут же поделился с новичком в нашем блевотном деле.

— Эй, Диджей!

— Что?

— Смотрел фильм «Чапаев»?

— Лучше скажи, кто его не смотрел.

— Помнишь, он плыл по реке, а вокруг него сыпались пули?

— Ну?

— Гляди, — я остановился и, направив дуло на лазурную прохладную воду канала, стал стрелять одиночными. — Такие же фонтанчики, как возле Чапая! — орал я. — Правда, красиво?

— Офигенно! — Диджей от восторга чуть не выпрыгнул из своих модных пирамид с верблюдом на заднем кармане. — Но твои фонтаны круче!

— Иди ты! Что, серьёзно?

— Ну конечно! У Чапая были чёрно-белые фонтанчики, а на твоих радуга играет!

Вдруг на нас обрушился шквал огня, пули свистели над головой, взрывали землю под ногами, косили ветки в саду за проволочной сеткой.

— Засада! — крикнул я и, развернувшись, прикрыл собой Диджея.

Но в следующий миг забыл о нём; пофиг, что с ним да и со всеми остальными тоже, главное — выбраться самому. Я нацепил очки и, улучшив зрение, палил сначала наугад, выигрывая время и пытаюсь понять, откуда по нам жарят. Я нашёл огневую точку противника на холме и стал гасить её, расстреляв магазин в сорок пять патронов. В широких карманах моих слаксов оставалось ещё два таких же рожка и лимонка — самое время воспользоваться ею. Я выдернул кольцо из гранаты, швырнул её вперёд, лёг на землю, дождался взрыва. Потом пристегнул полный магазин к своему РПК и приготовился бежать к своим, как вдруг увидел в высокой, выше человеческого роста, траве парня в камуфляже.

Он был очень большой и широкий, прямо как шкаф, или, может, воображение моё его таким нарисовало. Солдат хотел улизнуть, но, заметив меня, остановился, и круглое лицо его расплылось в улыбке. Не знаю, кто это был, может, до войны мы были знакомы, учились в одной школе или вместе занимались борьбой? Тогда не было преград для дружбы, мы просто обнимались при встрече и угощали друг друга пивом. Могли, конечно, подраться пьяные в хинкальной, но точно не по национальному признаку. И если в осетинский дом приходил грузин, то, чтоб не обидеть гостя, хозяева все начинали говорить по-грузински — такие были правила, но сейчас они изменились.

Не знаю, что было у парня на уме, лучше бы он ушёл, и тогда мне не пришлось бы стрелять в него. Три года войны не прошли для меня даром, всё произошло слишком быстро: почти на автомате я дал по нему очередь, он упал в траву, и она, шурша, сомкнулась над ним, будто проглотила.

С холма опять стали жарить, я отбежал за сложенные в штабель бетонные плиты, которыми было выложено русло канала. Ребята отстреливались оттуда и кричали, что надо отступать, но было понятно, что всё самое страшное уже позади. Мы были в укрытии, живы-здоровы, можно было переждать здесь, пока перестрелка не закончится, и спокойно уйти. Ясно, что грузины устроили нам засаду: грузовик они пропустили, потому что в нём был только один человек, и, надо признать, не прогадали — зачем мочить труса? Они ждали нас, обложив с обеих сторон, сверху и снизу, но я сбил их с толку, когда стал палить в канал в воображаемого Чапаева. Те, что сидели на холме, скорей всего, решили, что пора, стали по нам стрелять, подставили своего, и я завалил его. Но почему он вышел из засады, улыбаясь врагу? Спутал, что ли, со своими или узнал меня и хотел спасти? И вдруг я вспомнил, кого убил: Хуича! Мы занимались вместе борьбой, оба ходили к одному тренеру. Он был толстый, стеснялся своей полноты, но всегда улыбался, был очень добрый, щедрый, всегда делился вкусняшками. Мы подружились с ним, и однажды я заступился за него перед каким-то бандюганом, который пытался выпотрошить его карманы. Ох как долго я дрался с этим отморозком, вся спортшкола смотрела, как мы бьёмся. Я чуть глаз не потерял в этой сумасшедшей битве, а после два месяца ходил с фингалом. После этого случая Хуича при встрече угощал меня вкусными чурчхелами. Однажды он пригласил меня в гости, родители его были на работе. Мы забрались на чердак, где сушились чурчхелы, туда же Хуича притащил бутылку сладкого вина, и мы с ним напились.

Время шло, мы росли, менялись. Из толстого, неуверенного в себе мальчика Хуича превратился в красавца великана с открытым добрым лицом. А когда его забирали в армию, он явился ко мне домой и просил прийти на провода, сказал, что для него это будет большая честь. Отслужив, Хуича вернулся домой, и отец, директор ресторана, купил ему белые «Жигули». Сколько раз Хуича притормаживал возле меня,

спрашивал, куда подвезти, не нужно ли чего, и сегодня, наверное, опять хотел выручить, но вместо «спасибо» я убил его.

Ж., голый по пояс, подвалил с автоматом, как Рэмбо, и спросил, что случилось. Я думал, что никто не заговорит с этим подонком, но нет, мы как сумасшедшие принялись рассказывать ему про то, как нас чуть не положили всех. Только Диджей молчал, румяное лицо парня было бледней тетрадного листка. Он впервые побывал в бою и сейчас переваривал его, наверное, испугался, с кем не бывает, зато получил боевое крещение, урок пойдёт ему на пользу, и в следующий раз чувак не будет прятаться за чужой спиной. Ж. похвалил меня и пообещал прислать мою долю завтра, я чуть не сплясал перед ним — так обрадовался получить за свою работу хоть что-то. Я уже воображал себя в такси с кучей бабла в кармане. Мы мчимся, я сижу в почётном переднем кресле, и таксист спрашивает, где меня высадить во Владикавказе; возле коммерческого магазина, конечно, говорю я небрежно, хочу купить себе пирамиды с верблюдом на заднем кармане. После такого ответа пассажиры в тачке думают, что я такой же крутой, как Гамат, и смотрят на меня с восхищением. Казаки на мне блестят как новые, кожа на них после обработки оружейным маслом мягкая-мягкая.

Наговорившись внаглую, мы решили валить домой. Возле машины мы разделились: я и Диджей решили идти пешком, остальные забрались в грузовик и укатили. Тут меня прорвало: сука, гондон, трус, отсиделся в машине, нет чтобы прийти на помощь, а если бы нас там всех перебили! Нет, ты слышал, Диджей, он обещал заслать мою долю, как будто у него были другие варианты! Не знаю, что с ним сделаю, если ещё раз кинет меня! Пусть даже не пробует, нашьпигую ему харю свинцом!

— Таме, послушай, — перебил меня Диджей.

— Что?

— Я тебя чуть не убил, до сих пор не могу прийти в себя! — Диджей отёр со лба пот.

— Как это?

— Я был за тобой, когда началась пальба...

— Не переживай, — я похлопал парня по плечу, — в первый раз я тоже струсил, в штаны чуть не наложил, так что это нормально!

— Ты не понимаешь, Таме! Когда прикрыл меня, дуло моего автомата упиралось тебе в спину, я передёрнул затвор, нажал на спуск и, если бы не осечка, убил бы тебя!

— Ну ты же не нарочно?

— Нет, конечно, прости меня!

Диджей хотел упасть на колени, но я схватил его и не дал запачкать джинсы.

— Да всё нормально! А дашь поносить свои пирамиды?

— Я тебе их подарю.

— Ты что, серьёзно?

— Какие тут шутки, — он отстегнул магазин автомата, оттянул затвор, патрон выпал из ствола, я поднял его и увидел, что капсула на нём, действительно, пробита бойком. — Теперь понимаешь, каково мне?

Я не стал говорить ему, что только что убил своего друга, он бы тогда, наверное, вообще умер от горя, а у меня даже слёз не нашлось, чтобы оплакать Хуичу.

Диджей стал снимать с себя джинсы, мы махнулись брюками прямо посреди улицы. Две женщины в чёрном прошли мимо, изумлённо оглядываясь на нас и перешёптываясь. Но мы как будто даже не заметили их и говорили-говорили-говорили...

Игорь Кузнецов

Спички от Егорыча, или Как Петя стал Кузнечиком

Рассказ

В.Е. Чумакову

1

По профессии Егорыч был плакатистом. Но Кузнечик его застал уже не в лучшие времена. А ведь когда-то для Валерия Егоровича ежевечерне держали резервный столик в ресторане «Арагви».

От былого величия осталась мастерская на Фрунзенской набережной с пятью высокими окнами, выходящими на Москву-реку, и верхним светом. Да и внешне он не утратил былинной значительности черт: богатырского телосложения, с окладистой бородой, Валерий Егорович с первого взгляда и даже с излишком производил впечатление настоящего большого художника, какими их любят изображать в кино и на карикатурах. Разве что классического берета для полноты образа не хватало, но его легко было вообразить.

Кузнечик, он же Петя Кузьяев, немного стеснявшийся своей неблагозвучной фамилии, выглядел попроще: роста среднего, с короткой бородой-щетиной и в круглых очках, он напоминал типичного, средней руки, человека интеллигентной профессии то ли из сферы науки, то ли из докторов с хорошей частной практикой. Хотя на самом деле был профессиональным игроком в покер с физматовским образованием, чем на жизнь и зарабатывал, уверенно следуя ещё со студенчества выработанной внутренней формуле: математика хорошо выстраивает мозги, а экономика заставляет их работать. В авантюры с подпольными бандитскими катранами даже после отмены казино он не ввязывался, играл лишь на официальных очных турнирах, надёжных интернет-сайтах и в кругу богатых любителей, уважавших его за честность в расчётах и феерическое мастерство. Нет, он не каждый раз выигрывал, но в целом баланс всегда складывался в его пользу, зачастую с большим излишком, —

Кузнецов Игорь Робертович родился в 1959 году. Окончил Литературный институт им. А.М.Горького в 1987 году. Печатался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Иностранная литература», автор нескольких книг, в том числе «Бестиарий» с иллюстрациями Татьяны Морозовой (М., 2010). Составитель нескольких изданий И.А.Гончарова (биография, комментарии). Живёт в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2021, № 6.

так что он мог, если надоедало, вообще не играть месяц или два, всегда имея в запасе быстрый источник пополнения жизненных средств.

С Валерием Егоровичем Петю Кузяева познакомил художник Генералов из Курска, двоюродный брат Петиной жены.

Была ещё прохладная, но уже ласковая весна. Петя и Генералов вышли из китайского ресторана на Ленинском и сами собой оказались в Нескучном саду с едва початой, хотя уже и не первой бутылкой вполне приличного вина, оказавшегося на сей раз аргентинским. Соответственно, вспомнили о Борхесе, и Генералов обещал по возвращении в Курск прислать свои свежие иллюстрации к его «Саду расходящихся тропок» Пете на электронную почту.

— Брагами человека могут быть только люди, люди той или иной земли... — проговорил Петя и наморщил лоб, вспоминая, как точно будет дальше.

Генералов же, выждав несколько нетерпеливых секунд, продолжил сам:

— ...Но не сама земля с её светляками, звуками её языка, садами, водами, закатами.

Они переглянулись, и на ближайшие минуты оба замолчали.

Пройдя Нескучный наискосок, на ходу по очереди прикладываясь к бутылке, они спустились к Пушкинской набережной и неспешно двинулись в сторону Воробьёвых гор.

Вода Москвы-реки едва слышно короткими волнами разбивалась о гранит низкой набережной, чуть громче выплёскиваясь на ступени, уходящие вглубь. Солнце уже скрылось за горами, прозрачный воздух сгустился сумерками, и в домах на противоположной Фрунзенской набережной начали загораться окна.

Генералов между тем пристально вглядывался в ту сторону, куда-то вверх, но чуть ниже неба.

— Валерий Егорович у себя, — сказал он вдруг как о чём-то очень приятном.

— Кто это? И где?

— Художник. У него тут мастерская, — вытянутой рукой Генералов указал на последний этаж громадного дома напротив, где под самой крышей светилось подряд сразу несколько окон, в то время как остальные по всему длинному ряду были совершенно черны. — Может, позвонить ему? — задумчиво добавил он.

— Позвони, — не стал спорить Петя.

Генералов послушно достал телефон и нашёл нужный номер. Коротко поговорив, он, по всей видимости, легко получил приглашение.

Мост уже темнел в паре сотен шагов перед ними.

На той стороне в угловом магазине купили пару коньяка, шоколад и лимоны.

Оказавшись перед нужным подъездом и услышав из динамика домофона глухое «ага», они вошли внутрь, поднялись до конца на лифте и ещё на два узких лестничных пролёта.

Обычную деревянную дверь, даже с квартирным номером, им открыл сам Валерий Егорович, занимавший в дверном проёме сразу всё пространство под самую притолоку.

После небольшой прихожей довольно широкий и плохо освещённый коридор резко поворачивал и упирался в далёкий яркий прямоугольник.

Мастерская оказалась громадной. Потолок был не менее пяти метров высотой, да ещё и приподнимался с краю, распахиваясь в небо узкими окнами-фрамугами. Сразу у входа справа был оборудован кухонный угол с двухконфорочной плитой и раковиной, в глубине слева китайской ширмой выгораживалась часть пространства с журнальным

столиком и тахтой под клетчатый пледом, видимо, жилая: да, почему-то сразу становилось понятно, что здесь не столько работают, сколько живут; ближе к окнам возвышался большой пустой мольберт хорошего тёмного дерева с вишнёвым оттенком.

Из алькова к ним навстречу вышла миниатюрная, но крепко сложенная женщина, почему-то в этой обстановке напоминавшая больничную сестру-хозяйку, что впоследствии с некоторым допущением и подтвердилось: Катя работала медсестрой в стоматологической клинике.

После церемонного общего знакомства и мытья рук гости были сопровождены в альков и усажены на тахту. Обнаружилось, кстати, что альков гораздо больше, чем казался от входа — он врезался в боковую стену ещё на пару метров, так что по сути представлял собой почти отдельную комнату с книжными полками, ещё одним, круглым, антикварным чёрным столом на одной ножке и парой дачного типа плетёных кресел с разноцветными мягкими подушками.

На чёрном столе лежал большущий рыжий кот.

— Обломов, — кивнул в его сторону Валерий Егорович. Тот лениво открыл один глаз и тут же его закрыл. Зато из-под ширмы, грациозно выгнув спину, показался ещё один — дымчатый крупный сибиряк с белоснежной манишкой. — Захар, — представил и его хозяин. — Захар запрыгнул на тахту, потом на её широкий подлокотник и затих.

Катя ушла мыть и резать лимоны, Генералов с Валерием Егоровичем расспрашивали друг друга о делах и общих знакомых, Петя открыл шоколад и поломал плитку на дольки, после чего поинтересовался, встряв в короткую паузу:

— Можно я пока в окно посмотрю?

— Да, конечно, — откликнулся Валерий Егорович. — Выбирайте любое.

Даже подоконники тут были глубиной в полметра.

Пока Петя выглядывал из каждого, по очереди, окна, вид на Москву-реку, текущую, поблёскивая отражениями фонарей, далеко внизу, ему всё больше нравился.

Спиной он услышал шаги Кати и, не без сожаления отступив назад, увидел в простенках между окнами два в одинаковых витиевато-золотистых рамках портрета, похоже, работы хозяина. Оба были написаны в несколько гротескной и не очень яркой лубочной манере. Левого, с высоким открытым лбом и длинной узкой бородой, он узнал сразу — это был Салтыков-Щедрин. Перед правым, с огромными залысинами и бородой окладистой, но короткой, с иконописными распахнутыми глазами, на некоторое время напряг память, но не успел в полной мере порадоваться её обычной верности, так как услышал Валерия Егоровича:

— Это Иван Корейша, юродивый.

— Знаю, — честно ответил Петя.

Куриль здесь разрешалось прямо за столом.

Валерий Егорович и курил, и пил, и закусывал вкусно: игнорируя шоколад, он после каждой опрокинутой рюмки подхватывал пальцами с большого блюда сразу несколько тонких кружков лимона, медленно, жмурясь, их жевал, а потом широко открывал глаза, с каждым разом всё более синие и глубокие, и с удовольствием оглаживал свою седую бороду. И Петя подумал: как же хорошо, что мы купили так много лимонов!

Генералов, как заметил Петя, относился к Валерию Егоровичу исключительно уважительно, по старшинству — они с Петей были младше его лет на пятнадцать — и на «вы», до такой степени, что иногда даже как будто смущался, в совсем не свойственной ему манере, например, перед тем как наполнить очередные рюмки: «Вы позволите, Валерий Егорович?» Тот в ответ вальяжно кивал и дирижировал

Эдуард Симонов

Лишь ветер и металл

Рассказы

Три вещи

Когда в детстве мальчишки дрались, я никогда не убегал. А когда дрался я, — никогда не сдавался. Наверно, это единственное, что я перенял от своего умершего отца. Хотя нет, ещё я помню горький запах его свитера, запах сигарет и машинного масла от станков, на которых отец работал весь день.

Мы жили в маленьком городе недалеко от воображаемой линии Полярного круга. В детстве я думал, что эта линия существует на самом деле. Я только не знал, из чего она состоит. Возможно, это огромная лесополоса, а может, краска на земле. Краска, которая, засыхая, взлетает под дунувшим ветром, как цветные листья. Потом приходят специальные люди и перекрашивают ровно по линии, каждую весну. А ещё у них, видимо, есть длиннющие линейки.

Дети часто фантазируют лучше взрослых, а взрослые постепенно умирают. Чем меньше мы мечтаем, тем быстрее умираем. Я видел множество таких людей, особенно в тюрьме. Если у человека потухал взгляд, я знал — это мертвяк. Некоторые даже начинали строить планы на вещи живого ещё человека, потому что ясно было, что делов тут больше не свяжешь.

За Полярным кругом постоянно шёл снег, и часто снег закрывал окна первого этажа одинаковых серых пятиэтажек, стоявших, словно спичечные коробки, на огромной безжизненной земле. Причина их нахождения здесь довольно банальна в рамках общей концепции жизни во Вселенной, если таковая вообще есть. Просто кто-то нашёл здесь камень, который при сильном сжатии освобождает килотонны энергии. И хорошо, когда эта энергия приносит в эту серую пятиэтажку горячую воду, и плохо, когда она сжигает тысячи людей в пламени просто потому, что так кто-то решил.

Это похоже на то, как летом в пролеске я наблюдал муравьёв и их дом. Орды живых существ заняты своим делом, никто не задаёт вопросов, каждый является

Симонов Эдуард Евгеньевич родился в Краснодаре в 1989 году, вырос в военном городке под Санкт-Петербургом. Окончил Российский университет транспорта и Российский экономический университет им.Г.В.Плеханова. Работает в банковской сфере. Живёт в Москве. Первая публикация автора.

частью социума, маленькой шестерёнкой в слаженном природой механизме. Но здесь по решению одного живого существа нога заносится над гладкой стеной муравейника и уверенно наступает. Муравьи, сначала рассыпавшиеся в стороны, бросаются атаковать источник опасности. Смелые ребята. Я поднимаю ногу и отряхиваю от муравьёв. Муравьи не сдаются, они принимаются восстанавливать обжитое место, и наверняка они сильно грустят по тем, кого уже нет. Но жизнь движется дальше, муравейник живёт. Как же это похоже на людей. Так, видимо, случилось и с Хиросимой с Нагасаки.

Я не был жестоким ребёнком, как вам может показаться по этому эпизоду. Но уж точно я не был сентиментальным. Скорее наблюдательным и молчаливым. Я любил делать что-то, а потом смотреть на реакцию других, их действия и выводы.

Вы не поверите, но всё-таки эта линия Полярного круга, нарисованная на глобусе, стоящем в пустом классе одноэтажной школы, действительно существует в реальности. Она существует в головах людей, проживших так долго в вечной мерзлоте. Так долго, что чувствительность теряют не только пальцы рук и ног, но часто и сердце. А с другой стороны, мы вынуждены помогать друг другу, а поэтому человек, оставшийся в снегах, всегда может рассчитывать на помощь другого, и чаще намного большую, чем привыкли жители более тёплых регионов.

Я помню, как остался дежурным по классу и мыл пол. Я любил тишину опустевшей школы, скрип паркета и летающую в воздухе пыль от книг. Я прижимал свой детский нос к корешку открытой книги и глубоко дышал. Станный, немного влажный запах листов и краски. Я оставлял гореть лишь несколько ламп на потолке и всё время поднимал голову, чтобы осмотреться. Ещё утром здесь был детский гвалт, а сейчас — тишина. Но энергия будто не исчезает, она становится более ощутимой, если приглушить свет и замереть. Кожа покрывается прыщиками, а волосы встают, будто чувствуя чьё-то присутствие. И вдруг тебе кажется, что ты летишь в прошлое и, как в обратной съёмке, видишь сотни людей, прошедших через этот класс, через это помещение между одинаковыми плитами, из которых выстроен весь наш городок. А может, это просто воображение маленького мальчика.

Я подходил к окнам и прислонялся лбом к холодному стеклу. На улице вертелась метель, и волны снега то налетали, то отступали. Ветер упорно гнал снег в одном направлении, но неожиданно что-то становилось на его пути, и другой воздушный поток начинал сопротивляться. Это длилось лишь миг, но танец снежинок обворожителен. За секундной слабостью идёт настоящее усилие, и снежинки кладутся в кучу под окном. От моего дыхания на стекле образуется испарина, и я думаю, что бы написать. Имя девочки, которая мне нравится? Банальность. «Папа»? Я заглядываю внутрь, и уже практически не чувствую ту тупую боль, с которой прожил весь прошлый год. Тогда я вывожу пальцем «помни». Странная надпись, но я думаю, только благодаря ей я хорошо помню тот день.

Многие, как и я, выбрались из-за Полярного круга чисто географически, но внутри мы так и остались замороженными. Если честно, я даже не знаю, существует ли наш город до сих пор. Но снег там точно лежит, и даже в апреле.

В тюрьме я отсидел два раза, первый раз — по глупости, второй — по неведению. Вы знаете, что в тюрьме все невиновны? Это неправда. Я бы сказал, что в тюрьме, скорее, виновны практически все, особенно охрана. Чаще всего люди, узнавшие, что я сидел, не меняют своего отношения ко мне, а зря. Когда ты перестаёшь считать дни, а это происходит всегда, что-то внутри ломается. И тут самое время не оставлять надежды. Помните, о чём я уже говорил? Упадок бывает двух типов: в первом случае

вы сдаёте и умираете, а во втором — вы очень злы. Других настроений взаперти, пожалуй, нет. То, что вы злы, — хорошо, это позволит выжить, но плохо, потому что жить на воле будет ещё тяжелее, чем взаперти.

Я помню день, когда меня освободили во второй раз, была ранняя осень. Листья только обратились в другой цвет, а по улице можно ещё идти в майке. Это было хорошо, потому что привезли меня летом, и всё теплое я оставил на зоне — там расхватают. Выйдя, больше всего хочется трёх вещей: нормального хлеба, а не этой бумаги арестантской, нормального бухла и женщины. И часто бывший арестант пытается утолить эту жажду уже в ближайшем поселении у ж/д станции, в сторону которой машут охранники, объясняя, как тебе добраться до города. Ясное дело как — зайцем.

В тот вечер я напился, наелся хлеба и нанюхался шеи заштатной Маши из привокзального ресторана. Обычная магазинная водка после тюремного пойла кажется напитком богов, и она несёт тебя куда-то вдаль, несёт будто под пианино, и ты уже не контролируешь эту музыку. Ты, шатаясь, идёшь по только что опавшим листьям, и тебя настигает шум. На остановке двое метелят какого-то студентика. Ты врываешься в драку, так как никогда не убегаешь. После двух пропущенных прямо в челюсть ты падаешь. Но встаёшь, потому что никогда не сдаёшься. И вот красно-синие блики от приближающейся полицейской машины отсвечивают лишь на одном оставшемся стоять человеке — на тебе.

В участке шьют дело, откуда было знать, что два этих упыря — чьи-то местные сынки, и, как обычно, перед мордой тебе машут стопкой бумаг, а запах стоит — будто уксус под столом разлили. В тюрьму я больше не поеду. Так на столе появляется «контракт». По этим контрактам у нас с поселения уже добрая сотня уехала, кто на кладбище, а кто домой, через полгода. Не то чтобы я был пацифистом, но и сидеть мне оставалось полгода после начала войны и активного призыва зеков на неё.

Оперуполномоченный косился куда-то через моё плечо и всё время повторял: «Я понимаю, я понимаю». «Что же ты понимаешь, морда жирная?» — думалось мне, но я попросил покурить и оставить на десять минут подумать. В какой-то момент, сидя в тюрьме, ты понимаешь, что война — как воронка на воде. Она может быть далеко, ты можешь бояться её приближения, но она уже есть. И вода сначала незаметно, а потом целиком устремляется в неё. И как бы ты ни грёб, тем более, если ты парень из заполярного города, за плечами которого дурные две ходки, она затянет тебя всё равно.

Я прислонился лбом к стеклу и посмотрел вглубь осенней ночи. Фонарь выхватывал слегка пожелтевшие остроконечные листья клёна. Они покачивались на ветру, а воздух казался наэлектризованным, будто приближалась гроза. Интересно, это тот же ветер, который гнал тогда снег? Я дохнул на стекло и вывел пальцем знакомое «помни».

Через неделю меня отправят на запад. Я думаю, что не умру, а если умру, то, если честно, даже не знаю почему. Я думаю, виновата воронка и, конечно, я сам.

Я помню мечущийся снег за окном, клён, ожидающий грозы под фонарём, и ещё, конечно, запах квартиры, в которой мы с мамой ждём, когда отец придёт после смены. Мама готовит картошку, отец, может быть, принесёт сладкое, но главное, чтобы сам пришёл. Я помню эти три вещи, уверен, что это не так уж и мало.

Максим Симбирев

Структура безумия

Два рассказа

Забутьё

В будни я сидел на смене по двенадцать часов и вполне привык к виртуальному миру. Вообще, привычка появилась задолго до того, как устроился в поддержку. У меня было несколько лет детства, когда мы всем двором играли в футбол, но в мои девять родители купили компьютер, и двор стал не таким интересным. До конца лета реальное ещё боролось с виртуальным, пока мне в голову не запустили камень во время игры в казаки-разбойники и я не выбрал интернет.

Сначала зарегистрировался ВКонтакте, нашёл виртуальных друзей, они менялись каждую неделю, зависал в приложениях типа «Дикий запад», «Весёлая ферма», «Вормикс», потом скачал «Танки», но они быстро надоели, в них играли одни взрослые мужики. В тринадцать лет я нашёл истинное призвание: скачал «Доту». За десять тысяч сыгранных матчей я даже близко не стал профессиональным игроком, зато «Дота» заменяла мне жизнь почти дюжину лет.

Школа не интересовала. После уроков я мчался сыграть пару каточек и глянуть новинки дня на ютубе. Не было ни одного предмета, в котором я бы преуспел, но и троечником не называли — середнячок, учился для галочки. Приходилось зубрить формулы, даты, готовые анализы произведений, чтобы учителя отстали. Как только я получал оценку — весь зубрёж вылетал из головы.

В шестнадцать заиграли запоздалые гормоны, и я попытался жить реальностью. Но когда впервые дотронулся до женских губ, то ничего не почувствовал. Зато нарисовал в голове статистику и начал вести учёт поцелуев. «Теперь я крутой, я поцеловал Наташу». Это занимало меня целый год: сколько раз предлагал встречаться, сколько раз предлагали мне. С каждой новой галочкой я становился круче, но не чувствовал никакого наслаждения и вскоре вернулся в онлайн-мир. Я оттачивал мастерство игры до бесконечности, в то время как однообразная реальность надоедала мне всё больше.

Симбирев Максим Витальевич родился в 2000 году в Саратове. Окончил Саратовский юридический колледж при СГЮА, учится в Институте филологии и журналистики СГУ им. Чернышевского. Печатался в журналах «Нева», «Знамя» и др. Участник мастерских АСПИР. Живёт в Саратове.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2023, № 11.

В семнадцать родители вытащили меня в Геленджик. Я был не против лежать в морской воде, коптитесь на пляже, но всё время хотелось скатать в «Доту». Вскоре поездка превратилась в очередную галочку.

Поступил на юриста: казалось, на юрфаке с меня будет мало спросу. От армии отмазался из-за язвы, — постоянные перекусы перед компом сделали своё дело.

В этом же году заболела бабушка, и в Геленджик больше не ездили. Пока родители по очереди следили за бабушкой, я настреливал рампаги на Снайпере.

Через пять лет бабушка умерла, и похороны стали первым воспоминанием не для галочки. Жизнь бесконечная — играй, сколько влезет, думалось мне. Я каждый день наткался на посты про смерти и убийства. Было это где-то далеко, пока не увидел труп в реальности.

С одноклассниками и однокурсниками общался исключительно в «Доте». Когда закончилась школа, кто поумнее — выбрались в Москву, а кто по творчеству — в Питер. После универа — то же самое, причём все перестали играть.

В Саратове остался один. Снимал однушку, после работы вспоминал молодость: играл пару каток, включал ютуб — и спать, с утра опять шёл на работу.

Я начал осознавать: жизнь пролетает, а я даже ещё не пытался жить. Родители твердили: «Ты лишь существуешь». Никак не реагировал, но каждый раз задевало.

Мне и вспомнить нечего. Да, есть банальное: к примеру, как мама торговалась на рынке, когда я стоял на картонке и мерил джинсы. Если вы не прониклись, — понимаю, я не особо интересный рассказчик, простите за нудную историю.

* * *

Я вышел со смены в пасмурную зиму. Пухлели круги фонарей на аллее. В домах не горели окна, на улице попадались разве что бродячие собаки. Хотелось курить, зимой курится легче, чем летом, хотя и мёрзнут руки, но сигарет не было — бросил.

Два ночи — я мечтал уткнуться в потолок или скатать в «Доту». Голова тяжёлая, вместо мыслей — шаблоны, которые повторял клиентам целых двенадцать часов смены.

Навстречу из тумана выплыла старушка. Я удивился, чего ей не спится. Сразу вспомнил Снепфаер в «Доте», но никаких сходств не заметил: сиреневая куртка, вязаная серая шапка — бабушка как бабушка.

— Фёдора Николаевича не видел? — спросила она.

У меня мгновенно сгенерировался ответ: «Здравствуйте! Вы обратились в техническую поддержку. Расскажите, пожалуйста, подробнее, как выглядит Фёдор Николаевич, сколько ему лет, какого он роста, может, есть какая-то деталь, отличающая его от других?» Но я сдержался и сказал:

— Нет.

— А Мичурина где?! Мне Мичурина надо.

— Это улица?

Старушка зависла, как «Дота» на седьмой винде.

— Вам улица нужна? — спросил ещё раз.

— Это самое. Да, Мичурина надо.

— Секунду. Проверяю информацию, немного подождите. Открываю карту. Так. Мичурина — туда, — показал вперёд, — но она большая, есть точный адрес?

— Да нету, на Мичурина надо, не знай там, это самое.

— Тут недалеко. Вы идите — и поймёте, куда дальше.

— Мичурина надо, там Фёдор Николаевич, — махнула рукой, мол, ей вниз по аллею.

— Всё так. Видите, вдалеке машина проехала? Нет? Ну вот, вам туда и направо. Там будет Мичурина, она параллельно Рахова идёт, — попытался изобразить параллельность, но получился какой-то уж на сковородке.

Старушка потопталась на месте, покрутила головой и пошла вниз каким-то механическим шагом, как крип в «Доте». Я смотрел вслед и только теперь заметил: под курткой она одета в пижаму.

Постепенно, и без того маленькая, старушка стала ещё меньше и почти скрылась из виду. Я не мог успокоиться: бесило, что сразу не помог. Представлял, как мне не дадут премию. Я — поддержка, а поддержка должна всем помогать. Нет уж, ничего не отнимут.

И всё же: куда старушка направилась в два часа ночи зимой? Речь какая-то странная, несвязная. Похожая была у моей бабушки: заикнется на слове и ничего другого сказать не может.

Увидел, как старушка замерла. Не повернула на Мичурина, пошла обратно. Мельком вспомнилось: бабушка сбегала из дома и родители искали её по всему району, а я кастовал санстрайки и злился. Отвлекали своей суетой от игры.

Я не мог не помочь. Пошёл навстречу, и точка быстро превратилась обратно в старушку.

— Вы не потерялись?

— Я, это самое, на Мичурина надо, Фёдора Николаевича покормить.

— Потерялись, кажется.

— Не знай. Кушать хочешь, сынок?

— Не голодный, — почему-то соврал я, хотя последний раз ел в обед.

— Я поделюсь, по глазам вижу, голодный! А худой какой! Но всё не дам, мне Фёдора Николаевича кормить!

Я посмотрел на длинные грязные ногти её и почему-то сильнее захотел есть. Старушка запустила руку в бездну чёрной сумки и закопошилась. Я был уверен: в сумке пирожки с капустой или картошкой, а может, и с мясом.

— Курыца, курочка, — приговаривала старушка, доставая целлофановый пакет. Протянула мне.

Я даже не развернул, заметил: подмёрзшие куски — сырые. До меня окончательно дошло: старушка — больна, ей нужна помощь. В полицию звонить не стал, решил, справлюсь сам.

— Вы простите, я такую не ем.

— Как это? Кушай на здоровье курятинку, белок!

— Спасибо, я жареную люблю.

— А-а-а. Ну, это самое, Фёдору Николаевичу больше достанется. — Старушка убрала пакет обратно в сумку.

— Пойдёмте за мной, я доведу вас. Может, номер дома вспомните?

— Мичурина.

Сгустился туман. Кругом никого, и всё походило на компьютерную игру по типу «Сайлент Хилл». Я чувствовал ответственность и вспоминал первое правило поддержки: помогать всем, даже вне работы. Ощущал себя квашеной капустой. Хотелось быстрее довести старушку до дома и завалиться спать.

Мы двинулись в сторону Мичурина, ноги заскользили по заледенелой плитке. Самость бродит, как говорил мой любимый персонаж.

Игорь Булкаты

Хвелиандро. Обратный взгляд

Рассказ

Каждое лето мы старались побывать в селе, ехали на жёлтой девятке из Самтредии через всю Грузию на восток. Дорога занимала день, а то и больше, потому что по пути заезжали в Южную Осетию, затем в Тбилиси — навестить наших. В Цхинвале собирались возле крыльца редакции журнала «Фидиуаг» — Нафи, Алексей Букулты, Мелитон, Оллеш, Герсан. Прибегал Сос, долговязый очкарик с обгрызенными ногтями, с которым за сорок лет мы съели не один пуд соли, но который предал меня в конце концов. Встречавшие нас писатели стояли в ряд вдоль Московской улицы, расставив ноги и перебирая за спиной в руках казённые ключи. За рулём обычно сидел отец, он тормозил у крыльца, мы выходили из машины и обнимались с ними, церемонно похлопывая друг друга по плечу. Тогда ещё всё было хорошо, грузины были нашими братьями, и нам с отцом не приходилось никому ничего доказывать.

Встреча проходила примерно по следующему сценарию: Нафи поворачивался к Оллешу и, вгоня его в краску, представлял двоюродным братом Фолкнера, и все, в том числе и мы с Сосом, принимались подтрунивать над ним, в шутку доказывая, что у Гучмазты и Гуччи общий предок по имени Гуча, который был неплохим пастухом в Дзомагском ущелье, но однажды не уберёг двух овец — их задрали волки, — и его выгнали в Европу, где тот впоследствии стал известным модельером. А отец на полном серьёзе защищал Оллеша, переняв у хозяев неспешную манеру изложения аргументов да нарочитую медлительность в движениях, хотя это ему было несвойственно. Оллеш поправлял средним пальцем на переносице очки с толстыми линзами и негромко заявлял, что заказал три пирога в харчевне «Фатима» и надо бы испросить за круглым столом благословения у Уастырджи, прежде чем гости продолжат свой путь. Объяснения, что нам ещё ехать и ехать до Хвелиандро, категорически не принимались, и все неторопливо плелись толпой к «храму жратвы», как называл харчевню Нафи, обсуждая по пути новости осетинской культуры. Мы же с Сосом садились в машину и отправлялись к нему домой на улицу Сталина, где нас встречали его мать Раиса, сестра

Булкаты Игорь Михайлович — прозаик, поэт, переводчик. Родился в 1960 году в Тбилиси. Печатался в журналах «Новый мир» и «Дружба народов». Лауреат премии «ДН». Живёт в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — повесть «Мара, ёмкость для гения» (2023, № 7).

Марго, в которую я тайно был влюблён, да толстый и улыбчивый племянник Дынисий. Раиса выпускала из-за скошенной набок губы сигаретный дым, прижимала меня к груди и шептала на ухо трогательнейшие слова об искренней дружбе и о том, как правильно мы поступаем с отцом, навещая родную Осетию. От неё пахло проветриваемым гумном, и я чувствовал себя своим, и то были самые приятные минуты путешествия.

Навестив родных Соса, отведав божественно вкусных пирогов со свекольной ботвой, приготовленных несравненной Марго, потолковав о том о сём, я ехал к харчевне, останавливался на углу и ждал. Перед харчевней был небольшой дворик, в котором росли тёрн и барбарис, и плоды этих кустов — фиолетовые, красные — бросались в глаза посетителям, которые, дабы сократить путь ко входу в стеклянное помещение общественного питания, перешагивали невысокий деревянный забор.

Врачи запретили отцу пить, но от радости он позволял себе пропустить пару стаканов красного вина, и дальше за руль садился я, хотя прав у меня не было. Мы ехали до Тбилиси в приподнятом настроении, и всю дорогу отец не умолкал, рассказывая мне забавные эпизоды из жизни наших друзей, и смеялся, смеялся. Я же кивал в ответ, ухмыляясь, притормаживал возле постов ГАИ, помня о беспредельном издевательстве грузинских гаишников, и мы двигались ползком, пока те не исчезали из зеркала заднего вида. В конце концов отца одолевала дрема, и он замолкал.

В Тбилиси мы заезжали в Союз писателей на улице Мачабели повидать братьев Отара и Тамаза Чиладзе, Гурама Гегешидзе, рядом — в редколлегии на Дадзидзе — Отара Нодию, расспрашивали о новостях грузинской литературы. Отар Чиладзе, в отличие от брата, невысокий и худощавый, специально приезжал из дома поздороваться с нами. Спустя много лет, уже после войны, он поинтересуется при встрече судьбой моего сына, которого баюкал в присутствии отдыхающих на жарком берегу моря под навесом и пел грузинскую колыбельную, и тот сладко засыпал у него на руках. И я отвечаю, что сын уже взрослый, он журналист и работает в Токио, но прекрасно помнит его голос. Отар Чиладзе скажет, что в Японии, наверное, тоже умеют петь колыбельные песни, но, как у нас на Кавказе, нигде их не поют. Я соглашусь, и мы обнимемся в последний раз. Когда прольётся кровь и все мосты между нашими народами будут снесены рекой забвения, я напишу ему открытое письмо, не скрывая ни слёз, ни горечи, и передам через общих знакомых, но те не соизволят доставить, сославшись на плохое самочувствие Отара, — дескать, послание только ускорит его смерть. Но мне не к кому было больше обращаться. Он умер вскоре... Да, грузины встречали нас тогда тепло, приглашали отобедать, но мы вежливо отказывались, ссылаясь на то, что нас ждут в Кахетии, после чего прощались.

До Хвелиандро мы добирались затемно. И каждый раз останавливались на берегу Саукабы, сбрасывали обувь и носки, закатывали штаны и при свете включённых фар заходили в воду попробовать сумасшедшее течение, спорили, дожидаться рассвета, или форсировать её вброд, ведь мост был хлипким, его едва ли не в каждое половодье смывало к чертям собачьим, но в конце концов решались на риск и малым ходом преодолевали реку.

Отец носил усы, и ежели бы они были темнее, то можно было бы утверждать, что он похож на Томаса Манна. Тоже мне, — скажете вы, — нашёл с кем сравнивать, и, наверное, будете правы. Но только отчасти. Немец был большим писателем и педерастом, что тоже случается в жизни, и такая взаимосвязь порой обусловлена географически: чем западнее страна, в которой родился романист, тем больше его

склонность к гомосексуальным связям. Объясняйте это как хотите — воспитанием, средой обитания или кулинарными особенностями, — но логика очевидна. Между тем у Томаса Манна темнее были не только усы, но и волосы, к тому же они были прямыми и на пробор. Да и не во внешнем сходстве дело, не в том, что безымянный палец немца украшал рубиновый перстень и писателем он стал, дабы насолить старшему брату Генриху. Семья моего отца, пока её не раскулачили и не сослали в Сибирь и пока там не перемерли от тифа глава семейства Габо, сестра Вара и брат Александр, тоже была многочисленной, но писать он стал вовсе не из чувства соперничества. Да и соперничать было не с кем. Отец взялся за перо потому, что не мог иначе, и жизнь его полностью зависела от того, насколько хорошо он напишет. Когда же он перестал писать, у него разорвалось сердце.

Томас Манн мучился другими проблемами. Греховная страсть к юношам — это его личное дело, он даже женился на дочери профессора математики по имени Катя. Несмотря на то, что эротические фантазии Томаса Манна якобы не опускались ниже пояса и лишь служили основой для создания «невинных» образов его новелл, всё в конце концов выплыло наружу, и он был изгнан нацистами из Германии. Однако для нас важно то, как и о чём он писал, а гомосексуальные наклонности — дело десятое, не так ли? К тому же изгнание с Родины — неременный атрибут писательского ремесла, и никуда от этого не денешься. Просто иным писателям достаточно одного изгнания, а другим нет. Всё дело в уровне таланта. Бездарных писателей судьба особенно не беспокоит. Хотя вполне возможно, что некоторых она всё-таки жалуется вниманием, толкает в странствия, уготовляя испытания, чтобы разбудить в них умение делиться страданиями с другими. Для чего это нужно? Может быть, для того, чтобы уравновесить гордыню в разных частях земли, уменьшить её удельный вес? Бог его знает. Но это уже тема другого рассказа.

Что же ещё у них общего? Провинциальное воспитание: первый был из Любека, северная Германия, второй — из глухого осетинского села Хвелиандро восточной Грузии, где и дворов-то было не больше десяти. Разумеется, сравнение непаритетное, оно опровергает общепринятый стереотип, что чем дальше от цивилизации, тем простодушнее люди. Томаса Манна это точно не касается, отца же касается ровно в той степени, в какой он, дабы прочитать «Илиаду» Гомера, вынужден был топтать двадцать километров до районной библиотеки. Познание мира в пределах села и окружающих гор ему и его сверстникам давалось легко, потому что оно подчинялось стародавним патриархальным правилам. Вычитанные же в библиотечных книгах сведения долго теснились на отшибе сознания, пока глубина и мощь не брали верх, внушённые дедами понятия добра и зла не позволяли приладить полученную информацию к осетинской реальности должным образом. Они принимались неторопливо обмозговывать новые пространства и механизмы мироздания, с трудом находя им применение к жизни в горах, но зато полученных знаний хватало надолго, у них и в мыслях не возникало желания, подобно Томасу Манну, смотреть «не так» на друзей, с которыми они после школы вместе пасли скот. Отец со сверстниками с мясом вырывали у мира знания, понимая, что другой такой возможности не будет.

Ссылка наложила отпечаток на его жизнь, несмотря, а может, и благодаря тому, что ему было всего пять лет. Глупо сейчас, когда ты перешагнул шестой десяток, говорить о раннем взрослении, тем паче если доподлинно известно, что на глазах мальчика умирали самые близкие люди и он вынужден был вместе со старшим братом брать на себя ответственность и принимать решения, до которых матери в силу обстоятельств не было дела. Бабушка Досыр говорила, что именно тогда у него

изменился взгляд и он практически перестал улыбаться. Не думаю, ведь ребёнок есть ребёнок. Хотя...

Отец рано поседел, волосы у него стали ослепительно белыми, как Килиманджаро, а пальцы тонкими и длинными, как у пианиста. Он всегда был худым, имел печальные глаза с хлопающими воловьими ресницами, от которых на линзах очков оставались разводы, да большое сердце. По утрам старательно делал зарядку, смешно растопыривая ноги, тем сам пытался поддержать здоровье. Мне нравилось, как он одевался, опрятно и старомодно: тёмный костюм, идеально выглаженная крахмальная рубашка с галстуком и золотыми запонками да чёрные мокасины. Он нравился женщинам, и вовсе не потому, что был писателем и взгляд его блуждал поверх голов собеседниц, — в нём чувствовалась внутренняя сила, заставляющая считаться с его мнением. Между тем несколько старомодная церемонность и витиеватость в обращении раздражала некоторых дам. Помнится, в доме творчества «Пицунда» во время завтрака Белла Ахмадулина, кутаясь в шаль, попросила отца передать овощной салат. Он прихватил целый поднос и, роняя белые пряди на линзы очков, расшаркался возле её стола. Братья Чиладзе, трапезничавшие за соседним столиком, тут же предложили свои услуги, но она от них отказалась. Слышно было плохо из-за всеобщего гама, но, кажется, отец сказал, что готов каждое утро таскать ей салаты. Должно быть, Ахмадулина чувствовала себя неважно, во всяком случае, выглядела не лучшим образом. Послышались смешки, и тогда отец неспешно оглядел зал, а потом поцеловал ей руку. В один из следующих сезонов, когда мы отдыхали там всей семьёй, Ахмадулина поймала моего двухлетнего сына на пляже, дала ему шоколадных конфет и прошептала на ушко (сын сам рассказывал), что его дедушка самый красивый в Литфонде мужчина и он как две капли похож на него.

Я всегда поражался, каким утончённым может быть провинциальное воспитание. Ведь он родился и вырос в селе, куда и добраться-то было сложно, зато имелась возможность любоваться продолговатой ложбиной, прежде чем форсировать реку Саукаба, подмывающую подножие горы Хуссар, — ритуал священнейший для всех гостей, а в Хвелиандро гостей любили и ценили. Напротив виднелся покатый склон, по которому карабкались сложенные из голышей дома, и заросли чертополоха возле окон спальни, которые запрещалось открывать по ночам, потому что — неровён час — могла заползти змея, и изумрудная трава за дубняком, увешанным рунами после жертвоприношений, и овраг с родником возле кладбища, заросший мушмулой и ежевикой, и дикие груши, алыча и черешня вдоль футбольного поля. Алычу приходили рвать бабы, пока мы гоняли мяч, и варили божественный соус туаг. С балкона Иорамовского дома гора Хуссар походила, если напрячь фантазию, на покойника со сложенными на груди руками и пёрышком во лбу (издали деревья казались простыми перьями), и Саукаба даже гасила свой рёв, когда мы отходили ко сну, и в комнатах пахло спокойным уютом.

На заре я брал книгу и выгонял быков к гергиевским лугам — за дубняк, отпускал пастись, сам же скидывал рубашку и ложился на траву под деревом. Поднималось солнце, и пар стелился над лугом, и росистая трава щекотала спину, но я не переворачивался набок — так было здорово. А вечером я спускался домой с красными разводами на спине, и хромая Коцон журила меня за то, что валялся на траве. За футбольным полем была грунтовка, ведущая к Бездонному озеру. Пацаны рассказывали, что как-то решили измерить глубину, заплыли на середину на автомобильной камере, прихватив моток верёвки с привязанным к концу камнем, однако так и не смогли достать дна. А ещё забавно было слушать про сазанов, которые

Александр Вергелис

Заклинательница змей

Рассказ

Последний раз я видел её на даче. Выглядела она, как всегда, безупречно. Среди обступавших её кустов малины, долговязких мальв, оплешивевшего шиповника и прочего садового племса она в своих кольцах и ожерельях, с агатовыми, по-египетски подведёнными глазами на смуглом лице смотрелась диковинным южным цветком, принесённым сюда в кадке. Сидя на скамейке под старой туей, всё ещё соперничая с этим северным кипарисом осанкой, она издали улыбнулась мне, но в улыбке её, кроме прежнего тёплого, почти родственного приятия, было *что-то* ещё.

Это *что-то* появилось несколькими годами ранее, под Старый Новый год. Помню, было то блаженное получасье между горячим и чаем, когда сытые гости разбрелись по квартире, за стеной тренькнула гитара, и кто-то запел оперным басом. Мама, прихватив с собой мою жену, ушла организовывать чашки и торт, отец — показывать кому-то коллекцию военно-морских значков. В комнате мы остались одни. Отодвинув пустой бокал, она с минуту разглядывала свой багряный маникюр, потом подняла на меня нестареющие свои глаза и почти умоляюще сказала:

— Я должна серьёзно поговорить с тобой...

С того прекрасного во всех отношениях зимнего вечера я стал избегать встреч с ней — насколько это было возможно при постоянстве семейных торжеств в родительском доме, которые мне, уже глубоко женатому человеку, жаль было пропускать.

Вот и теперь, сидя на древней садовой скамейке таким символом царственного одиночества, она смотрела на меня не то чтобы с укором, но и не то чтобы без... Я услышал знакомые слова:

— Мне надо серьёзно поговорить с тобой...

Присев напротив неё на пенёк от свежеспеленной вишни, я в который раз постарался изобразить искреннее любопытство и невинность во взоре, — заранее зная содержание предстоящего разговора.

...Тогда, за староновогодним столом, она вдруг заговорила со мной об одной книге, которую я, по её нерушиму убеждению, брал ненадолго у неё почитать,

Вергелис Александр Петрович родился в Ленинграде в 1977 году. Печатается как поэт, прозаик и критик в журналах «Звезда», «Знамя», «Новый мир» и других. Лауреат нескольких литературных премий. Автор книги стихов «В эпизодах» (2010). Живёт в Санкт-Петербурге.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2023, № 7.

да так, видите ли, и не вернул. В тот ничего подобного не предвещавший вечер я было поспешил уверить её, что этой истории не припоминаю и что едва ли подобное вообще могло произойти, поскольку брать у неё эту книгу мне было совершенно незачем. Но уверенность её была неколебима, и я, никогда не доверявший своей памяти, которая столько раз преподносила мне чудовищные сюрпризы, надолго распрощался с душевным покоем, поскольку тревожная совесть моя, в отличие от памяти, сбоев никогда не давала.

Сколько-нибудь веских оснований подозревать себя в недобросовестности или, на худой конец, забывчивости у меня, впрочем, не имелось. Во-первых, не могло быть никакой объективной необходимости брать напрокат знаменитую ерофеевскую поэму — дома испокон века валялся экземпляр из первого отечественного тиража, выпущенного издательством «Прометей», — безбожно затрёпанный от бесконечных перечитываний. Во-вторых, названный ею год издания вызывал недоумение: в Советском союзе книгу впервые издали при Горбачёве, и в 1984 году она выйти в СССР, конечно, никак не могла — разве что в самиздате. Между тем моя собеседница с вежливой твёрдостью повторяла, что книга была издана в Москве типографским способом, с яркой глянцевой обложкой, и именно в этот, последний, предперестроечный год.

Позднее у меня мелькнуло подозрение, что несуразный 1984-й мог возникнуть в результате путаницы — возможно, она имела в виду не трагикомическую алкогольную одиссею в Подмоскovie, а скучноватую английскую антиутопию, но ведь и эту книгу брать у кого-либо взаймы никакой надобности не было. Разве что из вежливости, а точнее, из малодушия, когда вам с любезной настойчивостью всучивают что-то вам не нужное, и легче взять, чем объяснять, почему вы это ненужное брать не желаете. Как бы то ни было, перерывая в очередной раз домашнюю библиотеку, я держал в голове все возможные варианты, но, разумеется, так ничего и не нашёл.

Теперь, сидя передо мной в дачном саду, она снова повторяла знакомые до зубовного скрежета слова:

— Пойми меня правильно, ты мне как родной, мне ничего для тебя не жалко, но эта книга...

Далее следовало многословное объяснение, которое я слышал уже многократно. Эту книгу ей подарил сам (называлась фамилия знаменитости) с шутливо-нежной дарственной надписью: что-то вроде «Дорогой Ариадне Всеволодовне на добрую долгую память от вечного раба её прекрасных глаз...» и так далее, и тому подобное — целую ручки и прочие штучки.

Знаменитости окружали её всю жизнь. Сначала в театре. Потом на пенсии — когда она, в одно окаянное десятилетие похоронив умершего от рака мужа и утонувшего в Свири старшего сына, проводив младшего на пээмжэ в Голландию, занялась чем-то вроде эстрадного сводничества. В те годы она организовывала гастроль «звёзд» различных калибров, и надо заметить, что это занятие, которого она, драматическая актриса, немного стеснялась, приносило ей неплохую прибавку к пенсии, а ещё давало дополнительный, как принято говорить, бонус: возможность угощать родственников и друзей бесплатными концертами. Угощение было, как говорится, на любителя, но изредка среди тех, кого она поставляла петербургской публике, попадались персоны незаурядные. Например, писатель-сатирик из Одессы, которого в ресторане Гранд Отеля «Европа» я, помнится, застал в большом смущении (переходящем в возмущение) от того, что выступать ему впервые в жизни предстоит в ресторации перед ужинающей аудиторией, почти что в роли кафешантанной певички. На моих глазах решалась нравственная дилемма, но выход был вскоре

найден: писатель потребовал принести ему коньяку, и только вооружившись таким же пузатым, как он сам, бокалом, в образе уже не просто наёмного развлекателя, но, можно сказать, равноправного собутыльника, смог начать чтение своих фельетонов. Не берусь утверждать точно, ради чего я пожертвовал тем вечером — ради заезжей знаменитости или овейного легендами места, — в любом случае растеряха-память сохранила до обидного мало: какие-то коридоры и лестницы, лишай позолоты, жилетка официанта, влажная ладонь мэтра...

Меня Ариадна Всеволодовна представила ему как своего племянника, и, признаться, иметь такую красивую и весёлую, не смотря на годы, тётушку было приятно. Большого преувеличения в её словах не было: с мамой они были близки, как родные сёстры, — разлучённые в детстве и воссоединившиеся на пороге старости. Обе отдавались этому благоприобретённому родству с необычайной страстностью. И хотя в поздних дружбах (тем более женских) есть что-то сомнительное, ибо людей не связывают общие воспоминания, не сближает зависть и ревность, они с мамой действительно стали лучшими подругами. Маме было уже под шестьдесят, Ариадне — чуть за.

А началось всё на трамвайной остановке, недалеко от замка, где некогда задушили романтического нашего императора. Они разговорились. Речь зашла о грибах.

— Вот, возьмите, — Ариадна Всеволодовна выудила из сумки баночку маринованных маслят. Возражения приняты не были.

Беседа о радостях тихой охоты завела на Псковщину, где у Ариадны Всеволодовны имелась купленная за бесценок крепкая чистенькая избёнка в почти полностью вымершей деревне. Вокруг, понятное дело, простирались необозримые грибные плантации с хрустальными лесными озёрами. Мама затосковала. Дело было не столько в обожаемых ею боровиках и подосиновиках, сколько в земле обетованной, в родине предков — псковских старообрядцев, махровых скобарей, выкорчеванных из тех мест в год великого перелома.

К слову, это была странная трамвайная остановка — неделей раньше на том же самом месте с мамой разговорилась другая столь же немолодая и столь же энергичная женщина — востроносая, в шляпке с вуалькой. Она шумно восхищалась красотой торчащего из маминой авоськи сельдерейного плюмажа. Мама предложила ей сельдерей, лука и прочей огородной зелени, которые, как обычно, в избыточном несъедаемом количестве везла с дачи. Охотно согласившись и с большим воодушевлением запустив юркие ручки в авоську, та стала рвать и рассовывать всё это по карманам застиранного плаща, а веточку укропа воткнула напоследок в свою нафталиновую шляпку наподобие павлиньего пера.

Боже меня сохрани от каких-либо сравнений, но у Ариадны Всеволодовны при всей её рациональности и деловой хватке тоже были свои милые странности. Не имею в виду её одержимость чистотой и порядком, у каждого — свои способы борьбы с хаосом жизни. Было нечто другое. Например, она дружила со змеями.

Ядовитые твари в большом количестве приползали из леса и грелись на солнце прямо возле крыльца её псковской избёнки. Хозяйка не только не пыталась бороться с этим ветхозаветным нашествием гадов, но, напротив, радовалась своим ползучим гостям, пыталась угощать их чем бог послал: молоком, хлебом, творогом. Было очевидно, что эти ритуальные подношения пресмыкающимся не впрок, и, скорее всего, дары Ариадны съедались ночными ежами или мышами. На последних змеи, видимо, охотились, и факт отсутствия грызунов в доме был веским доводом в пользу

Ян Бруштейн

Плацкартные стихи

Домовой и Поездной

В деревне, где воздух морозен и густ,
Наш дом охраняет Шишок-домовой.
Он печь кочегарит, под окнами куст
Снежком укрывает и над головой
Рисует круги синеватым дымком.
Сосед угощает Шишка молоком,
А мы приезжаем — привозим конфет,
Охоч он до этого баловства...
А там, где его да и нас вовсе нет,
Неведомой тайной грохочет Москва.
Туда по железке весь день напролёт
Коробки бегут, в них и холод, и зной,
И там по вагонам неслышно бредёт
Братан домового — живой Поездной.
Он вашу подушку сомнёт невзначай,
Сопрёт пирожок, отхлебнёт чей-то чай.
И жизнь его там весела, хороша...
Но рвётся в деревню шальная душа.

* * *

Страница тронется как поезд,
В неё я странником войду,
В плацкартном сяду, беспокоясь,
Как будто еду на войну.
А за окном, давно не мытым,
Ещё мелькают кое-где
Деревни с их нехитрым бытом,
Где старики живут в беде.

Бруштейн Ян Борисович — поэт, журналист. Родился в Ленинграде в 1947 году в семье блокадников. Кандидат искусствоведения. В 1970-х активно печатался, в том числе в «Юности» и «Знамени», пока его поэма, опубликованная в журнале «Волга», не была разгромлена в газете «Правда» за «формальные изыски». Автор 12 книг и многих публикаций стихов и прозы в периодике. Лауреат многих литературных конкурсов и премий. Живёт в г. Иванове.

Здесь под ногами прах и глина,
Здесь печи дымны, зимы длинны,
Но здесь — России сердцевина,
И, чтобы всё соединить,
Я карандашиком старинным
Тяну прерывистую нить.
И эти буквицы кривые,
Как новобранцы боевые
(Визжит гармошка, словно плетъ),
Стараются, пока живые,
Не помереть, так песню спеть.

Радистка Шура

У моей соседки тёти Шуры
На мешок похожая фигура,
Две козы и зуба вроде три,
Пять сынов раскиданы по свету,
Но от них вестей давненько нету,
Как ты на дорогу ни смотри.

А на праздник Шура надевает
Две медали и бредёт по краю
Старого безлюдного села.
Солнышко гуляет ярким диском...
На войне она была радисткой,
Но уже не помнит, кем была.

Пусть на Шуре кофта наизнанку,
Но зато она поёт «Смуглянку»,
В ноты попадая через раз.
Говорит мне: «Выпьём самогонки!»
Старый голос — необычно звонкий,
И в слезах морщины возле глаз.

Крошки в ладони

Я до сих пор съедаю крошки со стола.
Как бабушка-блокадница учила.
Так мама делала, пока со мной была,
Потом война её настигла и добила.

Но от неё во мне остался тихий свет —
От них, родных, обглоданных блокадой,
Все, все они ушли, но след поныне свят,
Пусть и живём во времена разлада.

Всё чаще по ночам я вижу их глаза —
И снова боль мне тихо сердце тронет.
Пусть нам грозят бедой слепые небеса —
Но крошки собираю я в ладони.

Трамвайное

Какие смешные катили трамваи
По улице полупустой,
И злые ветра до утра подывали,
Просились ко мне на постой.

Так вышло, что самую малую меру
Пришлось мне спасать из огня...
И если я крикнул бы граду и миру —
Кто нынче услышит меня?

Мой дом, словно детский бумажный кораблик,
Летит без руля и ветрил,
Не знаю, кому приготовлены грабли —
Я снова на них наступил.

Так будет: о самом плохом забывая,
К стеклу прислоняюсь я щекой,
И снова поеду на старом трамвае,
Махнув на прощанье рукой.

Александра Бруй

Пропущенные от мамы

Псевдодокументальная повесть

Сначала мы стоим перед больницей — это серый прямоугольник с высокими деревьями: туи, рябина, каштан. Широкий пандус врос в бок ступенек. Потом идёт прочерк, и мы с мамой уже сидим на кухне. Она говорит по бежевому проводному телефону, придерживая трубку плечом. Я сижу напротив и отделяю крупинки риса от крупинок гречки.

«Вокруг неё все ходили, тётъ Наташ, — говорит мама в трубку, — и день и ночь! Ванна? Телевизор? Чай? И все условия, от и до, что нужно!»

Я отвлекаюсь, чтобы посмотреть на нашу кухню за тётъ-Наташу. Длинная повешенная на крючок вилка, банка с вареньем, кастрюля, тарелка, нож. Здесь всё «от и до», повторяет мама, и я довожу мои тётъ-Наташины глаза до наклеек «Ниндзя» на холодильнике; дальше уже идёт окно. Я киваю за тётъ-Наташу.

В кухне и остальных комнатах мы живём пока втроём, то есть сейчас папа на работе, а не ушёл вовсе, а бабушки уже с нами нет. Из моей бывшей комнаты вынесли ковёр, и тот ещё долго лежал на балконе, прежде чем папа перевёз его к себе; шторы сняли и замочили в ванной. Потом мама проветривала комнату и мыла, и утром в воскресенье я могла туда войти. Я соврала, что не чувствую в комнате совершенно никакой сладкой вони, но, лёжа в темноте, потом не раз тихо спрашивала: «Бабушка, это ты здесь?»

Бабушка нашлась под ванной в виде потрескавшегося хозяйственного мыла, и я добавила его к мази Вишневого под свой матрас. Точно так же я потом собирала вещи папы, и в телефон мама рассказывала про иконостас, который ребёнок создаёт из вещей, по сути, чужого теперь человека.

И вот мы с мамой вдвоём, и когда мне исполняется двенадцать, сдираем засаленные стыдные обои в моей комнате и наклеиваем спокойные и взрослые, с серыми на сером точками; отходим на шаг и смотрим: съехали! Да и нормально! Хорошо!

Александра Бруй — прозаик, редактор, экономист. Родилась в Узбекской ССР в 1988 году. Окончила Тульский государственный университет. Рассказы печатались в журналах «Юность», «Знамя», «Новый мир» и других, в альманахах и сборниках. Участвовала в творческих проектах АСПИР. Живёт в Туле.

Предыдущая публикация в «ДН» 2023, № 11.

У папы родился другой, уже нужный ему, ребёнок. А бабушка, ещё тогда, заставляла маму поднимать флягу с водой во время беременности — когда они вынужденно жили у неё. Хорошо, что мы теперь вдвоём остались.

Мама проводит шпателем по стыку новых обоев и рассказывает, что к приезду бабушки нам — с твоим отцом — пришлось занять у тётъ-Наташи денег — на продукты. И я вошла в кухню, громко нюхая и спрашивая: откуда запах? Ну есть же, я чувствую! Есть же запах! Есть! И мама сказала: не может быть, во всей квартире никаких апельсинов; бабушка — ни слова, держала правую руку на груди. И — дальше я уже сама помню — пахло мылом от бабушкиных рук, но в то же время кисло и желтовато. Она ответила, что это мазь. И я сбегала в комнату, но отдельно от рук мазь Вишневого так не пахла. Я намазалась, но апельсиновый запах тоже не возник. Мама продолжает, говоря, что апельсины она спрятала тогда в духовке. Нужны были витамины. Всплывает шутка про таз.

«Целый таз с отнятыми сиськами!» — бабушкина шутка. И вскидывание рукой, асимметрия; пятна на халате — не вишня. Бабушка — све-кровь.

И вот мы, наконец, откатываемся к первому абзацу. Сейчас будет понятно. Опять больница, туи, рябина, каштан. Мы приехали забирать бабушку, о которой я пока ничего не знаю. Бабушка болеет, и бегать нельзя вокруг неё.

В моих воспоминаниях папу всегда озвучивает голос мамы. Он обещает добрую весёлую бабушку-подружку, и мамин голос (я различаю их), смеясь, говорит «ну да». Мы делаем шаг, и ещё множество шагов, подъём по пандусу — детская гора. Я сначала бегу, потом быстро иду, потом замедляюсь. В эту больницу я неспеша, но регулярно хожу одна, уже в качестве пациента. Кроме мыла и мази Вишневого бабушка оставила в наследство рак. На одной из стен в той, то есть теперь уже этой, больнице висит плакат с женской грудью в разрезе, а рядом — апельсин.

И я вру маме, что уехала на год в командировку.

Этот текст я показала знакомому писателю, и он сказал, что манипулирую читателями и всё в лоб, поэтому к рису мало добавить гречки, надо присовокупить к нитью в тексте хоть какой-нибудь сюжет. Писатель снял очки с изолентой на дужке и добавил, что вообще не надо рака, все и так бояться его.

— Все и так от рака мрут как мухи!

Я послушалась опытного человека и писала о негорючей минеральной вате, о безглютеновых батончиках, о гербицидах и котлах. Потом на осмотре в какой-то вторник обнаружили новую опухоль, но уже справа. И после второго курса химиотерапии я нарисовала карандашом брови, нарисовала линию роста ресниц и села писать текст о молчании, а не о раке.

* * *

Рак правой молочной железы T2N0M0. Трипл-негативный. Ki67-80%. Решением консилиума назначена терапия 4 AC (под контролем ЭХО КГ, ЭКГ, кровь на натрий диуретический пептид) +12 P (еженедельно).

Оперативное лечение.

Окончательная тактика будет определена результатами лечебного патоморфоза.

Наследственный анамнез (кровное родство): у бабушки по отцу.

В 2017 году рак левой молочной железы с T1N0M0 люминальный B, Her2 отрицательный. Секторальная резекция левой молочной железы. 5AC+3P+ДГТ. Терапия Тамоксифеном 5 лет.

В процессе неoadъювантной химиотерапии.

* * *

Лысый продавец в магазине «Стильные штучки» встряхивал на вытянутых руках парик. Толстые пальцы шевелились в волосах, как черви.

— Вот ещё германский такой. Ну а вам для каких целей?

Продавец отражался в зеркале за моим плечом. Я поворачивала шею, чтобы разглядеть в причёске швы или другие заметные дефекты.

— Блонд всё-таки как-то, — нет.

— Советую германский, вот. А вам всё-таки для каких целей?

Он сам был не блондин и не брюнет и, наверное, презирал меня за слабость. Я сняла налипший на пиджак чёрный волос. Потом ещё один.

— Ради красоты.

Продавец кивнул, стал надевать на болванки парики и возвращать на витрину. Одна болванка шатнулась и свалилась на пол. В зеркале, как буй, мелькнула лысина за прилавком.

— Вам под эти брови ваши — хорошо, — сказал продавец. — И скидку сделаю. Капроновый чулок — это подарок.

— Ну зачем?

Парик я решила назвать Надя, потому что наречение имён служит подтверждением власти, и я всегда шучу, чтобы не заплакать и не закричать.

Стрижка была короткой, вместо длинных; и волнистой — вместо бывших прямых волос. Я скомкала кепку и платок, в которых пришла, и выбросила в переполненную урну у «Стильных штучек».

За ушами и вдоль линии роста волос ощутимо давила сетка.

В магазине продавец сделал пару фото на мой телефон, чтобы я всё нормально разглядела.

— В зеркале не видно, — сказал он, — но сбоку вам — очень!

Эти фотографии я отправила другу Сашке.

Мама, это моя Надя приехала.

Написала. И — следом:

Надеть одежду, одеть Надежду — будет «надеть Надежду». Не могу смотреть!

В маршрутке парило, как будто мы подъезжали к аду. На окнах лежал слой золы. Густоволосый дед протянул мелочь.

Я пошла по салону мимо парня с наушниками, упираясь в потолок. Потолок лежал на Наде.

Две остановки старушка в белом платке шурилась, глядя мне в пробор. Я села боком, и она, придерживая юбку, чтобы не помялась, повторила действие за мной. Я крикнула водителю, чтобы остановил на следующей, и старушка кивнула, будто и тут я её опередила. С трудом спустившись с порожка, она ждала.

— Стой, — крикнула, чтобы я так быстро от неё не убегала. — Стой, спрошу!

Она шла, а я искала визитку «Стильных штучек» по карманам. Шумело в ушах.

— Ты не Люси Покровской дочка, Марина, нет?

В Наде можно быть кем угодно. И я сказала, что тётка, по брату. Но не Люси, а Натали. Сказала, платок у вас очень красивый, дышащий, я пошла, мне надо на работу.

Справа, у обочины, строитель в рыжей спецовке вбивал в рыхлую насыпь плитку. Он был мокрый от пота, как и я.

— Похожа на Маринку!

Я быстро сдалась:

— Нет, конечно, не она.

— И всё-таки похожа.

Пот вызывает подозрение, я стала заискивать: вынула и подарила скидку в магазин. Старушка шурилась.

— И тоже под хну Маринка. Эдита Пьеха.

Я стала ей верить:

— Мне все говорят, похожа на отца!

Выяснилось, что Маринку отец в детстве бросил. Я села на корточки. Текло по виску. Старушка сказала, чтобы я так сильно не переживала. Не стоит он этого. Я встала, мы обнялись. Я пообещала не искать отца и съездить к матери после работы. Мать — всегда главная.

— И вот как сейчас — похожа на неё.

Рядом тополь приятно дунул ветром.

— Вот и помирила вас.

В кармане гудел телефон, я вытянула его и полуобернулась. Высвечивалось «мама». Я показала экран. Старушка прищурилась и отшатнулась. Подъехала маршрутка, пошла толпа.

— Ты не Маринка! — старушка оскалилась обрубком зуба.

Стало обидно, горло защекотала плиточная пыль. Мы Саша и Надя. Что нам дальше делать? И я пообещала не поднимать матери нервы, потому что Маринка Люсю довела.

— Царствие ей небесное! — сказала старушка.

Её спина была белая и сухая, как правда. Я сбросила звонок и тоже пошла.

* * *

Внутривенно капельница 60 мин. — Фармрубицин 150 мг на 400 мл NaCl 0,9%
Внутривенно капельница 60 мин. — Эндоксан 1000 мг на 400 NaCl 0,9%
Дексаметазон 8 мг — 2 мл + Ондансетрон 8 мг — 4 мл на 200 мл NaCl 0,9% 30 мин.

* * *

Свой угол нужен человеку, чтобы быть собой и не бояться плакать, а чужие дома — чтобы радоваться напоказ. С удалёнки меня отправили в рабочую поездку, то есть я сама вызвалась, чтобы стесняться умирать на людях. Враньё маме о годовой командировке на целый месяц переставало им быть. Всюду были одни плюсы.

Солнце висело прямо над автобусом и плавило синтетические шторы; внутри устраивались по местам. Сзади девочка прихлопывала шторкой комара или муху. Женщина проталкивалась, задевая подлокотники. Сидящий рядом мужчина в панаме копался в рюкзаке, а потом достал журнал с глянцевой обложкой.

— Вы не откроете окно? — спросил. — А то супердушно.

Он стал обмахивать лицо журналом. Заржавевший самолёт на обложке полетел.

Я повернулась к окну, тронула чёлку на Наде и ответила, что будет сквозняк, а я как-то сквозняки не очень. Мужчина снял панаму.

— Он умрёт, мама? — слышно спросила девочка сзади. — Он не дышит.

— Я Виталий, — сказал мужчина. — Вам долго ехать?

Автобус дёрнулся, затарахтел. Сзади зашуршал пакет и завоняло сладкой курицей из фастфуда.

Виталий разорвал билет и переложил кусками некоторые страницы журнала. Журнал назывался Visual art. Из-под сиденья, я теперь заметила, торчал защитный чехол для профессиональной техники.

— Вы фотограф?

Фотографа обещали в помощь редактору, то есть мне, — готовить книгу к юбилею локомотиворемонтного завода. Вместе нам предстояло собрать весь материал.

— Билет-то зря порвали. — Я расправила штору на окошке. — Я все храню.

Спустя час я рассказывала Виталию, что юбилей завода, на который едем, — это тридцать лет, в сентябре, и что в том же месяце мне наступит двадцать девять. Виталий отирал панамой лоб. Сзади шуршали пакетом.

— И он, получается, на год меня старше. Завод этот.

Виталий полистал журнал.

— А я не чувствую себя старым или, там, неуспешным. У меня был день рождения вчера, и я его не отмечал.

Автобус ехал по щебёнке, поднималась пыль цвета «тёмный для бровей». Солнце откатилось и перестало жарить. За спиной что-то впихивали в карман сиденья. Виталий на выдохе спросил, считаю ли я, что тридцать лет — это такой рубеж для амбициозного человека? Я сказала, что иногда нет.

— Мне тридцать, только на три года больше, — сказал Виталий.

Девочка сзади оплакивала комара.

Автобус встал. Пассажиры напирали, идя к выходу. В сутолоке рюкзак упал к ногам. Стоя позади, заметила у Виталия лёгкое поредение волос к макушке. Виталию — тридцать три, а мне только двадцать девять. Всё лучшее ожидает впереди.

Гостиница находилась на территории завода. В номере, пахнущем пылью и клеем, выстроила треногу для Нади, усадила её и побежала в душ. Мылась, обходя брови, чтобы потом час не рисовать по новой. Чистила рот от горечи и серого вязкого налёта. Устала и облокотилась на стену, сползла по ней и сплёвывала на пол. Через пару минут промакивала пол бумагой.

На кровать из чемодана вывалила все взятые с собой вещи. Медицинские документы отгребла и положила текстом вниз. Косметику в три захода ссыпала под зеркало, на полку. Платья развесила на плечики — мне сейчас нельзя неженственное, я обманываю организм. Ответила Виталию, что сплю, но, может, завтра.

Подошла к двери и перепроверила: закрыто крепко. Аккуратно, чтобы не мелькать в окне, опустила шторы. Выдавила таблетку железа — выпить потом. Перепроверила дверь; треногу с Надей накрыла хлопковой рубашкой. Уснуть не получалось. В ответ на пропущенный написала: «Всё ок». Снова пошла чистить зубы.

* * *

При тошноте — Латран 4 мг 1-2 р. в день

Железодефицит: Феррум Лек 3 таб. в день

Контроль общего анализа крови. При снижении лейкоцитов — подкожно Филграстим 300 млнМЕ (300 мкг) — 0,5 мл однократно

* * *

Я села на противоположный край стола. Лампа под потолком ныла анемично-жёлтым. Приставленный к кружке телефон называл французские фамилии, Виталий сидел перед ним. Чайный пакетик на блюдце давно высох.

— Пробовал пофотографировать. Ходил.

Андрей Белозёров

Пепармонтика

Рассказ

Кубик был молочного цвета, с закруглёнными уголками, буква «Р» на боку, толстый и увесистый, как кнопка на пульте из фильма про космические корабли. Или как особенная космическая еда. От одного его вида зубы начинали зудеть. Укусить — кричали зубы. Но Андрей ещё долго перекатывал на ладони волшебный кубик — любовался, запоминал, взвешивал — прежде чем отдаться их зову. И, сминаясь зубами, кубик неожиданно лопнул нектаром, как странная ягода. Нектар леденящей лужей разлился по всем закоулкам рта, обжёг его.

— Ага! — воскликнул Рашид, долго и терпеливо ждавший этого момента, этих округлившихся от удивления глаз. — Ты только не глотай сок, испортишь всё! Жуй, жуй, чтоб впиталось.

И правда, Андрей старательно жевал, а нектар чудесным образом впитывался в резинку, и так до последней капли, и теперь уже сама она была ароматной, охлаждающей. Это решительным образом не походило на все жвачки, что ему доводилось пробовать, обычно и на вид они были как грязные подошвы, и вкус быстро пропадал... И названия у них были совершенно не загадочные: «жевательная резинка», или «кофейный аромат».

А ещё была Pedro с человечком в мексиканской шляпе, звучало это тоже не особо загадочно — английские буквы-то они с Рашидом более-менее знали. Правда, настоящего вкуса Pedro так и не попробовали... Старшеклассники как-то решили посмеяться, завернули в цветастые фантики от Pedro оконную замазку. И дали обоим.

— Жуйте, жуйте! Это вкусно! — а сами стоят, раскрыв рты в предвкушении.

Рашид развернул первый, видимо, почувствовал подвох, завернул обратно, говорит:

— Я потом, после обеда.

Андрей посмотрел на него.

— Спасибо, да я тоже...

Старшеклассники погрузтели и махнули рукой.

Андрей Белозёров (Бондаренко Андрей Борисович) — прозаик, фотограф. Родился в Абакане (Республика Хакасия) в 1975 году. Печатался в журналах «Наш современник», «Урал», «Волга» и др. Автор книг повестей и рассказов «Пост номер один» и «Люди до востребования». Лауреат литературной премии им. В.П.Астафьева (2011). Живёт в Абакане.

В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Но после школы, когда уже ни старшеклассники, ни Рашид не видели, — Андрей развернул своего Педро. Серая мягкая плитка — замазка и замазка. Понюхал. Пахнет человеческими руками, пахнет замазкой. Но веру в чудо было уже не остановить, он засунул плитку в рот и, захлёбываясь слюной, стал нажёвывать. Это продолжало быть замазкой, солонатовой от усердных пальцев старшеклассников, — и тогда уж он, конечно, выплюнул её.

А теперь, на скамейке перед подъездом, происходило настоящее чудо, настоящая загадка.

— ПЕПАРМОНТИКА, — прошептал Андрей английские буквы на полупрозрачной упаковке, в которой оставалось ещё три молочных кубика.

Так мог называться мир пришельцев. Так могла называться загадочная жидкость, которую бестелесные демоны используют для обретения плоти. Так мог звучать пароль от двери в их измерение.

Андрей с сожалением отдал упаковку.

— Где взял? — грустно и с завистью спросил он.

— Брат старший. Брат принёс. Он на заводе работает, у них там свой магазин есть.

— Магазин? А далеко? Давай сходим! — оживился Андрей. — А сколько стоит?

— Давай. Я у него дорогу подробно расспросил! Тридцать копеек стоит. Я бы рублей на десять взял, чтоб навсегда хватило. Это за городом завод, но там просто, идёшь по Советской вдоль труб, прямо и прямо. Главное, правильно свернуть... — Рашид, похоже, только и ждал, чтобы кто-то составил ему компанию в неблизком путешествии.

— Ого, я тоже хочу рублей на пять... хотя бы...

— Но надо быстро, все, кто знает, идут туда и берут коробками.

— А сегодня поздно уже?

— Ага... до шести вечера только.

— Ну, зато не разберут. Слушай, а давай завтра утром. Прямо к восьми, самыми первыми будем!

— Давай! Только надо в семь уже выходить... наверное... Или даже пораньше... Далеко идти... я ведь там не был...

— Я тогда в семь у тебя. Только бы денег дали...

В семь утра будет уже совсем светло. Хорошо, что каникулы, хорошо, что лето...

Дедушка разминал папиросу. Торжественно, с предвкушением. Дедушка весь состоял из прибауток. Сядешь есть, а он тебе: «Ешь, пока рот свеж, як завянет — никто не глянет». Или скажешь: «вот», а он — «дали ему год, отсидел двенадцать месяцев, вышел досрочно».

Размял, смачно чиркнул спичкой, попыхал папиросой и сказал приглушённо сквозь дым:

— Пять рублив. Ну и запросы! Щоб рыбу ести, треба в воду лезти!

Красивые синеватые змеи вились вокруг сухого впалого лица, цеплялись за усищи, заползали в ноздри, выскакивали обратно изо рта и свивались в галактики над головой.

— А кто полку заменит, яку ты сломал? Мать, ты слышала? Пять рублив! На жвачку!

Появилась бабушка, замахала прихваткой на деда.

— Да не дыми ты на ребёнка. Вон света белого не видно.

А свет как раз и видно, его толстые лучи, окрашенные дымом, расчертили всю кухню.

— Да я в форточку, в форточку... — присмирел дед.

— Что случилось, зачем пять рублей? — спросила бабушка.

— На жвачку, она особенная, у неё вкус не проходит, — жалобно ответил Андрей. — Её продают только в одном магазине. Продадут, и всё. И не будет больше, может, даже никогда.

— А полка? Полка не чинена! — опять заладил дед.

Андрей почувствовал, как в груди надувается огромный красный шар. Шар стеснил горло, сбил дыхание, выжал слёзы.

— Да как я её почию! — отчаянно и возмущённо воскликнул Андрей. — Она же стеклянная. Лыжи на помойке сломанные стоят, вот их принесу сейчас, такая будет полка!

Андрею самому стало страшно от этого взорвавшегося шара. Никогда он так не повышал на дедушку голос. Но дедушка неожиданно запрокинул голову, его усы сотрясались от громкого долгого смеха.

— Ой не могу, держите мене семеро! Ой, бедолага, ха-ха-ха, зламани лыжи.

У деда тоже выступили слёзы, но от смеха, он качал головой и тёр глаз костлявой рукой с папиросиной между пальцев. Андрей удивлённо смотрел.

— Ну, дай, мать, дай, — мягко сказал дед. И строго добавил: — Но три, не больше!

И погрозил жёлтым ногтем указательного пальца.

Андрей спал в зале, на диване. Над диваном покачивали маятником ходики. Гулко и усыпляюще тикали. Иногда в глубине деревянного корпуса шелестело и похрустывало. Если бывало вдруг страшно и тёмные формы рисовались по углам, — это биение жизни в деревянной груди отгоняло всякую нечисть. Здесь жизнь, здесь жизнь, здесь бьётся сердце, — шелестели ходики, — здесь не место страшной тишине. А Андрей вжимался в спинку дивана и чувствовал себя в норе — возможно, барсучьей норе, заботливо выстланной, соломой, например. И такой сладкий уют, такая вязкая нега делалась с ним от осознания, что там, за... — и космический холод и лютые хищники, порождённые тьмой... А здесь — тук-тук, тук-тук. И никакой опасности нет. Такая — щекочущая в затылке — нега, словно нити оттуда тянулись, словно кто-то осторожно ворошил волосы... Наслаждение и восхищение.

Но сегодня он долго не мог уснуть. Стоило закрыть веки — ПЕПАРМОНТИКА — светилось рассеянным светом под ними. И молочно-белые кубы с буквой «Р» переворачивались с боку на бок. И как славно, что дедушка внезапно рассмеялся, и три рубля были пообещаны. ПЕПАРМОНТИКА — завтра ждёт путешествие с самого утра.

Жвачка была, собственно, здесь же — прилеплена на подлокотник дивана в изголовье. Андрей представлял себя владельцем этого бесконечного богатства: он достаёт необычные кубики, никем не виданные, ловит завистливые взгляды, угощает одноклассника, следит за округлившимися глазами...

Ближе к утру, когда часть неба из чёрного подёрнулась серебром, а тюль перед приоткрывшейся на балкон дверью шевельнул утренний холодок, Андрей встал и прошлёпал босыми ногами туда, к двери, навстречу низкому гулу. И потом скользнул на балкон.

Второй этаж, балкон выходил на противоположную от подъездов сторону, заросшую деревьями. Их сплетённые ветви волновались, обменивались скрипучими рукопожатиями. Они маячили перед самым лицом. Ветер, словно могучая рыба в море, шумел высоко-высоко, лишь краешком многочисленных плавников задевая их. Приглашая Андрея. Мурашки бежали от затылка — по плечам, по рукам, волнами, снова и снова. Холод и тайна. Страх и удовольствие.

Андрей забрался на тумбочку с цветами, с неё — одной ногой на деревянные шершавые от облупившейся краски перила — было уже не так страшно, как тогда, в самый первый раз. Посмотрел вверх, где ветер качает далёкие кроны тополей, и вперёд, в просвет между ними: на силуэт огромного, как гора, мукомольного комбината с высокой прямоугольной башней и восемью огромными цилиндрами, стоящими в ряд. О, как он гудел, — низко, волнуяще, загадочно, — как ходил над ним ветер в посеребрённой черноте неба, как вскрывала острым шпилем башня со светящимися искорками окон — его ветреное брюхо.

Тело, свободное от одежд и недавнего тёплого одеяла, жадным парусом вбирало шумное сырое движение тёмных пространств, а в ступни так резко впивалось шершавое, колкое — покорная уязвимость и звериная нагая свобода владели Андреем. Но главная сила — этот гул, промышленный и природный, эти силуэты огромного, угловатого, окаймлённые серебряным светом, — они тянули из него жилы, сбивали ритм сердца, казалось, — до полной остановки. Они наполняли Андрея внутренней щекоткой, словно это щекоталась душа в попытке вырваться. А щекотка, выходя на поверхность кожи, словно пузырьки газа, — превращалась в мурашки.

Покачнуться от ветра и упасть, покачнуться и полететь... Отдаться волнам... Дело было за малым — перенести левую ногу на перила и оттолкнуться от берега. И потом сквозь касанья трепетной листвы, дальше, увернувшись от провода, дальше, минуя гаражи, минуя дедушкин гараж с мотоциклом... бабушкин детдом, где она была очень уважаемой воспитательницей... дальше... к гудящей громадине, к гудкам поездов, трамтамтатам — раскроит горизонт — от уха до уха — грохот резко сдвинувшегося с места железнодорожного состава... и ещё дальше, подгоняемый этим звуком, вдоль железной дороги, мимо очередного промышленного исполина... и мир истончается, становится зыбким... что же там дальше... густые туманы, в них всё ещё пунктиром проблёскивают рельсы, — всё реже и реже, всё ещё выплывают смутные кубы и пирамиды недостроенного мира, а вокруг них вьются вихри первозданного хаоса...

Бабушка разбудила его в полседьмого. Он просыпался долго, с неохотой и гнетущим ощущением, а потом подпрыгнул — ему ведь не в школу, ему ведь ПЕПАРМОНТИКА!

Школу он не любил, эти ранние подъёмы, эта зябкость, каждая отсроченная минутка, проведённая под одеялом, обсасывалась до косточки, превращалась в целое приключенческое сновидение, а потом бабушка опять проходила мимо, всё навязчивей отнимала одеяло. И он тащился, как бурлак, в ванную, где открывал тёплую воду, сам садился на край ванны и складывал руки в раковину, прижав ладошкой сток. Тёплая вода умиротворённо журчала, обнимала его руки и плечи, и он всё дремал и длил эту негу, отказываясь принять неизбежное.

Конечно, сегодня он даже не вспомнил об этой процедуре. Наспех чистил зубы, торопливо, как ему казалось, ел, но всё равно уже опаздывал...

Лидия Фитисова

ФИЛИПОК

Рассказ

- Куда ты, Филипок, собрался?
- В школу.
- Ты ещё мал, не ходи.

Л.Н. Толстой

«Поймите же, ребёнка, даже самого невыносимого, нужно уважать на том простом основании, что он человек. Бывает так, что больше и не за что...» — смакуя слова, будто спелые лесные ягоды, говорила доцент кафедры педагогики внимающим и сомневающимся студенткам. Зюечка злилась. «Ну, конечно же, в каждом человеке есть что-то хорошее, как можно этого не знать?! Прожить жизнь, иметь учёную степень и не видеть...» — мысленно протестовала Зюечка, теребя край своего скромного коричневого платья. Её щёки пылали, как пионерские костры.

Уже потом, когда Зюечка стала Зюечкой Михайловной, завела в своей громоздкой сумке коробочку с мелом и пару-тройку красных ручек, она вспомнила ту самую лекцию и тот завет — дословно, — и улыбнулась самой себе как-то горько. *На том простом основании, что он человек*, уважала Зюечка Михайловна (а коллеги вовсе отказывались) Филиппа Вершкова — наглого, насмешливого, отнюдь не глупого, но ленивого и скандального семиклассника. Вёл себя мальчишески развязно и тем походил на пьяного, ходил в несвежей одежде, редко причёсывал длинные сальные волосы, между тем в школу его привозил личный водитель. «Ну, сколько вам дать, чтобы была пятёрка?» — спрашивал Вершок Зюечку Михайловну и, самодовольно улыбаясь всеми складками своего расплывшегося лица, доставал несколько пятидесятирублевых купюр из кармана. Щёки учительницы вспыхивали, голос леденел, а клетки журнала в ответ неприятно петляли. Вершку это не нравилось. Как новенькая, Зюечка Михайловна ещё не привыкла, что «бывают чьи-то дети, и им можно», и не научилась обходить их стороной, как другие. *Горбатого — могила... Тебе что, больше всех надо? У него мать с отцом есть, деньги ляжку жмут, проживёт... Побереги нервы для своих детей, что тебе чужие?..*

Фитисова Лидия Сергеевна родилась в 1992 году. В 2016 г. окончила МПГУ им.Ленина, работает учителем словесности в школе. Первая публикация автора. Живёт в Москве.

Как-то после уроков в только что убранный и хорошо проветренный класс заглянул мужчина, и он мог не представляться: такой же, как сын, только большой уже человек.

— Зоя Михайловна? — спросил большой человек.

— Да, здравствуйте, — устало ответила Зочка Михайловна.

— Я Филипп Филиппыч Вершков, папа Филиппа! — не без гордости сообщил гость.

— Очень приятно, Филипп Филиппович! Сына в честь отца назвали?

— Не об этом сейчас, любезная вы моя... А пришёл я узнать, почему вы наставили моему сыну троек, да ещё по литературе?! — при слове «вы» большой человек показал на Зочку Михайловну толстым указательным пальцем, словно на плохо вытертую пыль.

Зочке Михайловне стало душно. Она хотела было открыть окно, но оно и так было распахнуто. Будто убедившись, что воздух в помещении есть, она сделала глубокий вдох и на выдохе, почти спокойно ответила:

— К сожалению, Филипп не читает произведения и не выполняет письменные задания. Тройка — это ещё аванс, могла быть двойка.

Большой человек посмотрел на Зочку Михайловну как на старую обувь. Он хотел съязвить, что могла бы быть и не двойка, а новая Зочка Михайловна, вот в точно таком же коричневом платье, но как человек интеллигентный промолчал.

— Гм... А что вы проходите сейчас? — поинтересовался Филипп Филиппыч, умильно разглядывая учебники на учительском столе.

— Максима Горького. «Детство», «В людях»...

Большой человек брезгливо поморщился, и в его масляных морщинах утонули маленькие смеющиеся глазки. Когда они всплыли, Зочка Михайловна отметила про себя, что без них было ничуть не хуже.

— Ну, Зочка Михайловна, господь с вами! — всплеснул руками Филипп Филиппыч. — Опять грязь, эта нищета, убожество... Сколько можно про это читать? Всё уже давно в прошлом!!! Давайте уже нашим детям покажем другую жизнь, хорошую, а не страда эту горькую!

— Но программа...

— Да бросьте вы эти формальности, Зочка Михайловна... Я запрещаю своему сыну читать Горького! — И большой человек хлопнул мясистой рукой по хрестоматии на столе Зочки Михайловны.

Учительница вздрогнула, умоляюще посмотрела в дверной проём, но никто не явился на помощь. Собравшись с духом, она спросила Филиппа Филиппыча:

— А Достоевского?

— Тем более! И Толстого вашего тоже — в баню!

Левая бровь Зочки Михайловны дважды поменяла координаты. Она не на шутку задумалась. Собеседник продолжал:

— Все эти алкаши, бомжи, убийцы, проститутки голодающие... Ну, скажите, разве это то, о чём нужно разговаривать с детьми? Разве это им может быть интересно? Да вы сами видите — не читают. А?

— Не читают... — признала Зочка Михайловна.

— А потому что это всё далеко от реальной жизни, моя дорогая! Не голодают у нас проститутки!

— Это радует.

— Детям радости в жизни не хватает, а вы им страдания да страдания одни...

— Я?

— Лучше бы свозили их в Грецию или Италию... Мой сын больше Италию любит, прям как ваши Достоевский с Гоголем.

— Да, есть такое сходство... А насчёт экскурсий поговорите лучше с классным руководителем.

— А кто классная у них? Я думал, вы.

— Я вас провожу.

— И всё-таки давайте договоримся: никакие тройки с двойками Филиппу не нужны, — сказал большой человек значительным тоном, не принимающим возражений.

«На том простом основании, что он человек», — подумала Зочка Михайловна.

Хорошистом Вершок стал не сразу. Пришлось влиятельному папе повлиять: прийти в школу ещё пару-тройку раз, припомнить Зочке Михайловне захолустное её происхождение, поинтересоваться у директора цветом диплома учительницы литературы и вузом, его выдавшим. Директор вызвал Зочку Михайловну к себе. *Горбатого — могила... Тебе что, больше всех надо? У него мать с отцом есть, деньги ляжку жмут, проживёт... Побереги нервы для своих детей, что тебе чужие?..*

И Зочка Михайловна, наконец, поняла и тоже стала обходить стороной маленького Филиппа Филиппыча, который, к счастью, вскоре перевёлся в более престижную школу. В менее престижной все выдохнули, и Зочка Михайловна тоже. А классная 7-го «А» всё-таки собрала ребят в поездку в Италию и то ли в качестве благодарности, то ли и правда не было другого сопровождающего, позвала Зочку.

— А у меня и загранпаспорта нет, — пожал плечами Зочка.

— Как нет? — не поняла классная.

— Вот так.

— И ты что, нигде не была?

— Не привелось как-то... — смутилась Зочка.

— Да ты же ничего не видела! — всплеснула изящным маникюром классная.

— У меня ещё есть время... — как бы извиняясь, улыбнулась Зочка.

— Срочно! Срочно оформляй документы... Ты что! Ты же учитель! А сама мир не видела. Архитектура, живопись, скульптура... Возрождение! Ты о чём с детьми собралась разговаривать? Что ты им расскажешь о жизни-то? Как у вас в деревне котят в реке топят? — Классная была убедительна: как-никак педстаж.

Зочка Михайловна задумалась. А ведь классная права, и большой человек тоже был прав: вокруг такая жизнь! А она и не видела её толком... Выросла в деревне, потом университет и общежитие. А мир — он огромный!

— На каникулах летим — и баста, возражения не принимаются. Ты вернёшься назад совсем другой, вот увидишь, — прощепетала классная. И вдогонку крикнула: — И платье с собой возьми какое-нибудь... не коричневое.

И вот Зочке Михайловне показали Рим, Ватикан, Венецию, Флоренцию. Круглыми, коровьими своими глазами увидела она Форум... Пантеон... Колизей... Фонтан Треви... Сикстинскую капеллу... Собор Святого Петра... Площадь, собор, кампанилу Святого Марка... Собор Санта-Мария-делла-Салюте... Мост Риальто... Собор Санта-Мария-дель-Фьоре... Мост Понте-Веккью... Галерею Уффици...

— Не Третьяковка, да? Вообще другой уровень! — толкнув в бок Зочку Михайловну, шепнула классная, озирая линзами цвета молодого изумруда роскошные залы прославленной галереи искусств.

— Другая жизнь... — задумчиво ответила она.

— Мне после Италии в наших музеях скучно.

Зюечка Михайловна не нашла что ответить. Её давно приучили к мысли, что образованный человек должен обязательно прочесть, посетить, посмотреть, запомнить... А необразованной учительницей она слыть не хотела.

Экскурсовод в стильных очках протискивалась сквозь разношёрстную толпу туристов, заядлых инстаграмщиков, интеллектуалов, любознательных школьников, продвинутых пенсионеров. Она широко разводила руки, как бы открывая ворота для московского 7-го «А», а ребята ныряли в освободившееся в толпе пространство со скоростью головастика. Им было интересно. До Зюечки Михайловны донеслось: «История живописи знает двух гениальных художников по имени Филиппо Липпи, это отец и сын... Творчество отца оказало серьёзное влияние на сына в достаточно юном возрасте...» Зюечке Михайловне было не очень интересно, но имена художников рождали непрощенный ряд ассоциаций. Вспомнились другие отец и сын — Вершковы, — будь они неладны. Отец и сын, надо же. Имя-то довольно редкое... Память Зюечки Михайловны напряглась, вытянулась стрункой и зацепилась за далёкое и уже подзабытое прошлое. Откуда-то из девяностых ласковый голос бабушки говорил: «Зюечка, отнеси Филипку пирожок, детка, сама не ешь только, тебе я ещё напеку! Жалко его, кожа да кости... У, алкаши проклятые!» Ему вторил недоумевающий мамин: «Я утром иду на дойку. Темно хоть глаз выколи, спички жгу, чтобы дорогу увидеть, смотрю — Филипок уже с горки катается. Пальтишко тонюсенькое — считай, полуголый, мёрзнет, небось. Надо б ему хоть свитерок какой старенький снести». Соседкин голос, жалеючи, хвалит: «Четыре годочка Филипку, а вон, воду носит!» Был такой мальчик у них в деревне — Филипок... Зюечка Михайловна понимала, что не время и не место вспоминать односельчан и канувшее в лету прошлое, но мысли, не спрашиваясь, цеплялись за своё, царапали душу и неожиданно рифмовались:

Вот моя деревня, горка и лесок.
Тащит в горку санки мальчик Филипок,
Мальчику четыре, мамка с папкой пьют...
Засыпает часто он — одет-обут.

«Чёрт, как же по-некрасовски вышло... — с досадой подумала Зюечка Михайловна. — “Мадонну с младенцем и двумя ангелами” прозвала из-за Филипка этого, сдался он мне!» А всё-таки ей было жалко мальчишку... В деревне взрослые Филипка жалели, а дети не любили: он дрался, кусался, плевался, бранился на чём свет стоит, чумазый ходил что чёрт. Мальчишки дразнили его анкоголихом, а он не обижался: папка его был первый алкаш на деревне, мамка — второй...

Пусто по кастрюлям, пусто по углам...
Мальчуган бедовый — всё умеет сам:
Сам мешает тюрю, сушит сам пальто,
Сам с собой играет в карты и лото.

«“Тюря” — сама-то это слово из сказок узнала, хвилолог!» — Зюечка Михайловна злилась на себя, но никак не могла сосредоточиться на экскурсии. Нужно же было лететь в Италию, чтобы тут, перед полотнами Леонардо да Винчи, вспоминать... Мало ли таких судеб!

Пять утра. В застенке суетится мышь.
 Мальчику не спится: «Мамка, мамка, спишь?»
 Мышка затихает, Филипок встаёт:
 Зябко в стылой хате, и урчит живот.

Дома мальчонка только ночевал, всё больше был на улице. Соседи нет-нет да угостят кто молочком, кто пирожком, да и браниться не станут, коли яблочко с чужого сада утащит.

Пусто по кастрюлям, пусто по углам...
 Филипок ушанку надевает сам,
 Двери открывает и на двор идёт.
 Рваные штанишки — задом наперёд.

Когда ему было пять лет, директор сельской школы, закрыв глаза на формальности, зачислил мальчика в первый класс, чтобы тот кушал и умывался, а Филипок неожиданно для всех начал учиться.

— Кем ты хочешь стать, Филипок? — спросил директор чумазого мальчугана с чёрными, как угольки, живыми глазами.

— Дырехтором! — громко ответил Филипок.

— Ну, дырехтор — это я, а ты дальше иди! Учись только, — засмеялся директор, похлопывая мальчика по худенькому плечу.

Экскурсовод в стильных очках восторженно говорила о Микеланджело. «Да, да, “инженером и чернорабочим” — я это читала о нём, кроме того он писал стихи, — мелькнуло в голове Зюечки. — Куда бы уже засунуть этого чёртова Филипка? Дался он мне». Но Филипок бунтовал, вставал и тащил свои сани, рифмуя снег с крепостью духа:

Тащит в горку санки бойкий Филипок,
 Пальчики озябли, в валенках снежок.
 Падают в сугробы, костерит их — жуть!
 Но не плачет мальчик, не грустит ничуть.

Успевал Филипок всё-таки слабо, но двоечником не был. После школы отучился на ветеринара. Алкоголиком не стал — *на том простом основании, что он человек*. «Давно уже большой; наверное, дети уже подрастают...» — подумалось Зюечке Михайловне, и ей стало отраднo за его детей. Им повезло больше...

А с горы катиться — весело до слёз,
 А с горы катиться — не тащить обоз,
 Не пахать землю, не стеречь овец.
 А с горы — не в гору! Понял бы отец...

«А ведь всё это не имеет никакого отношения ни к Филиппо Липпи, ни к прекрасной Италии, и думать об этом здесь... Я ненормальная. Сейчас дети спросят меня что-нибудь, а я... Двоечница я», — досадовала про себя Зюечка Михайловна, и щёки её горели.

Филипок действительно не имел отношения к прекрасной Италии, Чичиков — тоже.

Сменялись залы. Ботичелли... Дюрер... Тициан... Микеланджело... Рафаэль... Караваджо...

Неожиданно уставшие ребята оживились:

— О! Это же наш Фил! Вылитый Фил, ребята!

— Зоя Михайловна, посмотрите! Вакх Караваджо похож на Фила, ну, на Вершка!

— Только папе его не говорите, а то он выкупит полотно!

Ребята с любопытством разглядывали картину, весело переглядывались, ловя улыбки друг друга и изо всех сил сдерживая смех.

— Ребята, ну как вам не совестно! — шутя пожурела учеников Зочка Михайловна и переглянулась с классной.

Обе согласились, что и правда есть сходство между Вакхом и Вершком, любопытно, что дети это заметили.

— Всё-таки Вакх поприятней! — засмеялись девчонки.

— Поскромнее, по-моему, — добавила классная.

— Всё-таки бог, — с иронией подхватил староста класса.

Чрезмерная оживлённость ребят потребовала вмешательства классной. Зочка Михайловна стояла напротив картины в том одиночестве, какое вообще возможно в музее. Филипок уступил место Вершковым, но те почему-то не рифмовались.

«Поклонялись... боялись... служили... приносили жертвы... молились, — Зочка Михайловна мысленно перебирала слова. — Роптали, в конце концов, свергали, но не уважали ведь, не о богах ведь это слово — уважение».

Она обрадовалась этой мысли, как обрадовался бы близорукий исцелению от недуга. «Уважать — так людей, а богов... нужное подчеркнуть, — решила про себя Зочка Михайловна. — И как я не понимала этого раньше? И о чём я с детьми разговаривать собралась? Как у нас в деревне котят в реке топят?» Лицо её прояснилось.

После долгой экскурсии отдыхали в гостинице, собирали вещи, а вечером все вместе отправились в сады Боболи — с высоты любоваться городом красных крыш. В мягких лучах заката он казался сказочно красивым.

— Красота! Это тебе не деревня твоя. Вся жизнь будешь помнить! — сказала классная с видом человека, который уж точно знает.

— Удивительный город! — согласилась Зочка Михайловна.

Прогретый солнцем воздух мягко укутывал уставшие от долгой ходьбы ноги. Старинный город медленно погружался в тишину заката, как в дорогую сердцу память. Суету расхватили рестораны — на ней, как известно, можно неплохо заработать. Город открылся путешественникам иной своей красотой — невыразимой.

— А Рим? — не унималась классная. — Не город, а музей! Мне бы деньги — я бы тут навсегда осталась!

— Почему не в Венеции?

— Сырость не люблю. А ты? Ты бы в Венеции осталась?

— Я? — задумалась Зочка Михайловна, просеивая ресницами бронзовую пыльцу заката. — Я домой хочу.

— Чего ты там не видела? — усмехнулась классная.

— Всё видела, потому и хочу... Да и в школу уже хочется...

Зочка Михайловна хотела сказать что-то ещё, но классная перебила:

— Знаешь анекдот? Больше всех в колхозе работала лошадь, но председателем так и не стала.

Зочка Михайловна улыбнулась.

Анатолий Валевский

БЫТЬ АННЕТОЙ

Рассказ

Пятилетняя Аня проживала в старом деревянном доме с протекающей крышей, который при сильном ветре, казалось, качает из стороны в сторону, как пьянчужку, и он вот-вот не удержит равновесия и упадёт. В дальнем углу двора стоял сбитый из горбылей туалет, дверь его держалась на одной петле.

Дом состоял из десятка инсультов, инфарктов, двух висельников, одной шизофрении, доброй цистерны слёз, невообразимого количества причитаний и проклятий, полутора десятков лет бессонных ночей. Обитатели жили по принципу «он пьёт, гуляет, а она зарабатывает, воспитывает детей, решает семейные проблемы и ходит в синяках».

Под окнами росло старое дерево из породы неблагородных клёнов, даже на дрова не годных. Толстый ствол выгнулся, точно застыл в корявом реверансе. Каждый день кто-нибудь да сидел на дереве, раскачивая, и оно тихо, недовольно скрипело.

Мать Ани Татьяна вошла в этот дом шесть лет назад, залетев от Пашки Колокольцева, двадцатилетнего бугая, вернувшегося из армии. Семейство Колокольцевых агрессивно восприняло неожиданную беременность Татьяны.

— Сучка не захочет, кобель не вскочит, — злобно комментировали они.

Пришлось вмешаться матери Татьяны:

— Или под венец, или на нары! — отрезала она.

И Пашке ничего не оставалось, как дожидаться совершеннолетия будущей жены и идти с ней в поселковую администрацию регистрировать официальные отношения. Анечке к тому времени как раз шёл седьмой месяц.

Молодая жена после первого месяца поняла: счастья и любви в этом доме ей не видать как прошлогоднего снега. Пашка пил, открыто гулял с поселковыми девками и два раза в неделю, словно по графику, колотил Татьяну. Вдобавок приходилось неизменно выслушивать стенания свекрови, как молодая невестка приворожила, охмурила, испортила жизнь её Пашику.

Валевский Анатолий Михайлович — родился в Новом Роздоле (Украина) в 1969 году, окончил Томский государственный педагогический университет (1997). Работает учителем истории в лицее города Усинска (Республика Коми). Печатался в журналах «Дружба народов», «Нева», «Крещатик» и других.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2023, № 11.

На третьем году семейной жизни муж разбился на мотоцикле насмерть. Купил у бабки Прокопьевны две бутылки самогона, сел на железного коня и помчался к компании, которая нетерпеливо дожидалась его на берегу реки. Ещё через год умерла и свекровь, как раз на Первомай. Набодяжила перед этим самогонки, позвала соседку, и так они упились, что утром невестка обнаружила свекровь холодной на кровати в неубранной комнате.

Так Татьяна стала полноправной хозяйкой дома, но к тому времени и сама начала прикладываться к бутылке. В доме замельтешили мужики. Менялись, как цветные стёкла в калейдоскопе, подолгу никто не задерживался. Маленькая Аня каждого незнакомца хотела назвать папой, но они не проявляли к ней ни малейшего интереса.

Размеренный быт дома изменился, когда появился дядя Коля. Он первый из маминых ухажёров обратил на Аню внимание и подарил куклу. Девочка прижалась к его небритой щеке и сказала: «Папа». Дядя Коля не оттолкнул. Какое-то время в семье наступили не только мир и покой, но даже и достаток, а потом нагрянули люди в милицейской форме, забрали и дядю Колю, и маму.

Аня осталась в доме со старым облезлым рыжим котом Васькой, псом Бароном, живущим в собачьей конуре, и семидесятилетней бабушкой Верой, моющей полы в поселковой школе.

Старушка была невысокая, седая, склонная к полноте. Тридцать лет под сапогом мужа приучили её к покорности, на лице навсегда застыло выражение добровольного мученичества. По вечерам к ней любил захаживать сосед Николай Васильевич, такой же одинокий старичок.

Когда-то он работал в школе учителем литературы. К пенсиону ему даже дали звание. На следующий день директриса вызвала «отличника просвещения» в кабинет и попросила написать заявление по собственному желанию, уступить дорогу молодым. Николай Васильевич ушёл, а после его часто видели в посёлке изрядно выпившим, и жители злорадствовали, что «отличника», оказывается, по недосмотру дали алкоголику.

Васильевич был одинок и начинал думать, что одиночество — черта его характера, нечто навеки неотделимое от него. Единственным человеком, привечавшим его, была Вера, бабушка малолетней Ани.

Вот так, тихо и незатейливо, катилась жизнь в старом доме.

На Победу в дерево ударила молния, образовав в стволе огромную дыру, расщепившую его надвое.

— Голо будет в окне, если дерево упадёт, пустота умножится, — выразил озабоченность Васильевич, — так стала уважительно величать баба Вера своего соседа, правильнее было бы сказать — собутыльника.

— Не приведи Господь, дом ещё завалит, — обеспокоенно поддакнула старушка.

И работа по спасению клёна закипела. Васильевич сходил за цементом в магазин, за песком на детскую площадку, камни собирал вокруг. Соседи мужского полу втянулись кто с монтажной пеной, кто с чем. В конце побелили ствол, как в парке, — приятно посмотреть. Анюта снова с радостью стала лазать по дереву.

Был поздний вечер, когда в дверь постучался Васильевич. На небе сияла июньская луна, хотя с запада надвигалась гроза; уличные фонари ещё не горели. Вспышки зарниц освещали восточный край неба.

Баба Вера быстро накрыла стол, сходила в соседнюю комнату и принесла припасённую бутылку. Глаза Васильевича довольно заискрились. Баба Вера, так же

с удовольствием опустошая рюмку за рюмкой, прилично захмелела. Аня сидела на кровати с куклой в руках и тихо с ней разговаривала, не мешая старикам трапезничать.

Где-то вдали раздался продолжительный гудок пассажирского поезда. Проснулся и залаял в будке Барон, кот Васька лениво открыл глаза и посмотрел с кровати на то, что творится в комнате.

Васильевич, изрядно опьянев, обратил своё внимание на девочку. Он подозвал её, усадил на колени, заботливо погладил по волосам.

— Сироткой растёт, — сказал он, и по его щекам заструились слёзы.

Васильевич поцеловал маленькую Аню в макушку, тяжело вздохнул, словно на его плечах была ноша, которую он никак не мог скинуть.

— А мои мне внучку не привозят. Как уехали в город, так и с концами, — голос Васильевича задрожал. — Считают пьяницей, не понимают, что пью-то от тоски. От большой тоски, — уточнил он, и плечи его затряслись.

Он фыркнул носом, наклонившись вперёд, устремил взгляд в угол комнаты, словно там явилось видение.

— Как деньги нужны, сразу вспоминают. — И посмотрел на девочку, что, выпрямившись, сидела у него на коленях и преданно смотрела ему в глаза. Васильевич нежно погладил Аню по волосам. — Я привержен не только пьянству, — начал оправдываться он. — У меня была семья, была работа, а теперь — ничего. Проживёшь вот так жизнь, а потом задаёшь себе вопрос: разве ты так хотел её прожить?

Угнетённый печалью, Васильевич замолчал, однако новый гудок тепловоза вывел его из оцепенения.

— Может, я ещё проживу лет десять или поболее, а — не хочу. Вот так, не хочу, — хрипло проговорил он, слёзы вновь подступили к глазам.

Он ещё раз пристально посмотрел на девочку.

— Вот что её ожидает? Она ведь будущая женщина, мать, чья-то жена. — И слова Васильевича зазвучали серьёзно и решительно: — Ничего хорошего. Потому что жили и будем жить в этой болотной тине, и высосет она из нас все соки, как кровосос. И умрём, и унесут на кладбище, где и лежать-то мне не хочется. Это ж надо было кладбище в низине разбить, — Васильевич разозлился.

Его взгляд снова устремился в тёмный угол.

— Все думают, что быть женщиной легко! Я-то знаю, что это неправда! — заявил он. И обратился к девочке: — Я один это понимаю!

Баба Вера икнула, она не понимала, о чём это Васильевич, но слушала: всё-таки бывший учитель, интеллигентный мужчина, не то что она — всю жизнь поломойка. Хотела быть образованной, но муж сказал, что ему умная жена не нужна.

— Ни одного случая-то в литературе нет, чтобы писатель написал о счастливой женской доле!

Васильевич задумался, словно перебирал в уме все женские литературные образы, и вдруг лицо его преобразилось, в комнате словно загорелась свечка:

— Как это я забыл про Аннету?!

Баба Вера насторожённо посмотрела на Васильевича: о какой такой Аннете тот говорит? Она старалась припомнить затуманенной головой такую бабу в посёлке. Никто с таким чудным именем на ум ей не пришёл.

— Васильевич, — спросила озадаченная баба Вера, — это ты про кого говоришь?

— Аннета Ривьер! — восторженно воскликнул Васильевич.

— Приезжая какая-то? — допытывалась баба Вера.

— Нет, — махнул рукой Васильевич, — это из книги...

— А, из книги... — облегчённо протянула баба Вера. — Ну так бы сразу и говорил...
— Я с ней прожил всю свою жизнь. Как прочитал, так и понял, какая это женщина, — Васильевич сокрушённо качнул головой.

— Красивая, небось, — отозвалась баба Вера, дожёвывая огурец.

— Сильная, как смерть!

— Это как?!

— Вот так! Мужчины ищут в женщинах именно силу, но не находят её.

— Все мы сильные, — разобиделась баба Вера. — Вот своего Петра сколько терпела! И побои сносила, и в ночной рубашке от него бегала по посёлку, как очумелая, когда он за мной с топором гонялся. Ревнивый был мужик, спасу никакого. Чуть что — за топор. И так тридцать лет.

— Аннета бы так не терпела! — уверенно произнёс Васильевич.

— А что бабе делать, как не терпеть? В терпении её сила, Васильевич, уж поверь-то мне.

— Это ты рассуждаешь как забитая мужем баба. Плох, мол, забор, да свой.

— А как же? — баба Вера оживилась.

— Так не должно быть, — категорически заявил Васильевич. — Женщина не должна быть домашней рабыней, угождая мужу. Она должна быть женщиной. Аннета Ривьер была именно женщиной. Все эти Каренины, Наташи Ростовы — это бабё. Они могли бы стать женщинами, но не стали, а Аннета Ривьер — Женщина с большой буквы, — с волнением воскликнул он и, посмотрев на притихшую Анечку, нежно коснулся рукой её волос. — Пожалуй, пройдёт лет двадцать, прежде чем ты, малышка, поймёшь, что я хочу тебе объяснить!

Девочка заворожённо слушала старика, и что-то в её маленькой головке прокрутилось, что-то она поняла такое, чего не было дано понять бабе Вере. Аня обняла пьяного Васильевича и порывисто, по-детски воскликнула:

— Я буду Аннетой!

Васильевич благодарственно посмотрел на девчущку и чмокнул её в светлую макушку:

— Обязательно будь ею.

Он поднялся, его качнуло, и казалось, что он вот-вот свалится, но вместо этого Васильевич опустился на колени, поднёс ручки Ани к своим пьяным губам и в каком-то экстазе стал их целовать.

— Будь Аннетой, малютка, — уговаривал он её. — Будь сильной и мужественной, вот твоя дорога! Будь чем-то большим, чем только женщина! Будь Аннетой!

Васильевич встал и, шатаясь, ушёл. И баба Вера, и маленькая Аня озадаченно смотрели на дверь в надежде, что Васильевич вернётся, но он не вернулся.

Первой пришла в себя баба Вера.

— Аня, спать, — сурово и неприветливо скомандовала она.

— Я не хочу, чтобы ты меня так называла, — возразила внучка. — Я хочу быть Аннетой!

— Ты что плетёшь? — отрывисто прикрикнула баба Вера.

— Я хочу быть Аннетой! — стояла на своём пятилетняя девочка, потом расплакалась, её слёзы тронули бабку. Та старалась утешить внучку, но ей это не удавалось.

— Аня, будь хорошей девочкой, успокойся, — уговаривала баба Вера и как-то незаметно сама расчувствовалась. — Пришёл, старый хрен, наговорил всякой дребедени ребёнку и ушёл...

Маленькая Аня продолжала рыдать. С детским самозабвением она вся отдавалась горю, и её голосок нарушал ночную тишину перекосившегося дома.

— Я хочу быть Аннетой! Я буду Аннетой! — с плачем твердила она, содрогаясь и всхлипывая, будто ей в самое сердце проникли образы, порождённые словами пьяного старика Васильевича, бывшего учителя литературы.

— Хорошо, — тяжело вздохнула баба Вера. — Хочешь быть этой... как её... Аннетой, — глаза девочки заблестели, — будь этой Аннетой, что с тобой поделать.

— Я буду Аннетой, я буду Аннетой, — твердила маленькая Аня, засыпая, обняв куклу.

Через год умерла баба Вера. Девочка попала в детский дом. Она никогда не откликнулась на имя Аня, но в детском доме её упорно не хотели называть Аннетой.

Будущее шестилетней Аннеты казалось бесперспективным и серым, как пейзаж за окном. Всё изменилось с появлением приятной посетительницы на новогоднем утреннике.

После представления она подозвала Аню:

— Ну, расскажи, девочка, как тебе живётся.

Аня ни капли не растерялась от постороннего внимания, хотя в детском доме особо близко к себе никого не подпускала. Девочка подошла к позвавшей её тёте, уселась ей на коленки и выразительно пропела:

Пролетают годики.
Жизнь — не сахар и не мёд,
Никто замуж не берёт!

Директриса от пропеты частушки лишилась дара речи, но быстро опомнилась:

— Она у нас народная певунья.

— Как тебя зовут? — пряча улыбку, спросила незнакомка.

— Аннета.

— Как?

— Аннета, — уверенно повторила девочка.

— Её зовут Анечка, — поправила директор детского дома.

— Меня зовут Аннета, — упёрто стояла на своём девочка.

— Почему ты хочешь, чтобы тебя звали Аннетой? — удивилась гостя.

— Потому что Аннета — это сильная. Я хочу быть сильной!

Через четыре месяца девочка была удочерена... Эльзой.

— У неё непростой характер, — предупредила директор детского дома.

— Он и у меня не сахарный. Будем вдвоём закаляться.

«Жить в надежде на чудеса»

Участники Мастерских АСПИР на страницах «ДН»

Павел Сидельников

Придаточные корни чуда

* * *

В России — прошлогодний снег
всё так же кружится, кружится.
Так умирает человек —
боится, что не повторится.
Боится взять и замереть,
заснуть, забыться, зазеваться...
И что-то сделать не успеть.
И на земле с землёй расстаться.

* * *

Ребяческая робость. Забытьё.
Дорожное сменяется тревожным.
Живу себе, не зная, где моё
пристанище — мой дом на бездорожье.

Коль в прошлой жизни широко шагал,
то в этой жизни как-то всё нелепо.

Отправь меня на призрачный вокзал!
Мне хочется на небо.
Не под небом.

Сидельников Павел Андреевич — родился в 2002 году в г. Тюмени. Пишет стихи и эссе. Учится на юридическом факультете Российского университета правосудия. Выпускник школы литературного мастерства им. Владислава Крапивина. Публикации в журналах «Дружба народов», «Новый мир», «Знамя», «Урал» и др. Участник проектов Фонда СЭИП «Липки», Мастерских АСПИР (2022—2024). Автор сборника стихов «Долгое дыхание» (М., 2023). Лауреат премии им. Юрия Кузнецова и др. Живёт в Воронеже.

* * *

Не выразил любовь свою в словах,
но показал легко и бескорыстно:
я нёс тебя, как листик, на руках
и разглядел в тебе тысячелистник.

Среди других соцветий различил —
какие здесь ромашки и тюльпаны?
Любым растениям нужен хлорофилл,
а мне — моя возлюбленная рядом.

* * *

Не чувствуешь меня, а мне
немного нежности хотелось.
Такая грусть, что в тишине
казалось, будто что-то пелось.

Так мягко, ласково, легко,
как будто жизнь остановилась.
Глаза раскрылись широко,
и даже сердце спохватилось.

А мне хотелось разузнать,
откуда музыка играет,
откуда эту нежность звать,
когда её так не хватает.

Темно снаружи и внутри.
Но ты, как музыка, стояла
в проёме кухонной двери,
пока мой сон оберегала...

* * *

О смерти я молчу, покуда
ещё растут в густом саду
придаточные корни чуда,
возникшие из ниоткуда
в две тысячи втором году.

Стоял обычный день — среда.
Меня забросили сюда
и ничего не объяснили.
Меня жалели и любили,
а я, похоже, никогда.

Вот я живу — свой век влачу,
и корни просятся наружу —
к новорождённому лучу,
но правило я не нарушу:
о смерти я ещё молчу.

Тая Ларина

Дети Дикого ангела

* * *

Открываешь глаза и делаешь то, что должно.
Закрываешь глаза и думаешь: «Будь, что будет».
Жизнь — простая штука, но жить почему-то сложно.
Точно так же сложно, как чудо увидеть в чуде.
Люди ходят к людям, чтобы на них смотрели,
чтобы их слушали, видели, понимали.
Люди так устают примерно к концу недели —
если б только другие люди об этом знали!
Это всё смешно, банально, однообразно —
Всё, что нам так дорого, всё, на что мы готовы.
Закрываешь глаза от скуки в который раз, но
Открываешь глаза и всё начинаешь снова.

* * *

Каждый охотник знает, что он — фазан,
чувствует взгляд, устремлённый прицельно в спину.
Ночью почти не может сомкнуть глаза,
хоть и не верит во всякую шибанину.
Каждый охотник утром берёт топор,
чистит ружьё и сбивает чужих со следа.
Если его не сцапали до сих пор,
может быть, он продержится до обеда.
Жрать нужно всем, и, наверное, он поймёт,
если сожрут его. Только не сегодня.
Пчёлы жужжат. Собирается дикий мёд.
По лесу тварь идёт, просто тварь Господня.

Тая Ларина — поэт, прозаик. Родилась в 1987 году. Окончила Литературный институт им. А.М.Горького (2009) и Московский государственный психолого-педагогический университет (2017). Автор поэтического сборника «Закон радости» (М., 2020). Участник Форума молодых писателей «Липки» (2020) и Литературных резиденций АСПИР (2023, 2024). Лауреат Премии «Триумф» (2009), премии им. Анны Ахматовой (2013) и др. Живёт в Подмосковье. В журнале «Дружба народов» печатается впервые.

* * *

Дети Дикого ангела выросли и устали.
Невозможно в этой вашей Электростали
Жить в надежде на чудеса.
Никакого тебе Родриго или Рикардо,
На стене покрылась пылью цветная карта,
За окном всё та же серая полоса.
Мы читали и Леви-Брюля, и Леви-Стросса,
Мы считали, что очень важно не вешать носа,
А моя подруга однажды влюбилась в босса,
И потом вспоминала это пятнадцать лет.
Что теперь поделать, если иного чуда
Не достанешь здесь, наверное, ниоткуда.
На тебя взирает город, пустой, как Будда,
Непонятно, где аутлет, а где туалет.
Только я-то знаю точно, что чудо было.
Я его забыть хотела бы — не забыла.
Ну и пусть его считают унылым мылом,
Я к нему бежала вечером через двор.
Я влетала в комнату, падала у экрана.
Вот сейчас об этом вспомнишь, и как-то странно...
Там ведь было всё, что было нам слишком рано.
Всё, что рано нам до сих пор.

Фестивали и конкурсы

МАЛЕНЬКИМ КАРАНДАШОМ

Двадцать и один конкурсный год

Волошинский конкурс родился от любви. От любви к Серебряному веку, к его бурной литературной жизни, к его поискам новых форм и смыслов. От любви к Волошину и его духовному творению — Коктебелю, который на долгое время стал одним из литературных центров России. Здесь молодые поэты и признанные мэтры состязались в поэтических турнирах, ставили спектакли, читали стихи сутки напролёт, влюблялись, валяли дурака, гуляли по горам, купались в море, погружались в историю Крыма, Эллады, Киммерии, творили...

Волошинский конкурс родился, когда всего этого стало остро не хватать. Шёл 2003 год... Сегодня, когда литература, и даже в большей степени — литераторы как представители этой древнейшей профессии, в той или иной степени востребованы, трудно понять, как не хватало тогда поэтам и писателям простого человеческого общения — друг с другом, с читателем, с миром.

Ничто не происходит случайно. Само время вызвало к жизни этот конкурс, продолжившийся Волошинским фестивалем. В период своего расцвета конкурс проводился более чем по десяти номинациям в десятке жанров, на фестиваль приезжало до 500 литераторов из разных стран...

Время изменчиво, и сегодня конкурс практически вернулся к своему началу, сохранив четыре номинации в жанрах поэзии и прозы. Одну из прозаических номинаций в этом году заявил наш любимый журнал «Дружба народов», с которым когда-то мы рука об руку начинали этот конкурс. Хорошо, когда старые друзья возвращаются. Надеюсь, мы снова пойдём дальше вместе.

В нынешнем году конкурсу 21 год. Он не проводился только в год пандемии коронавируса, в 2020-м. Никто тогда не знал, как мы будем жить дальше и будем ли. Теперь точно знаем, что будем. Несмотря ни на что. Потому что жизнь всегда побеждает смерть.

Сегодня журнал публикует список победителей в своей номинации и рассказы некоторых из них.

*Андрей КОРОВИН, поэт,
организатор и вдохновитель Волошинского конкурса*

XXI МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВОЛОШИНСКИЙ КОНКУРС (2024)

«Всех миров преображень» — номинация журнала «Дружба народов»

Лауреат:

Елена Шумара (Санкт-Петербург) — за рассказ «Не любила»

Дипломанты:

Андрей Зинчук (Санкт-Петербург) — за рассказ «Дорога»

Вячеслав Нескоромных (Красноярск) — за рассказ «Непознанные истины»

Юрий Санберг (Мытищи, Московская обл.) — за рассказ «Синее»

Ольга Сичкарь (Москва) — за рассказ «Сокровенное»

Елена Фролова (Москва) — за рассказ «Колыбельная»

Елена Шумара

Не любила

Крюков канал пахнет солью и тиной. Широкий, он колыхнется студенисто, будто полон прозрачных медуз. На той стороне крикливые парни пьют, толкают друг друга и обгрызают жёлтую кукурузу.

— Как в Сочах, — бормочет Юлька. И добавляет с кавказским акцентом: — А вот кому чурчела и пахлава!

— Ты в Сочах-то была? — усмехаюсь.

— Да шас, — она прижимается к животом к парапету. — Я пленница серого города, ясно?

Юльке семнадцать плюс целый июнь. Всё ещё маловато, чтобы влюбить такого, как я. К тому же Юлька — пацанка, метр с дурацкой кепкой. Глазищи недетские, кое-какая грудь, а в остальном — курёнок, как её ни крути.

Я достаю чупа-чупс, малина и сливки, сдираю шуршащий фантик.

— Будешь?

Юлька высовывает язык. Прячет обратно. По-рыбы хватает наживку. Сом-сладкоежка, а может быть, кашалот. Она всегда была большеротой и злилась, если кто-то над этим шутил.

— Бежим на юг? — Юлька тычет меня в плечо. — В самые Сочи. А, Сань, давай?

Сквозь чупа-чупс я слышу: «Бевым на юк? В шамые шочи!..»

Нет. Нет, как бы мне ни хотелось.

Я смотрю вниз, в заросший чем-то бурый канал. Вода шевелится, словно на дне разыгрался Ктулху. Из-под моста вылетает катер с кратким именем «Злой».

* * *

В детстве мы обитали с Юлькой в коммуналке на Декабристов. Матери наши дружили, как могут дружить только матери-одиночки, — нервно и очень крепко. Комнаты были соседние, через стену, и наши с Юлькой кровати стояли по разные стороны этой стены. В школьные времена мы придумали нечто вроде азбуки Морзе. Но не стучали, как полагается, а скреблись. Мамы думали даже, что в доме ночью бесчинствуют мыши.

— Дура, — шуршал я по жёлтым обоям. — «Супер Марио» круче, чем «Мортал Комбат».

— Сам дурак, — отвечала Юлька по голубым в полоску. — Я тебя сделаю завтра и в то, и в то.

Юлькина мать готовила лучше и кормила всех четверых. Моя стирала, мыла полы и таскала нас, детей, по музеям. Однажды в корпусе Бенуа мы с Юлькой

Шумара Елена Викторовна — прозаик, поэт, драматург, доцент Санкт-Петербургского педагогического университета. Автор романа «Если я буду нужен» («АСТ», 2021). Лауреат нескольких литературных конкурсов. Живёт в Санкт-Петербурге.

В «Дружбе народов» публикуется впервые.

поцеловались. Мне было одиннадцать, ей — десять. Не помню, как и зачем это вышло. Вроде она бросилась на меня, прижала к стене и ткнулась губами в губы — жёстко, но в общем приятно.

— Знаешь, Саня, — сказала потом, — ты целоваться-то не умеешь.

— И ты не умеешь, — парировал я.

— Мне десять, — напомнила Юлька и вынула чупа-чупс из розового рюкзачка.

Малина и сливки. Фантик испачкал пальцы. Мы лизали чуть кривоватый шар — Юлька, я, Юлька, Юлька и снова я. А потом нас погнали из зала.

* * *

В мои непростые пятнадцать вдруг объявился отец. Московский, в галстук и пиджаке. Явно богатый. Сказал, заберёт меня, если мать разрешит. «Пожить с мужиком», «воспитаться». Мать прорыдала три дня и всё-таки согласилась. Отец уехал готовить «пространство», а я остался на пару недель — прощаться со старой жизнью.

Юлька тогда уже не росла. В школе дразнили её «полторашкой», но не обидно, шутя. Знали, что за соседку я разорву на большие куски. Целоваться к тому времени мы научились. Я — с Голяшкой из параллельного класса, просто для опыта. Юлька — с каким-то придурком из детского хора. Общались мы мало, не знали, о чём говорить, ну разве что вкусный ли суп.

Утром я должен был ехать. Ночью же Юлька вдруг зацарапала в стену:

— Саня, ты спишь?

— Нет, а чего?

— Иди-ка сюда.

— Сама ты иди-ка, — сморщился я, будто она могла меня видеть, — самое время.

— Мама ушла, — лёгкий скребок, типа «ха», — свидание у неё.

Моя на свидания не ходила, но спала как сурок — крепко и с тихим свистом. Я поднялся, напялил штаны и рубашку. Тапки оставил перед кроватью.

Свет в соседней комнате не горел. Но дворовый фонарь слабо вычерчивал узкий диван, складки скомканного одеяла и Юльку в белой ночнушке.

— Сань, ты сядь, вот сюда.

Я залез в любимое Юлькино кресло — с ногами, чтобы не мёрзли голые пятки.

— Давай поклянёмся, Сань, что в этот же день, через три года, встретимся снова.

— Мы раньше встретимся, Юлька. Я буду к матери приезжать.

— Нет, то не в счёт! Три года, день в день, хорошо?

Она вскочила, бросилась к креслу и обняла меня. Чёртовы кости! Худая она была, как Кошей. Второй поцелуй вышел длиннее первого. И лучше по всем фронтам.

Мать вскоре уехала из коммуналки — в однушку на Ветеранов. Я навещал её каждый месяц, но Юльку, понятное дело, не видел. В Москве мне было неплохо, и я забывал свою старую школу, друзей и, конечно, соседей.

А через три года, день в день, словно дятел клюнул меня в макушку. Завтрак, рюкзак, «Сапсан». Шумный Московский вокзал. Тесная улица Декабристов. В тринадцать ноль-ноль я стоял перед дверью моей — нет, теперь уже не моей — коммуналки...

* * *

Юлька кладёт палочку от чупа-чупса на узкий парапет.

— Упадёт, — говорю я.

— Спорим — не упадёт? — Юлька дует на чупсовый скелет.

Тот лежит, чуть розоватый от бывших малиновых сливок. Приклеился к тёплым перилам. Парни на том берегу уже целуют девчонок — откуда они появились? Юлька кусает губы и на девчонок с парнями не смотрит.

— А знаешь, Сань, я тебя никогда не любила.

Пух от старых седых тополей снегом ложится ей на кроссовок, путается в шнурках. Она ждёт, что я скажу. Дождаться не может и шепчет, привстав на носочки:

— Ну, может, в детстве, немножко. Помнишь, в музее? А ты...

— А я?

— Четыре года не замечал. И потом ещё три... и сегодня.

Рот её, сочный и, наверное, сладкий от чупа-чупса, кривится. Будто она собирается плакать. Но Юлька не плачет. Она ведёт меня за руку, через садик при церкви, домой — в коммуналку на Декабристов.

Лучше бы мы сбежали на юг.

Вечером Юлькина мама, расцветшая к сорока пяти, кормит нас фасолевым супом. В комнате пахнет хлебом, сиренью и немного малиной в сливках.

— Сашенька, ты надолго?

— Нет, тётя Катя, в ночь уезжаю обратно.

— Жалко. Мать бы твою подогнали, сели, как в старые времена. Я бы пельменьчиков налепила. А, Юлька, вместе бы налепили?! Вот давай, Саш, когда приедешь опять, так и сделаем, хорошо?

— Через три года, — Юлька кончиком ложки рисует на супе сердечки. — Раньше мы не сумеем.

— Солнце, опять ты несёшь ерунду! — мама смеётся, уходит с супницей в кухню.

Ветер качает боярышник за окном, наполовину отцветший. Юлька целует меня в ладонь. Фасолевый поцелуй. Третий — если забыть, что творилось тут пару часов назад.

Ночь. Юлька меня провожает. По перрону шастают люди, катят двухколёсные чемоданы. Кто-то украдкой кидает под поезд окурочок.

— Давай поклянёмся, Сань, что в этот же день...

Тётка толкает Юльку тележкой, шипит, мол, мешаем пройти.

— Клянёмся, — я касаюсь билетом её зацелованных губ.

— Никогда тебя не любила... ну, может, немножко сегодня.

Где-то на дальнем пути пылко кричит электричка.

Ту-у-у. Кажется, я остаюсь.

Владимир Гриньков

Необыкновенная летопись великого города

К 1000-летию Суздаля

Суздаль как он есть — это фольклор,
только выраженный архитектурными формами.
Весь Суздаль — это одна каменная песня.

А.Д. Варганов

В необъятной России более 1100 городов. Среди них «миллионеров», где проживают более миллиона человек, — свыше полутора десятков. Но есть города маленькие, даже крохотные, в которых и десяти тысяч жителей не наберется. Там почти сплошь частная застройка, и даже в центре дома — не выше двух-трех этажей. Там резные наличники на окнах. Дымок из печных труб пахучий. Собачий лай за деревянным забором. И улицы по вечерам пустеют рано-рано.

В Суздале немногим более десятка улиц. Суздаль настолько мал, что по городу лучше бродить пешком, оставив машину у гостиницы, а туристов здесь зачастую в сезон оказывается больше, чем местных жителей. Но вот парадокс: город мал размерами, но, в отличие от своих столь же малых городов-собратьев, известен и по книгам, и по фильмам, и по живописным полотнам всей стране — знаменитые мастера к этому руки свои приложили!

Что написано пером

В древнерусских летописях первое упоминание о Суздале встречается под 1024 годом, когда смерды (крестьяне), подстрекаемые волхвами-язычниками, «избываху старую чадь», то есть напали на зажиточную местную знать, что было связано с предшествовавшими неурожайными годами и голодом, после чего вмешаться в происходящее пришлось князю Ярославу Мудрому. Об этом есть упоминание в известнейшей Лаврентьевской летописи далекого от нас XIV века. От первого упоминания о Суздале до первого упоминания о Москве еще должно было

Гриньков Владимир Васильевич, родился в 1965 году. Окончил Харьковский политехнический институт. Писатель, сценарист, исследователь истории создания и развития туристического маршрута «Золотое кольцо». Живёт в Москве. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

пройти более века, до основания Санкт-Петербурга — семь веков. Вот вам и маленький город.

Летопись суздальская и позднее творилась строка за строкой. В местных писцовых книгах, где собиралась информация о том, кому какие земли принадлежат и кто какому дому хозяин, накапливались сведения о Суздале и его жителях. Вот 1617 год. Лишь недавно завершилась разорительная Смута. Суздаль оживал. В тот год в городе насчитали почти 650 дворов, а ведь всего несколькими годами ранее, в Смуту, дворов оставалось меньше 80! Кто здесь жил в ту пору? Ремесленники самых нужных профессий: сапожники, кузнецы, каменщики, портные, плотники. А спустя каких-то десять лет дворов уже 800, число ремесленников выросло почти в полтора раза, и если прежде среди них больше всего было сапожников и кузнецов, на первые роли вышли плотники и каменщики — люди, без кого никакая стройка не сложится. Но больше всех в Суздале в те годы было огородников — овощи выращивали три четверти горожан. И занятие это, как мы теперь знаем, было на века.

Некоторые письменные свидетельства дошли до нас анонимными. Вот писал современник о том, что наблюдал вокруг, а самого автора имя не сохранилось. Один из таких доморожденных летописцев свидетельствовал в XVIII веке: «Суздальское купечество богатством средственно, а больше убого», а далее рассказывал о том, что часть купцов торговала съестными припасами, да еще зарабатывала на перепродаже привезенных из Москвы товаров, а многие и торговлей заработать не могли, из-за чего кормились со своих огородов, а уж если недород, — нанимались работать на своих более удачливых земляков. Кстати, как следует из книг того же XVIII века, в ту пору в Суздале проживало 4500 человек, и более трети из них числились купцами. Оттого и убогость купеческого сословия, видимо, была: коль купцов-продавцов так много, так покупателей получается нехватка.

Протекала вечности рекою суздальская жизнь, накапливались и сохранялись свидетельства о событиях той жизни, и не могло такого не случиться, чтобы в какой-то момент не нашелся человек, который замыслил собрать воедино все, что было о Суздале известно. Имя ему — Анания Фёдоров. Он был священником, ключарем самого древнего, появившегося еще в домонгольскую эпоху, и самого главного в Суздале Богородице-Рождественского собора, и в середине XVIII века за несколько лет создал состоявшийся из трех частей труд «Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале, о построении его, и о бывшем в нем великом княжении, и о прочем к тому потребном, ради любопытных собранное из различных показаний вкратце». Фёдоров собрал сведения о Суздале из всех доступных ему источников, накопившиеся за века — это и летописи, и писцовые книги, и княжеские грамоты, — и благодаря этому стал первым суздальским краеведом и одним из первых во всей России.

Труд был рукописный, но вызывал такой интерес у современников, что фёдоровское «Историческое собрание» переписывали от руки. Такие списки хранились и в монастырях, и у частных лиц, а в 1825 году два экземпляра были доставлены в Санкт-Петербург — в библиотеку Императорской академии наук и в собрание высокопоставленного государственного деятеля и страстного коллекционера графа Н.П.Румянцева, на основе коллекции которого был создан знаменитый Румянцевский музей.

В фёдоровской рукописи речь шла не только об исторических событиях и о князьях, но и о жизни земляков автора, городских обывателей. Вот что писал, например, Фёдоров: «Во граде Суждале, по доброте земли и по приятности воздуха, паче ныне имеются овощия огородного, си есть: капусты, луку, хрену, чесноку, а наипаче огурцов преизобильно, и сверх своей потребы многие ближние места довольствуются, також и прочих овощей родится преизобильно ж, к тому ж и сады имеются немалые яблонные, паче же вишневые, и ныне вишен множество родится, и добротой лучше владимирских, и от преизобилия и доброты в царствующем великом

граде Москве и в прочих знатных местах в славе не последняя, и от того обыватели получают себе немалое приобретение».

Все это позволяет современным исследователям причислять «Историческое собрание» к самым ценным источникам информации по истории древнего Суздаля. И неспроста, когда труд Фёдорова отдельной книгой в 2012 году издавал Владимиро-Суздальский музей-заповедник, бывшая в ту пору его генеральным директором Светлана Евгеньевна Мельникова так сказала об авторе: «Его сочинение о Суздале есть энциклопедический свод всех сведений, оказавшихся доступными автору XVIII века. В его труде описано все, что имеет хотя бы малейшее отношение к Суздалю: святители и правители, легенды и предания, творения человеческих рук и мир нерукотворный».

До 1917 года выходили все новые и новые книги, посвященные истории города и его архитектурным достопримечательностям.

Владимирская губернская ученая архивная комиссия, основанная в 1898 году с целью (среди прочих) изучения и описания памятников древности Владимирского края, выпустила 18 томов собранных материалов; один из томов, изданный в 1912 году, был целиком посвящен Суздалю и назывался «Суздаль и его достопамятности». Повод для издания был весьма значительный. В том году исполнилось 300 лет со времени изгнания из Москвы поляков, а возглавлял народное ополчение князь Дмитрий Михайлович Пожарский, который позднее упокоился в Суздале, в Спасо-Евфимиевом монастыре, почитаемом из поколения в поколение родом Пожарских. «В настоящее время это тихий и незначительный городок, не имеющий ни промышленного, ни торгового значения, но далеко известный своею исторической стариной», — говорилось в книге. Там были и история города, и описание его достопримечательностей, и даже фотографии, чего прежде в изданиях о Суздале практически не встречалось. Когда листаешь страницы этой книги, вдруг понимаешь, что держишь в руках настоящий путеводитель — они и сегодня имеют схожее содержание.

И вот как в упомянутой книге описывали Суздаль той поры: «Когда вы приближаетесь к Суздалю с какой бы то ни было стороны, пред вами открывается красивая панорама: на плоской равнине высятся десятки храмов и колоколен разнообразных изяшных очертаний. Если вы подъезжаете в праздничный день утром или вечером пред началом богослужения, то с этих колоколен несутся могучие звуки церковного благовеста, напоминающие в миниатюре московский звон. Создается иллюзия, что перед вами большой и сильно населенный город. Но эта иллюзия быстро исчезает, когда вы будете в самом городе, увидите вблизи и посетите эти храмы. В Суздале кроме кремля, собственно, одна улица с небольшими разветвлениями в стороны; в нем больше пустырей, садов и огородов, и храмы Божии стоят нередко среди этих пустырей, а в самих храмах вы увидите незначительные кучки богомольцев. Очевидно, когда-то была более бойкая жизнь, нужны были эти храмы, а теперь они говорят больше о минувшем». И далее сообщается о том, что в Суздале насчитывается около восьми тысяч жителей, главным занятием которых является огородничество.

Подтверждение такого состояния Суздаля на рубеже XIX — XX веков, когда архитектурные памятники древности располагались в тихом, словно заснувшем на века городке, мы встречаем и в других книгах.

В ту пору аристократы Российской империи уже всюду путешествовали по стране не только по служебным делам, но и из любопытства посещали самые интересные ее уголки — они были туристами, если использовать термины сегодняшнего дня. И благодаря этим путешественникам развивался такой жанр, как путевые заметки. Приехал, увидел, написал.

В 1880 году из Москвы в Суздаль отправился граф Сергей Дмитриевич Шереметев, один из богатейших людей России. Это ему принадлежали прославленные и сегодня усадьбы Кусково и Остафьево. Граф был увлечен русской историей, состоял в Императорском Русском историческом обществе и Императорском Русском

географическом обществе. В поездке С.Д.Шереметева сопровождала компания столь же высокородных спутников. Позднее граф написал книгу «Суздаль. Путевые заметки».

О своих ожиданиях встречи с городом С.Д.Шереметев вспоминал так: «Мало посещаемый, полузабытый, он представлялся нашему воображению чем-то таинственным и необыкновенно притягательным». То есть слава Суздаля к тому времени осталась где-то в далеком прошлом, и поездка туда представлялась чем-то из ряда вон выходящим, сродни приключению или даже маленькому подвигу — весьма бессмысленному, по мнению многих в те годы. С.Д.Шереметев отметил в своей книге, что, если в светском обществе какой-то человек заговорит о поездке в Суздаль, на такого оригинала посмотрят с недоумением и жалостью. Вот что такое был Суздаль на рубеже веков.

С.Д.Шереметев побывал в Суздале ранее, за тридцать лет до выхода книги «Суздаль и его достопамятности», но обратите внимание на то, как впечатления графа совпали с впечатлениями владимирских архивистов.

«Уже начало смеркаться, — повествовал граф, — когда неожиданно на горизонте показалась колокольня, за нею другая, третья, церкви с многочисленными главами, монастырские стены с башнями, и нет конца этим колокольням и церквям. “Это Суздаль”, — говорит ящик. В недоумении глядели мы на этот город: с множеством церквей — он казался действительно стольным городом.

Подобно тому, как в пустыне представляются и встают города с великолепными, причудливыми зданиями и садами, но все это марево и все исчезает вблизи, так и теперь, по мере приближения, глазам нашим представилась странная картина: города нет.

Вы видите деревню с незатейливыми маленькими домиками, с кривыми узкими улицами <...> дома разбросаны случайно <...> Тут же, в этой деревне и вокруг нее, повсюду церкви и монастыри, а около них пустыри и поля. Старого города, конечно, и в помине нет, но по обилию церквей можно судить о прежнем его величии».

Поразила заезжих аристократов и местная гостиница — граф писал, что «ничего подобного по неудобству и грязи себе представить нельзя».

Но все в одночасье изменилось на следующий день, когда гости Суздаля отправились изучать монастыри и храмы. Величие древних святынь покорило сердца уже многое повидавших к тому времени путешественников. «Глаза разбегались от множества драгоценных и разнообразных памятников», — признавался С.Д.Шереметев.

Летописи нового времени

Если обратиться к каталогу Российской государственной библиотеки, самой большой в нашей стране и одной из крупнейших в мире, там отыщутся тысячи изданий, посвященных Суздалю, его истории и архитектурным памятникам. Здесь и научные монографии, и путеводители, и сборники статей, и диссертации, и карты и схемы города. Большая их часть напечатана в XX веке. То был расцвет литературы о Суздале. В ту пору началось внимательное изучение суздальских памятников архитектуры и истории города.

Долгие годы Алексей Дмитриевич Варганов, работавший директором музея, обследовал местные достопримечательности, участвовал в археологических раскопках, реставрировал древние памятники, работал в архивах, сделал ряд важных открытий. Это под его руководством был отреставрирован древний Богородице-Рождественский собор и восстановлена замечательная Крестовая палата Архиерейского дома суздальского кремля.

А какие открытия сделал А.Д.Варганов! Вот только одно из них. В Суздале жила когда-то насильно постриженная в монахини Соломония Сабурова, жена московского

Александр Чанцев

За

Серия наших публикаций продолжается встречей с книгами Эрнста Юнгера, настоящего, даже не нужно уже доказательств, пророка в том, что касается развития нашей цивилизации и ее явных и тайных токов. Позднесоветского религиозного философа и математика Виктора Тростникова, выступавшего борцом с пророками мнимыми и созданной ими картиной мира, в своем тотальном рационализме и материализме вытесняющей то, что эту картину, да и мир, могло бы оживить. И Аркадия Ровнера, алхимика и популяризатора тех имен, от Гурджиева до Генона, без которых, кажется, всё же не обойтись.

Здесь Венатор начинает свои эксперименты. Он живет в ту эпоху, когда материализм, как на то надеялись теологи, ещё не разрушил сам себя, а стал более одухотворенным и глубоким. Атомы воспринимаются не как материальные частицы, а как духовные единицы. Это восходит к индуистским представлениям и Лейбницу.

Эрнст Юнгер. Метафизика и сны

На вахте будущего и изначального

Эрнст ЮНГЕР. Перед стеной времени / Пер. с нем. М.Николенко. — М.: АСТ, 2024. 320 с.

«Любые соображения относительно будущего, какими бы запутанными тропами они ни шли, неизменно возвращают нас к центру трагического ландшафта — туда, где пересекаются прямые и окольные пути, к обелиску, который, как сказал бы Клаузевиц, указывает местонахождение военачальника. Он, военачальник, вне зависимости от того, победа ли его ждет или поражение, не может не быть человеком, который если не в полной мере обладает свободой воли, то по крайней мере в полной мере ее осознает».

Про будущее Юнгер, как и Боуи, зачастую знает гораздо больше, чем само это будущее. Вот он, думаешь, настоящий попаданец из фантастических романов.

И если в прозе Юнгер заумен, в философии публицистичен, то в эссеистике и дневниковости — гениален. Мысль, вырывающаяся из диктата современности в прогностическое будущее, как и ум, создающий собственное мышление, не могут не быть свободны до конца и края.

«Перед стеной времени» (1959 г.) — как раз на грани жанров: большое эссе, вроде «Мира» и «Ухода в Лес», где философский тракт(ат), то есть мысль, льется в свободной форме.

Если совсем кратко, книга эта о тех настоящем, будущем (точно уже нашем настоящем), что нужно преодолеть, кардинально поменять подходы к ним, иначе — по future.

Так каковы они, эти тенденции настоящего, что так пугали пророка Юнгера и ужасают уже нас, обычных людей? Нелицеприятны они, мягко говоря.

Книга, посвященная формально астрологии (!) и, конечно же, ещё очень многим вещам — природе, технике, проблеме энергии (привет Бибахину!), росту населения, цикличности истории и так далее, — позволяет Юнгеру поговорить о различных аспектах жизни, упершейся в стену нашего времени.

Например. «Нынешний темп увеличения населения планеты опасен тем, что мы и к людям начнем относиться так же. Рост цифр сопровождается распространяющимся однообразием, а это, в свою очередь, располагает к абстрактному восприятию человечества как некоего механического или зоологического единства. Наша включенность в коллективную судьбу и степень ее неизбежности обуславливает одну из сложнейших проблем сегодняшнего дня. Большую катастрофу, подобную сталинградской, предсказать легче, чем судьбы отдельных людей, которых она коснулась». «То, что сегодня герой исчезает не только из искусства, но и из массового сознания, объясняется, вопреки мнению многих, не повсеместным внедрением машинной техники, а истощением историотворящей силы. С ним же связано исчезновение имен, индивидуальностей. Производительность труда может остаться прежней или даже возрасти, однако выразиться она будет в иных отношениях — например, в направленности работы на рекорд. Измеряются другие силы; повсюду, как в спортивном соревновании, человек не воспринимается как противник, а противник — как человек». Об этом мне уже приходилось не раз писать — как и для очень богатых людей важен уже порядок абстрактных цифр на банковском счете, так и предприятия, корпорации и правительства давно уже нацелены не на какую-либо конкретную цель, но на абстрактный — и бесконечный, то есть вообще лишенный цели — рост процентов прибыли. И разве не справедливо это, как и следующее высказывание, точно о современных гаджетах? «Восторг, с каким люди встречают технические новшества, сравним с изумлением дикаря, которому вдруг показали зеркало, часы или огнестрельное оружие — предметы, вызывающие у него то восхищение, то ужас. Он становится рабом удивительных вещей, готовым отдать за них и свои украшения, и плоды родной земли». Вспомним карго-культ iPhone^{a1}, ради которого какой-то подросток в Азии, если верить новостям, жертвовал почкой — «компенсированы были лишь жертвы, принесенные за счет индивидуальности, свободы, крови. За это люди получили новый мир, первоначально имевший форму схемы, затем строительной временки, затем здания, растущего на глазах».

Закончить с примерами о частных пророчествах можно на примере того, что Юнгер предупреждал и о ковиде и прочих эпидемиях, которыми нас сейчас пугают, когда писал о том, как на Востоке, в его догоняющем Запад развитии, стали зачастую неосмотрительно обходиться с технологиями — в каких снах привиделась ему лаборатория в Ухани? «Запад развил множество наук и способен даже сущую мелочь поставить на научную основу. И все же науки счастья он не создал». «Замещающая тех, кого в нашем мире нет, усердно лицедействуют певцы и актеры; пестреют маски героев и демонов, из-под которых просвечивают физиономии, лишенные всякой выразительности».

«...Гоголь представил Россию как тройку, несущуюся во весь опор к неизвестной цели. Наше нынешнее движение я скорее сравнил бы с полетом пули, которая прорезает пространство. Кем она выпущена? Кому суждено ее остановить? Трудно, почти невозможно ориентироваться там, где нет ни берегов, ни середины».

И Юнгер бы не был Юнгером, если бы очень тактично, как подбрасывают собеседнику собственную мысль для оглашения им ее, не подводил к некоторым

определенным предположениям, почему всё это так. Прежде всего, человек в своем сломя-голову-развитии отпал от примордиальных основ, а это чревато. «Поэзия — одно из проявлений избытка, присущего золотому веку. Там, где хотя бы раз зашла речь об экономии, начинается угасание. Там, где экономическое мышление возобладало, угасание торжествует. Это значит, что поэзия, наряду с другими щедротами, иссякает». «Сегодня человек способен менять распорядок своей жизни. Он отказывает Земле, Солнцу и Луне в их правах, повсеместно используя свои умения в качестве противодействия силам природы и космоса, которые, однако, не думают отступаться. Не платя им положенной дани, человечество может навлечь на себя беду — тому есть многочисленные подтверждения. Если день сравнивается с ночью, а различия в климате минимизируются, возникнут существенные благотворные перемены как в производительности труда, так и в отдыхе. Однако негативные последствия проявятся ещё сильнее. Искусственное выравнивание природных ритмов не ослабит власти судьбы. Напротив. Нам придется строить все более высокие плотины. Выиграв в малом, мы заплатим по большому счету. Масштаб бедствий будет расти».

Но в крайних бедствиях — и толика надежды. «И всё же то настроение, которое царит сегодня, — это не только страх, предшествующий концу, но и беспокойство, характерное для времени великого прорыва. Одно и другое — тень и свет поворотного момента. С этой точки зрения, закат мира не вселяет ужаса; более того, он перестает быть безысходным, он знает свое место. Там, где усматривается смысл, возможно принесение жертв».

Предлагается и рецепт. И он двояк. С одной стороны, Юнгер совпадает с другими мыслителями — умными и зрячими, что ж, они всегда найдут общий язык. Например, некоторые его мысли корреспондируют чуть ли не с идеями Николая Фёдорова и иных космистов (кстати, знал ли их читавший буквально всё и любивший русскую литературу Юнгер?) и мыслителей этой линии, вплоть до Тейяра де Шардена: «Человек как духовное существо представляет скрытую в материи потенцию в чистом виде, связывает ее и вплетает в мировой стиль, действуя наподобие художника или ремесленника. Одухотворение как сила Земли охватывает человечество и приобщает к себе, просвечивая сквозь него и все им создаваемое, словно сквозь кружево. В этом случае материя в своей глубочайшей форме, в форме прапочвы², овладевает человеком как своим рабочим, заставляет его служить одухотворению мира. Монады вселенского и человеческого ума сливаются в гармонии. Мир как духовное творение, включающее в себя, кроме прочего, чистый аспект, ответит человеку глубочайшим эхо...»³

Где-то же он торит собственные дороги, поворачивает на нехоженые горные ницшеанские тропки. «Подлинная трудность заключается не в получении данных, а в их оценке. В частности, мы слишком мало знаем о роли событий. В наших сновидениях она ощущается отчетливее». И, к слову, именно в этом аспекте Юнгеру интересна астрология⁴ — как знание, перпендикулярное или параллельное общепринятому, такой взгляд со стороны, с иного ракурса-угла.

Но не будем забегать вперед. Там, где Юнгера можно сопоставить с известными традиционными посылами, он утверждает, например, забытую роль религии: «Комфортность нередко только усиливает опасность, подобно тому как хроническое заболевание порой серьезнее острого. <...> Даже если принимать в расчет катастрофы, не связанные с войной, то можно заметить, что с развитием техники их масштаб только возрастает. Отсюда проистекает все более глубокий пессимизм в отношении самой формы планирования, которая сложилась в нашем мире. Возникает вопрос: как сделать ткань человеческих взглядов и замыслов более прочной? Можно ли укрепить ее и чем-нибудь заслонить от судьбы? Такова, несомненно, задача религии. Поэтому любой благоразумный человек, даже отрицающий свою связь с религией, поддержит ее в великом конфликте — там, где она сталкивается с атеистическим рационализмом плана и в полной мере ощущает его заносчивость». И речь здесь, как становится

понятно, совершенно точно не о конкретных верованиях и даже не о религии в целом. Речь — о необходимости изменений подходов (и если оные ассоциируются в общественном сознании прежде всего с религиозным, то и ок). «В данном случае она состоит в пробуждении некоей силы, поначалу неясной, которая будет противодействовать Левиафану, проистекая не из либерального индивидуализма, но из совершенно другого источника. Этот знак указывает на нечто большее, чем перемена стиля. Он предвещает перемену климата».

«Прежде всего это означает отсутствие государства, фундамент которого был заложен героями. Когда человек превратился в общественное, государствообразующее существо, не отклонился ли он от траектории своего развития, не стал ли побочной ветвью себя изначального, отрезав себе путь к совершенству, гению и счастью, воспринимаемым не как нечто фрагментарное, но как стабильное состояние?» В этом новом — или старом — мире важен миф, опять же не столько сам по себе, сколько в качестве «другого начала» (и ещё один поклон Библии!), некая отсылка к тем основаниям и практикам, которые, во всяком случае, некогда гармонично работали, в отличие от нынешнего хаоса: «Без мифических сил как таковых исторический мир обходиться не способен. Ни государство, ни общество не может следовать только политическому плану, вне зависимости от того, преподносится ли он как государственные соображения или как общественный порядок. <...> В историческом времени мифическое не перестает быть действительным (как бронза не выходит из употребления в железный век). <...> Мифическая картина мира продолжает существовать, и если попытаться пренебречь ею или вытеснить ее, то она выйдет из берегов и обрушит плотину. Миф следует оберегать внутри культуры — без этого культура невозможна. Он должен иметь собственное место в историческом пространстве, собственный цикл в историческом времени. Ни одно из этих условий не соблюдается в атеистическом государстве, которое, таким образом, свергло не только Бога».

Нужно, как бы сказать, изменить калибровку — уменьшить зашкаливающее рациональное и вернуть тумблер духовного на место: «Истинный партнёр Земли не разум (Verstand), который сегодня особенно преуспевает в естественных науках, неизбежно превращаясь в опасное обоюдоострое оружие. Он лишь открывает ворота и держит фонарь. Истинный партнёр Земли — дух (Geist). С его точки зрения, растворение форм и связей вследствие деятельности разума означает лишь подготовку к духовному захвату новых пространств». «Лишь добравшись до самой глубины своей природы и собрав себя воедино (например, в том же юнгеровском Лесу. — А. Ч.), человек готов войти туда, где ему откроется будущее и где знание уже невозможно».

Демонстрируя новое, свободное от нынешних пагубных установок мышление, Юнгер в самой своей мысли демонстрирует, как та может быть действительно свободна, быть мыслью уже не вопреки, а значимо иной. Он показывает, как можно перевернуть мышление (совершить метаною), отказаться от всех более чем привычных и, казалось бы, комфортных (хотя «комфорт только усиливает опасность») конвенций — «то преимущество, которое золото получает перед остальными металлами, обосновать невозможно. Скорее нам удастся установить, что его высокая стоимость в глазах человечества базируется на предубеждении. В таком случае все сокровища, спрятанные в сейфах, значительно подешевеют. Цены на золото упадут до уровня, обусловленного его пользой для промышленности. Оно утратит то свойство, из-за которого люди ставили на карту жизнь и честь, отправлялись в далекие экспедиции, пускались в алхимические спекуляции». Предлагает отказаться от общепринятого как в материальных частностях, так и в обосновывающем их, генерализирующем мышлении. Утверждая, что «человек особенно нуждается в предсказаниях со ссылками на некие силы, находящиеся за пределами товарно-денежных отношений, вне круговорота повседневности», он ведет в области вне-знания: «...Знание в целом может двигаться не так, как предусмотрено планом, и при нашем нынешнем толчкообразном развитии

это особенно заметно. Сознание перестает определять общее направление, и детали проступают отчетливее. Следовательно, существует некая движущая сила, которая находится вне знания и в план не укладывается. Мы не в состоянии ее понять, не говоря уж о том, чтобы управлять ею. Наука ещё не распалась на части, но ее всю уже подняли, как корабль. Мы по-прежнему видим знакомые мерилы и предметы, однако перемена места придала им новый смысл». «В первую очередь это касается тех случаев, когда катастрофа неизбежна. Индивид не может оградить себя от нее, но может выйти из сферы близких чисел и статистики в сферу, где царит другой закон». «Она — свидетельство другой духовности, а не просто другого стиля мышления. Ее взгляд на мир существенно отличается от научного наблюдения; благодаря ей пробуждаются давно бездействующие силы».

И в этом Юнгер напоминает мне, да простится это глубоко ассоциативное сравнение, Роберта Чамберса. Весьма плодовитый (стабильно выпускал по две книги в год), разножанровый и вообще разноплановый, он не был писателем мистическим. Но не зря на него обратил внимание великий и ужасный Лавкрафт, написав о «Короле в Жёлтом»⁵, что «Чамберс достигает высот космического ужаса». И действительно, посреди обычного, традиционного и довольно бойкого нарратива то человек падает в другое столетие (опять у нас тема попаданцев!), то работает сторожем ближайшей церкви мёртвый (и в будничной потасовке с ним у драчуна останется в кулаке отвалившийся палец последнего), то странными кошачьими путями происходит встреча с мёртвыми, то просто сны и предчувствия определяют жизнь героев больше и жестче, чем обычное рэцио. Чамберс будто чувствует сквознячки жуткого и чарующего (пропорции тут разные, иногда весьма романтические) из потустороннего мира, единственный из всех видит тени зловещих или же милосердных демиургов. Что-то же точно есть, вот вдруг напряглась дотолле мирно лежавшая кошка, шерсть поднялась на ее загривке, и она испуганно-зло шипит на пустой угол, тревожится, пытается донести весть на напрочь чуждых ее хозяевам кодировках. Сейсмические потрескивания в тонком плане. Чамберс — даже и не всегда рефлексиирующий (а можно ли осмыслить тот мир, иные законы?), но крайне чуткий барометр. В этом смысле, Юнгер всю свою мафусаилову жизнь протирал окуляры и оттачивал зрение, вглядываясь в новые тонкие связи мира.

«Человеческий дух несет вахту у шлагбаума. Уже этим он меняет то, чему позволяет войти, хотя и не может распоряжаться этим по собственному усмотрению. Боль, конечно, остается своеобразной пошпиной».

Наука невидимого

Виктор ТРОСТНИКОВ. Мысли перед рассветом. Научна ли научная картина мира? — СПб.: Алетейя, 2024. 582 с.

Я бы сказал, что способность людей соглашаться по неочевидным фактам — относительно вещей и событий, удаленных от них во времени и пространстве, — выросла с практически нулевого уровня до вполне приличного во время научной революции.

Нил Стивенсон. «Падение, или Додж в аду»

При определенном угле зрения книгу эту можно отнести в тот же раздел теорий еретических, что и работы Даниила Андреева или даже Фоменко и Носовского, забыть там под пудом пыли и горстью насмешек. Гораздо продуктивнее, как мне представляется, такой взгляд на этот труд, подвергающий сомнению всю сциентическую парадигму,

что допускает высказывание как минимум адвоката дьявола, — лишняя проверка, как и дискуссия, не повредит даже по самым основополагающим вопросам. Да и основы могли быть совершенно другими, чем нам казалось: та же земля свалилась с китов/слонов (споры даже здесь!) и не сразу начала вращаться вокруг солнца.

(Протопил на осенней даче печку. Проснулась от спячки муха. Летает, бьется об окно, норовит сесть на руки и лицо, опять летит и жужжит. Надо помнить, что наше понимание мира равно (или даже меньше — минус инстинкт) представлениям этой мухи. И столь же назойливы для этого мира.)

Виктор Тростников (1928—2017) родился в Москве, в семье с католическими голландскими корнями. В эвакуации, что любопытно, работал со своей паскалевской фамилией на сахарном заводе, затем был мобилизован слесарем на завод. Закончив физмат МГУ и получив звание доцента на кафедре высшей математики, преподавал в МИФИ, МИСИ, МХТИ, МИИТ и других вузах и одновременно вел математический кружок для школьников. Кандидатскую защитил по философии. Научная карьера закончилась, когда он издал — а ещё дружил с Высоцким и Аксёновым — в 1979 году в «Метрополе» отрывки из своих дневников. В 1980-м в Париже в YMCA-PRESS вышли написанные в 1978 году «Мысли перед рассветом» — любая научная или преподавательская деятельность перед православным философом закрылась железной, ещё до распространения оных в нашей стране, дверью. Работать, по классике жанра, приходилось сторожем, каменщиком, чернорабочим (промоушен до прораба). Признание пришло в 90-х, как пишет в своем послесловии редактор книги В.А.Ткаченко-Гильдебрандт, когда Виктор Тростников, «став профессором Российского православного университета, опубликовал несколько сотен статей по богословию, философии, истории и политике в журналах «Новый Мир», «Москва», «Молодая гвардия», «Православная беседа», «Литературная учёба», «Русский Дом», «Энергополис», еженедельнике «Аргументы и факты», газетах «Завтра», «Правда», «Литературная газета» и других печатных СМИ». Тогда и оказался немного востребован в узких кругах московского «эзотерического подполья» — в том же послесловии описывается замечательное совершенно по блеску имен сборище на квартире историка Андрея Николаевича Зелинского, ученика Льва Николаевича Гумилёва, ради встречи с незаконнорождённым сыном Гумилёва от актрисы театра Мейерхольда Ольги Высотской, где присутствует вдова Даниила Андреева Алла Александровна, а также Николай Браун, Валерия Нарбикова и Константин Кедров, а позже заходят Джемаль с Дугиным и начинают рассказывать об интегральном традиционализме Генона⁶, о котором никто не слышал и слышать по понятным причинам не мог...

Сам же Тростников продолжал до самой смерти писать книги, развивая в основном мысль из «Мыслей», но их, в принципе, не превзошел.

Хотя есть у него и другие любопытные концепты. Так, в работе «Трактат о любви. Духовные таинства» (М.: Грифон, 2007) он призывает отказаться от бездумного и неограниченного деторождения ради истинно духовного человека (кончится род на земле — начнется на Небе). «Он получит новое имя, а тот, кто его родил, исчезнет из мира. Тут уже нет никакой дурной бесконечности, тут возник смысл и цель». По одному этому можно судить о том, насколько свободным мыслителем являлся Тростников — воспринимаемый всеми как православный философ, сам он ощущал, как и Даниил Андреев, христианство не как застывшую догму, а как то, что призывает к совместной работе, развитию, большим метаморфозам и, конечно, к свободе мысли обо всём этом.

О рецепции его работ или ином признании говорить, очевидно, вряд ли возможно (то, что в приложении к этой книге опубликована пьеса Ирины Соловей «Антидот» по его трактату, стоит отнести скорее к разряду исключений).

Книга, возникшая, возможно, на волне качнувшегося после многих десятилетий диктата социалистического материализма интереса, жажды к духовным поискам

того поколения (мода на воцерковленность, ещё через десятилетие, в 80-е, издания и показ по всем центральным СМИ всей нужной и ненужной эзотерики, теософии, мистики и прочей и прочей паранормальности), не только относится к кодексам потаенной позднесоветской философии, но и в оном, непубличном уж точно, качестве существует и до сих пор.

О чем же эта книга? Если не о теории заговора, то о теории пагубных интерпретаций. Она — о той «нетривиальности бытия, которую человеческое сознание способно лишь оценить, но не придумать». Ведь «видимый мир является бледным и неполным отражением более содержательного невидимого мира» («Второй не устаревший момент книги — трактовка квантовой теории как обнаружение стоящего за миром явлений мира сущностей.»).

Тростников — и оценивает. И, в предисловии к очередному изданию, пишет, что в книге им «ясно намечен следующий путь: показывать, что в тех вопросах, где наука противоречит истинам веры, она либо что-то недопонимает, либо намеренно лжет и таким образом является лженаукой. Иными словами, при явных конфликтах между знанием, добытым учеными, и знанием, данным человечеству путем Откровения, надо встать на сторону Откровения и искать в научном построении ошибку. Такой подход строго выдержан в моей книге, где много места отведено разоблачению псевдонаучных теорий вроде дарвинизма, и тут она не потеряла ценности, так как этот подход правилен».

Как и Юнгер, Тростников имеет смелость утверждать, что религия в наши дни оказывается вытеснена всевластной наукой, ее всё оправдывающими лозунгами и устремлениями: «Хотите осуществить любое привлекающее вас чем-либо предприятие? Сумейте обосновать его интересами науки (как это делали остроумные люди, которым очень хотелось переплыть океан на лодке или на плоту) — и поддержка будет обеспечена. Религия же в наши дни выглядит как нечто не совсем приличное, как остаточное явление веков невежества и суеверий. Ученый сколько ему угодно может поносить религию, но ни один священник не осмелится сейчас ругать науку. Но ведь так было не всегда, когда-то наука и вера находились в обратном соотношении. Значит, был хотя бы условный рубеж, после которого это соотношение изменилось». Тростников, с фонарем Диогена⁷ в руках, ведет к нему за собой читателя.

Точка отсчета определена довольно точно: «Разгадка может лежать только в одном: то представление о науке как виде деятельности, которое сложилось и распространилось уже значительно позже семнадцатого века, когда этот вид деятельности обрел специфику и сделался важным фактором человеческой жизни, пристально изучаемым историками, в основных чертах совпало с представлением о науке Бэкона». Бэкон утвердил примат научного знания, отринул все прочие способы познания, заведомо сузил картину миру. Всё дальнейшее развитие науки и, шире, мировидения пошло по этой узкой дороге. И привело к пагубным последствиям. Так, опять же как Юнгер, Тростников пишет, что в этом корень потребительского, уничтожающего отношения человека к природе (плоды чего мы в полной мере, заметим, начали пожинать уже в Новейшее время): «...Историк философии Куно Фишер не ошибался, когда писал, что у Бэкона изобретательный человеческий ум “подчиняет природу своим целям⁸, основывает человеческое господство и возвышает до безграничности человеческую силу, восстанавливая ее против богов”». Здесь и — в чем причина и следствие, корень всех бед — происходит глобальное искажение картины мира.

(К вопросу о регистрах чтения — если книга мыслилась и читалась как духовный трактат, то сейчас бы, возможно, ее скорее восприняли как научпоп. Макиавелли и Фрейд, глубоко верующий «провидец в науке» Ньютон и «крикливый» Вольтер, Декарт и Наполеон, Лейбниц и Гегель, история математики, физики и биологии, трикстеры

и культурные герои, смех дьявола и даже «феномен шутливости зверей» — всё это подчинено главной идее, но занимает изрядное место на полотне книги.)

И Тростников разбирает «внутреннюю логику, ведущую от движения Возрождения к новой науке». Возрождение, апологиями которого полон любой учебник даже для самой средней школы, зачеркнуло все предыдущие наработки человечества, провозгласило их «средними» (между великой античностью и великим же Ренессансом) и «тёмными». Между тем — и это, отметим, мнение не только Тростникова, с ним согласятся и другие, уж мистики и Толкин точно — Средневековье было отнюдь не таким тёмным, там было представлено идущее как раз из древнего мира единство человека и мира, интуитивной веры и логического знания (что, можно экстраполировать, выражалось в том же искусстве, которое ещё многие века определяло последующее и которое помним и любим мы до сих пор). Исключительно же сухое, логическое (хотя есть ли здесь высшая логика?) знание сужает зрение, зачеркивает изрядную часть полотна мира (это знал и чувствовал Юнгер). «Но в нас заложено и другое влечение: к мистическому познанию, к тайне, к приобщению к чему-то, что превосходит наше скромное разумение и, может быть, полностью откроется нам лишь после того, как окончится наше брэнное существование здесь на земле, а пока лишь в редкие минуты нашего озарения или душевного подъема как бы намекает о своем таинственном присутствии около нас. Отрицать такое влечение — значит совершенно не знать людей. Эту сторону интуиции разума всегда учитывало христианское учение, да и любая другая религиозная космогония и этика, на ней было построено всё “отрицательное богословие”. Отлично знали об этой форме интуиции и авторы рассматриваемых нами методов, и именно перед ней они стремились захлопнуть дверь. Но если Бэкон делал это более или менее явно, то Декарт, похоже, не осознавал истинного смысла своей деятельности. В его собственной картине мира важное место занимает всемогущий и непознаваемый Бог, и Декарт даже дает развернутое доказательство его существования. Но свой метод Декарт как бы специально разработал для тех, кто отважился пойти дальше и создать идеологию, в которой уже не останется места Богу, неизбежно приводящему к “открытости”. Он всемерно облегчил работу этим своим преемникам, выдвинув картину “дуализма” — независимости духовных и материальных явлений, их параллельности и несмешиваемости. Приняв ее, можно было отслоить материальную компоненту мира от духовной и изучать ее совершенно самостоятельно — так, как бы ничего кроме нее не существовало. Декарт не просто начертал программу такого замкнутого в себе изучения материи, но создал аппарат, значение которого для реализации такой программы колоссально».

Бэкон (Тростников с позиций ученого утверждает, что собственно научных достижений за ним не находится), Брейгель (обоснования лучше прочесть самим, если кратко — слишком схематично тот изображает человека⁹) и другие оказываются ответственными за то, что «в пятнадцатом и шестнадцатом веках в Европе начало резко усиливаться новое, отличное от религиозного, мировосприятие, центральным пунктом которого было представление о вселенной и всех ее составных частях, включая человеческое общество и отдельных людей, как о механизме или автомате, как о машине, действующей по заданной программе. Это и была глубинная идеология Ренессанса <...> С тех пор европейцы уже не могли с ней расстаться, и хотя затем в нее влились и другие течения, эта идеология как раз и определила требования к нарождающемуся естествознанию и поставила пределы его притязаниям и проблематике». И пресловутый гуманизм Возрождения оказывается на поверку своей противоположностью — подлинный гуманизм, синкретическое единство с миром царило в примордиальные времена, ещё даже в Средневековье, ренессансная же «повестка» решительно отказалась от этого. И если слово «повестка» может показаться слишком современным, то вспомним, как на глазах меняется, нам меняют мировоззренческую парадигму ещё раз: в прошлом веке угнетаются одни народы

и расы — сейчас скорее они становятся угнетателями (BLM) и из меньшинства большинством (см. прогнозы по миграции и рождаемости), сексуальные же меньшинства активно стремятся, назначаются на роль генеральных акторов... В данном случае я ничего не утверждаю и ни к чему не призываю, лишь пытаюсь продемонстрировать, что окна Овертона действительно распахнуты, белое очень легко объявить чёрным, а потом на глазах послушных масс перекрасить ещё в несколько цветов. И, действительно, всегда надо помнить, держать в голове избитую до крови и синяков истину, что историю пишут победители, — хотя бы для более трезвого видения просто представлять, как мог бы выглядеть мир, сверни он на пару градусов левее или правее¹⁰. Вот и тут «идеология гуманизма победила, овладела миром, стала господствующей». «Чтобы ясно увидеть это, достаточно порвать с распространенным ложным пониманием термина “гуманизм”. Его обычно трактуют как “культ человека”. Но нетрудно увидеть, что для гуманизма существует только телесный, физический, физиологический человек. Духовная, нравственная, высшая сторона человеческого “я” им попросту игнорируется, а связанные с этой стороной проблемы добра и зла, бессмертия души, смысла существования и т.д. обходятся или, в лучшем случае, отдаются на откуп церкви. Гуманисты были формально правы, говоря, что они возвеличивают человека, поскольку они называли “человеком” только то, что в нем возвеличивали. Но тот, кто имеет более широкое представление о человеке, не должен повторять такие утверждения, а должен сказать более точно: гуманистическое движение, составляющее важную часть Ренессанса, прославило материальную половину человека, совершенно отвернувшись от духовной его половины. Этим объясняется и повышенный интерес к античности, характерный для Ренессанса: именно у языческих авторов древности можно было найти культ красоты тела, физической силы, ловкости и т.д. В рамках гуманизма человек рассматривался как очень сложная машина, которую интересно было изучить, понять и изобразить с такой же точностью, с какой делают чертежи механизмов¹¹. У художников возник интерес к анатомии, они стали изображать людей “похоже”, Леонардо да Винчи, которого наряду с Макиавелли можно назвать олицетворением Ренессанса, всю жизнь бился над изобретением, проектированием и испытаниями бесчисленных механизмов, постоянно имея в сознании главную цель: проникнуть в секрет устройства “человеческого механизма”».

Взгляд же этот отличается как минимум большой зашоренностью, он заведомо обеднен. Как сказано в уже упомянутой пьесе по мотивам трактата Тростникова — хотя речь и идет скорее о теории эволюции Дарвина, которую Тростников обсуждает на многих страницах, — «научная доктрина целиком материалистична. На протяжении ста пятидесяти лет людям с детства внушают этот взгляд на мир и используют для этого научные открытия. И в первую очередь речь идет о происхождении жизни и человека. Не важно, что нет абсолютно никаких оснований полагать, что человек произошел от обезьяны. Важно, что человек — это животное. А такая установка радикально меняет самосознание человека. Исчезает красота, любовь, смысл».

Чем черт не шутит, вполне возможно, что корни нынешних тенденций заложены именно там. Которые, кроме паразитического отношения к природе, ответственны за многие бедствия. Например, за то, что даже не тоталитарные, но и считающиеся демократическими (разница тут, конечно, только в названиях¹²) государства полностью подавляют индивида. Разбирая «Левиафан» Гоббса, Тростников пишет: «Важнейшим достоинством этого государства является его незыблемость — оно может существовать вечно. Чтобы достичь такого идеала, необходимо основать государство на строго централизованной сильной власти, подвергающей всё цензуре — даже мнения граждан. Создание такого государства — объективная необходимость, вытекающая из свойств человека: “Пока люди живут без общей власти, держащей их всех в страхе, они находятся в состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех

против всех”. Если характеризовать гоббсовское представление о человеке очень кратко, то больше всего хочется сказать, что это представление о злом и агрессивном животном; но слово “злое” в философии Гоббса лишено смысла, поскольку выражает некоторое моральное осуждение, а мораль, по Гоббсу, относительна <...> Короче говоря, у Гоббса Бог почти упразднен». Как Юнгер проповедовал дорогу в Лес для тех мыслящих индивидов, кто магистральным автобанам под прицелом камер слежения предпочитали Holzwege, лесные тропки, мы говорили уже не раз.

Из ещё аналогий с современностью можно вспомнить, что — сам выпускник физмата — Тростников пишет о ведущей роли физики и биологии, которые подмяли все остальные науки в наши дни. И действительно, генетика, эксперименты с геномом человека и индивидуальной генетической корректировкой человеческих болезней сейчас признаны ведущими направлениями, на них возлагаются самые главные надежды. Не будем приводить все споры противников и сторонников геной инженерии, они известны и объёмны, как те же споры дарвинистов и креационистов, но пример ковида, «сбежавшего» из лаборатории, где проводились такие же эксперименты, не уходит из памяти. Да и общая картина, которую Тростников понимал и предсказал почти полвека назад, у нас перед глазами: «И дело даже не в том, что нависла угроза над окружающей средой, и неизвестно, как ее устранить; что скоро кончится нефть (первый звонок уже был), и непонятно, как тогда быть со всеми автомобилями и реактивными самолетами; что не может бесконечно длиться противоестественное положение, когда рабочие вынуждают предпринимателей разрешать им производить товары, не приносящие прибыли, а реклама, пользуясь современными достижениями экспериментальной психологии, искусственно создает у людей потребности, чтобы производству было, что удовлетворять. Дело и не в том, что двадцатый век не выполнил ни одного обещания об урегулировании национальных и общественных конфликтов и что эти конфликты стали много резче и ожесточеннее, чем в прошлом столетии. Главное состоит в том, что стало тоскливо, бессмысленно, безрадостно, скучно жить на нашей планете, заваленной вещами. Главное в том, что каждый из нас уже не завидует поколению своих детей, а, глядя на них, со страхом спрашивает себя: успеют ли проскочить, не на них ли все кончится?»¹³

Тростников же чает науки будущего века. Как и апеллирующий к астрологии Юнгер, он выступает за конвенциональное расширение дискурсов: «Можно полагать, однако, что пальма первенства в недалеком время перейдет от физики вовсе не к биологии¹⁴, а к каким-нибудь из тех областей знания, которые по традиции именуется “гуманитарными” и которые в период фетишизации физики считались настолько отсталыми, что им нередко отказывали в праве быть включенными в состав науки. Дело в том, что как раз в этих дисциплинах сохранились ещё языковые средства, приспособленные для обсуждения проблем, относящихся к ненаблюдаемой онтологии. Откуда появились в них эти средства? Ключ к ответу дает название “гуманитарные”, подчеркивающее, что эти дисциплины имеют прямое отношение к познанию внутреннего мира человека. А этот мир целиком ненаблюдаем, что признается даже материалистами. Значит, по крайней мере, по формальным признакам он таков же, как и онтология, открытая физикой и ждущая своего признания и со стороны других наук. Не удивительно, что понятийный аппарат, выработанный “гуманитариями” в результате длительного изучения незримой данности, называемой “душой”, может оказаться очень ценным при исследовании ненаблюдаемой онтологии, имеющей объективный характер»¹⁵.

При этом, и это очень важно, Тростников не антисциентист (а его любят представлять таковым). Говоря, опять же как и Юнгер, о неправомерном занижении значения мифического¹⁶, шире древнего знания, он утверждает почти противоположное тому, что ему приписывают. Современная наука после долгих веков заблуждения и хождения по не тем дорогам, пришла сейчас к тому, что всю дорогу отрицала.

Последние научные достижения подтверждают дотолее его отрицаемое (от биологии до космологии, он приводит множество примеров). «Ясно, что крутой поворот в мировоззрении, предвестия которого можно заметить уже сейчас, снова поставит в центр внимания содержание космологического мифа. Живое осмысление величественного замысла мироздания и нашей собственной роли в его осуществлении, которое сменит вырождающееся в пустую игру естествознание, заставит нас в первую очередь поинтересоваться: а как же смотрели люди на мир и на себя прежде, т.е. до того, как распространился атеизм? Проснувшаяся после долгого летаргического сна духовная жажда толкнет нас к активности, и мы потянемся к таинственным заветам, которыми снобы из клуба материалистической науки высокомерно пренебрегали. И как только мы взглянем на эти заветы без искажающих очков, нам откроется нечто поразительное: они свидетельствуют в точности о том же, к чему против своей воли пришло естествознание в конце своего развития». Наука же и религия должны здесь работать не оппонентами, не друг против друга, а — вместе, ради одного, на — единое. Они призваны решать те фундаментальные вопросы человеческого бытия, что оказались на периферии, поскольку наука занималась лишь какой-то сиюминутной прагматикой, прикладными задачами без горизонта: «Когда вслед за физикой и другие науки откроют в своих областях ненаблюдаемую онтологию, управляющую явлениями, весть об этом выйдет за пределы узкого круга специалистов, погрязших в обсуждении технических вопросов и утративших вкус к осмысливанию по-настоящему важных вещей. Она станет доступной и тем людям, которых волнуют коренные проблемы миропорядка. И это будет поворотный пункт нашей цивилизации. Из глубочайших тайников человеческой личности, перед которой вдруг забрезжит надежда, что она не есть саморегулируемый автомат, как это внушалось с самого детства, а есть хранилище отблеска Мирового Духа, высвободятся вопросы, требующие незамедлительных ответов. Ничто не будет более важным, чем поиски этих ответов». И ненаблюдаемое станет частью экологического в широком, более высоком смысле соработничества человека с миром и всеми его энергиями и потенциами.

Выход за

Аркадий РОВНЕР. Конец прекрасной эпохи: Эссе и переписка с друзьями. — М.: Амрита-Русь, 2024. 320 с.

Об Аркадии Ровнере (1940—2019) можно говорить долго, на отдельную статью, книгу... Скажем только, что он был практикующим мистиком. Не с колбами и гомункулусами, конечно (хотя кто знает), а из тех, кто, как Головин и Джемаль, нёс в не очень широкие, конечно, массы, представления о чем-то большем. Для самого же поверхностного знакомства процитирую информацию на обложке книги: «Аркадий Ровнер сформировался в московском религиозно-мистическом, философском и литературном андерграунде 1960-х годов. Эмигрировал в США в 1973 г. и провел на Западе 20 лет. Изучал традиционные и современные духовные доктрины, восточно-христианское богословие, преподавал богословие, философию, психологию. Редактор двуязычного — на русском и английском языках — журнала “Гнозис” и “Антология Гнозиса” — своеобразного моста между литературой и изобразительным искусством России и США 1960—70-х годов».

И пусть тот посмертный характер сборника, когда собирают всё по сусекам, в данном случае старые статьи и переписку с друзьями, не пугает и не расхолаживает — упругих мыслей и густых смыслов тут будет много, от знаковых соображений по случаю до программных манифестов, суммы личной теологии.

Да и тем тут будет более чем. Очерк мировых религий в духе того же Джемала («Эрос и духовный алгоритм в современном мистицизме») и эскиз религии будущего, трезвый и прозорливый прогноз об опасности технологий (сейчас семимильные шаги прогресса ИИ подсвечивают его особенно зловещим светом) и очерк судеб теософии, антропологии и адептов гурджиевского Четвёртого пути («Только очень немногие способны создавать свой миф. П.Д.Успенский, Дж.Г.Беннетт и Родни Колин¹⁷ питались мифом Гурджиева и не были способны развить мифы»), свидетельство о деятелях «третьей культуры» и отдельный рассказ о Валерии Дунаевском, Илье Бокштейне, Леониде Черткове, Леониде Аронzone и Станиславе Красовицком, некоторый и весьма справедливый стеб над той поэзией, что пришла им на смену в постперестроечное время¹⁸, и постмодернистскими установками в целом, а также настоящие развернутые эссе о Геноне («Задача возвращения к утраченной универсальной Традиции была поставлена Геноном перед западной цивилизацией с категоричностью древних пророков, напоминавших пламенные обличения Исаяи и Иеремии»), Гурджиев¹⁹ и Вячеславе Иванове («...в 1905—1907 гг. Иванов определял духовный кризис европейской культуры как “кризис индивидуализма”, которому должна противостоять религиозная, “органичная эпоха”»). Или посвящает вообще Аркадий Ровнер страницы семантическому, синтаксическому и даже грамматическому (ошибки в русском языке) разбору основного трактата Гурджиева «Рассказы Вельзевула своему внуку» — и, разумеется, тому, чем глубинным всё это обосновано.

Отдельной линией цвета tubedo здесь будет очерк о мистическом подполье Советского Союза. И вот, кстати, точно общая черта всех людей этого круга — они не мусолили всю постжизнь старческие мемуары, а рассказывали по просьбе и по случаю, определенно в своих целях научения и были крайне живы до самых глубоких лет и конца (вспомним недавно умершего Игоря Дудинского). И если мемуары того же Джемала²⁰ веселы и трагифарсны, в духе Довлатова, то Ровнер — обязывает формат компактных журнальных публикаций и, кажется, очень четкое, схоластическое даже мышление — сух, точен и изящен²¹. Он констатирует, что в 60—70-е начался некий подпольный, элитарный, но важный процесс, «что-то важное случилось в России в эти годы». И пусть «существующие понятия “шизоидного мира” и “шизоидного движения”, на наш взгляд, характеризуют это явление» («даоизм, генонизм, христианство — такова картина русских 70-х годов»), пусть к претендующим на вхождение в эти узкие круги (например, если деятели самиздата были озабочены все же наиболее широким распространением идей из транслируемых книг, то здесь была настоящая элита, которой были свойственны антисамиздатовские практики — «наоборот, обладатели их больше всего озабочены, чтобы круг их читателей был узким, чтобы книги не попадали в руки людей безразличных, любопытных, безответственных») применялись инициационные техники, вроде имевших хождение в дзэнских монастырях или в Бойцовском клубе: «...Шоковые приемы с начинающими рассчитаны на отпугивание случайных попутчиков. Часто ученику ставятся невыполнимые условия, по видимости бессмысленные задачи. Имитируется стиль допросов КГБ и пьяных оскорблений» (прямо видишь радения-оргии в Южинском переулке). Да и те поиски в смутных метафизических землях Генона он рассматривает скорее скептически — «что же касается христианства, то в нем существует определенное понятие истинного и лжеименного гнозиса, и генонизм с его эзотерическим универсализмом, безусловно, подпадает под вторую категорию». Всё равно в те годы затеплился некий свет, а малое и слабое — как, например, убитый Сталиным Мандельштам по прошествии времени одержал над ним верх, он проводит эту мысль несколько раз в переписке, ободряя друзей по ней — победит большое и сильное.

И ещё прекрасная черта воспоминаний Ровнера — он не противопоставляет те времена нынешним убогим. А ведь мог бы, и легко, да. Ведь не зря даже дважды приводится ветхозаветная мудрость, призывающая: «Не говори: отчего нынешние

времена хуже прежних? — Потому что не от мудрости ты говоришь это». Но на современность Ровнер (а его корреспонденты, кстати, и не всегда) смотрит без розовых очков, не через мутное стекло (хотя и признается раз, что страдает от болезни глаз, врачи из Гельмгольца вынесли безнадежный приговор). «Действительно, мы живем в не совсем обычное время. Такого история не знала. Во всяком случае, трудно предложить какие-либо аналоги в истории как Запада, так и Востока. Мало сказать, что это время нелепое, нелогичное, дикое, пустое. Хуже: оно выхолощенное и бездарное. Бездарен беспощадный Сценарист и Постановщик нашего времени. Мы с ним давно друг друга не выносим. В его сценарии я — bad guy, а он в моем — злая бездарь (не путать со злым гением). Сценарий его состоит в добивании случайно уцелевших живых узлов западной культуры и в полной деконструкции нашей — а другой у нас, как известно, нет. И не то чтобы было мне очень жаль Петрарку и Проперция, Оригена и Евагрия, Парацельса и Баратынского. Снявши голову, по волосам не плачут. Судьба человечества в его сегодняшнем оскотиненном состоянии меня ещё меньше волнует. Противно, конечно, ездить в нью-йоркском сабвее, и московский транспорт тоже не малина». Тем более что сложилось всё ещё/уже не вчера и весьма цементирован(н)о: «Современная цивилизация, явившаяся итогом тысячелетнего развития народов Востока и Запада, Юга и Севера, сформировалась в интегрированную мировую систему, основанную на тотальной зависимости индивида от поработившего его общества и управляемую представителями сословия “худших”. Этот порядок, сложившийся после Второй мировой войны, гарантируется политической и экономической гегемонией ведущих стран Запада и их сателлитов во всех частях света», а бросают ему вызов лишь менее интегрированные страны, которые в свою очередь хотят потеснить их на вершине под солнцем, и радикальные сообщества. «Идеалы, которые провозглашает и которыми прикрывается наша эпоха, оказываются сплошь и рядом фейковыми с напрочь противоположным значением: «Для достижения подстановочного эффекта используются такие понятия, как “демократия”, “свободный мир”, “открытое общество”, “правозаконное общество” и т.п. При этом путем затенения и отвлечения внимания скрывается пугающий уровень политической, экономической, культурной, социальной и бытовой несвободы западного мира». И «какой выбор есть у современного человека? Он говорит: “я — француз”, или “я — госслужащий”, или “я — христианин”, или “я — пенсионер”, и тогда он уже не один, у него появляется группа единоверцев или единоплеменников. Государство одобряет такой его выбор, ибо для современного государства важно, чтобы человек выполнял несколько несложных функций, подтверждающих его лояльность, таких как участие в трудовой деятельности, как покупка товаров, таких как участие в выборном процессе, уплата налогов, участие в других несложных социальных процедурах. Государство, а точнее, система, которую сегодня возглавляют ведущие государства мира, больше ничего от такого человека и не требует. Разве что современный человек должен быть незаметным — это важная гарантия его благополучия». Инакомыслящие подавляются весьма успешно: «Методы борьбы с внутренним врагом достались сегодняшней системе почти что даром. Они были заимствованы у далекого и недавнего прошлого, и их не так уж много: выставление противника в смешном или жалком свете и превращение его в одиозную фигуру, упрощение и потом уничтожающая “критика” его и, наконец, превращение его в невидимку. При тотальном политико-экономическом контроле эти методы работают безупречно и осечек не дают». Те же, кто должен был бы бороться со всем этим, «сами хороши», так называемую интеллектуальную элиту характеризует «противоречивое соединение в сегодняшних интеллектуалах самоуверенности и кастрированности, осведомленности относительно артефактов культуры и непричастности к культуре. Отсюда и неэффективность выступлений интеллигенции против системы как таковой в тех редких случаях, когда она на это отваживается: сказывается привычка смотреть изнутри и растерянность, вызванная страхом перед

самостоятельным общением с артефактами культуры — самостоятельность в них атрофирована». Все это мы очень отчётливо видим сейчас (а для сугубых сторонников западных ценностей заметим, что Ровнер жил на Западе почти полвека да и любовью к Советскому Союзу никак не отличался)...

Но только за антизападной критикой, сколь бы фундированной, знающей и изысканной она ни была, не стоило бы обращаться к Ровнеру — в конце концов, всё это известно, от Генона и Эволы до Telegram-каналов и простой всем очевидности. Важнее гораздо другие аспекты его критики — и там как раз они пересекаются с Тростниковым. Что очень интересно, ведь да, они принадлежали в широком смысле к одному и тому же мистическому подполью (разных-то и не было, хотя и было несколько относительно конкурирующих группировок), но выступали с различных позиций и даже установок. Ведь подход Тростникова, несмотря на всю его критику и религиозность, это подход ученого и «физика», а Ровнера — «будучи философом по образованию и литератором по призванию», по самоаттестации, — писателя и «лирика». И даже путь их разновекторный: из математика Тростников стал философом, а Ровнер из философа писателем (но оба были не просто религиозны, а теми, кому и посвящен наш разговор, то есть ищущими в(овне) религии иные пути). Но мы несколько отвлеклись.

Итак. Нынешний мир, его цивилизационные пути оказываются извращены, запутаны, складывается ощущение, что, как у Жюль Верна, кто-то подложил под компас топор, и тот выдает заведомо ложные координаты: «В древности поэты восхваляли в своих произведениях богов, царей и героев. Новое и новейшее время вывели на сцену искусства маленького человека. Современное человечество приучается смотреть на мир глазами проходимцев, уголовников и калек. Это следующий уровень падения. Маленькие люди видят вокруг себя то, что им понятно и близко. Чтобы не тревожить их, современное массовое искусство переносит Больших людей в область фантазии, выдумки, нереального (то есть демифологизируют миф! — А. Ч.) Маленькие люди остаются в замкнутом круге готовых старых или вновь фабрикуемых мифов, приспособленных для их потребления». Нужно же, жизненно необходимо то пространство, что «приоткрывается в редчайшие счастливые мгновения на глубочайших глубинах нашего за-личностного пространства через язык мифов, символов и метафор», настоящих мифов, конечно же.

Как и Тростников, Ровнер утверждает, что мир был от(п)равлен на определенной развилке не туда: «Мир озверел. Хозяин мира — Суперпрограммист, Сценарист». И среди подозреваемых он называет те же, что и Тростников, имена²², говоря о «логике людей, с детства не знавших и не культивировавших в себе чувство благоговения, превращающих мир в марксистско-дарвиновский зверинец с борьбой видов и классов»: «Авторы, которых читали столетиями, тысячелетиями, — Платон, Аристотель, Цицерон, поэты римские и греческие, — всё это вдруг стало не нужно, обезумевшая западная цивилизация решила, что ей нечему учиться у своих учителей, что нужно учиться у людей нового времени, людей, которые отвернулись от древности и которые утверждают ценности нового времени: приоритет разума, свободного от традиции, поклонение науке, информации, механике, инженерии, электронике. Всё это заслонило от нас наше прошлое, наши истоки». И приводит к тому, эмплифицирует даже Ровнер, паранойяльному состоянию в мозгах человечества, когда две традиции, религиозно-мистическая и рассудочно-научная, «всё больше расходятся, при этом, как уже было замечено, вторая усиливается, а первая повсеместно иссыкает. Две традиции напоминают две шизофренически разведенные субличности, коренящиеся в двух несовместимых «очевидностях», которые становятся всё менее очевидными, всё более фактами воображения и рассуждения». Наука подавляет и выкидывает на смешную и стыдную обочину религию, при этом она, как подчеркивает Ровнер в духе Тростникова же, всё больше подтверждает в наши дни то, о чем говорили примордиальные поверия²³.

И в критике современности, его, по Эволе, восстании против современного мира заложены его рецепты спасения: «...Установили немецкий фашизм, провели американскую стандартизацию в 20—30-е годы, когда Америка формировала одномерных людей, страшнее, чем это делал коммунизм. Абсолютно одинаковых, с одинаковыми домиками, одинаковыми машинами, одинаковыми газетами, это массовые люди, одномерный человек Маркузе — это массовое общество, о котором в ужасе писали европейские мыслители, и которое пришло на смену иерархическому, сложному обществу XIX века, — всё это тоже оказалось препятствием здоровой циркуляции энергии и мудрости западной культуры, частью которой мы с вами являемся. Сегодня мы видим другой повод для беспокойства. Мы захлавлены информацией. Она давит на нас, она наступает на нас. Она стирает нас, она лишает нас инициативы. Мы введены в русло катастрофической профессионализации, когда каждый человек должен знать очень много или почти всё о микроскопической области. И только такие специалисты нужны и принимаются на работу. Попробуйте прийти на работу и сказать: я просто интеллигентный человек, я читал Платона и Гегеля. Такие люди никому не нужны. Нужны специалисты в узкой области, люди, ремонтирующие определенные холодильники, а не какие-то другие. Люди, знающие очень узкую область нейрохирургии, биохимии, эти, но не другие компьютеры. Где же, кто же может это всё объединить? Почему не производятся универсальные люди, которые способны всю эту дробленную мудрость нашего века соединить вместе? Где этот универсальный человек Ренессанса? Или универсальный греческий мудрец, которого знает наша история? Или универсальный человек периода расцвета мусульманской культуры?»

Ровнер не бросает эти вопросы в воздух, а читателя (слушателя лекций) — с ними наедине. У него есть и ответ. В духе — хотя мы помним, что к Генону у него много вопросов, а других традиционалистов он здесь даже и не рассматривает — интегрального традиционализма, вполне соответствуя его главной букве.

«Система тотального порабощения индивидуума обществом может и должна быть преодолена, при этом иллюзии либерального капитализма и эгалитарного социализма, и в первую очередь иллюзии, связанные с ложной и цинической концепцией демократии, должны быть окончательно отброшены». Из «состояния сегодняшнего западного и значительной части мирового общества, находящегося в поле влияния современного Запада» «имеется один-единственный реальный выход — восстановление традиционной и культурной памяти, то есть превращение общества “фабрикантов” в сложное пирамидальное сооружение, основанное на принципе качественного неравенства индивидуумов». Да, он говорит об иерархическом, вертикальном обществе, о том стремлении вверх, что заменено сейчас не демократией даже, а охлократией (с властвующими «худшими» на вершине), о которой говорили всю дорогу в никуда и традиционалисты. «Между людьми нет и не может быть равенства, однако неравенство состояний и способностей не должно стать причиной и поводом для порабощения одними людьми других. Разные предрасположенности и способности должны лишь способствовать многообразию форм индивидуальных проявлений и образованию сложной структуры общества, управляемых людьми, наиболее для этой функции пригодных, то есть “лучшими”». Ее можно будет достичь с помощью той системы экзаменов, что и в древнем Китае, следовавшем конфуцианской этике (Китай при этом Ровнер не упоминает): «Речь, конечно, идет не о наследственной аристократии и не о жреческой аристократии как сословиях. Также мое понимание аристократии не имеет ничего общего с ницшевским образом уверенного в себе белокурого нордического хозяина и господина. Аристократ, о котором я пишу, может быть найден в любой расе и традиции и в любом сословии общества, однако в настоящее время он остается редким и непредсказуемым явлением, всегда единичным исключением, а не социальной прослойкой. Должна быть реабилитирована сложная система тестирования человеческих качеств, существовавшая в древних обществах». И это, разумеется, не будет насилием,

но длительным индивидуальным прежде всего трудом, работой в духе Гурджиева: «Восстановление целостного человека — это медленный, трудный и протекающий у разных людей с разной скоростью индивидуальный процесс, основанный на самостоятельных усилиях индивидуумов, а не на фабрикации кем-либо со стороны “нового человека”».

Всё это предполагает внутреннюю, незаметную, кропотливую, но крайне важную перестройку. Выход за такое привычное и в чем-то удобное, в кардинально новое (или «хорошо забытое старое»), выход — в иной космос (о том, что космос раньше воспринимался отнюдь не как пространство для полетов функционирующих и отработавших свое железок, Ровнер тоже пишет). Как индивидуума, чей мир заведомо «есть проекция луча, бьющего из области “за умом”, “за Я” и “за субъектом” — из области высших состояний». Так и общества с его верованиями (наподобие того, что пытался осуществить Гурджиев — «христианство пыталось улучшить и модернизировать иудейский миф, в то время как ислам притяжал на развитие и совершенствование и христианского и иудейского мифов. Ориген, христианские гностики, Якоб Бёме, Владимир Соловьёв, Рудольф Штейнер, Тейяр де Шарден и многие другие считали, что они разрабатывают христианский миф. Мифология Гурджиева была дальнейшим шагом в этом направлении»). Совместный большой выход за.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Догадался Юнгер и о всё надвигающемся трансгуманизме: «...Одна из особенностей нашего духовного климата — стирание различий между живым и неживым миром».

² Ныне доказано, что единственный источник материи — CHNOPS, то есть Carbon, Hydrogen, Nitrogen, Oxygen, Phosphorus и Sulfur, шесть наиболее важных химических элементов, чьи ковалентные комбинации составляют большую часть биологических молекул на Земле — суть результат взрыва или умирания звезд, а «скрытая в материи потенция в чистом виде» запечатлена в мемном, как сейчас бы сказали, пассаже Канта о звёздном небе, и в этом ключе неожиданное обращение Юнгера к астрологии — весьма прозорливая и вполне легитимная попытка осмысления «прапочвы», мира как творения. Вспомним заодно и — кажется, во многом забытого — Иоганна-Готфрида Гердера — на которого тут несколько раз ссылается Юнгер (он-то знает всех и не забывает никого!) — с его «в каждом существе заключен сияющий образ Божий, обвенчанный со звёздами» (а в тему переключки с космистами — он считал, что по исчерпаемости земной истории человечество организовано отправится на другие планеты...).

³ К даже более утопическим можно отнести следующее предложение: «Государства частично отказываются от своего суверенитета в пользу общества, *societas humana*. Армии превращаются в полицейские структуры, военная техника переходит в общемировую резерв. Этот запас хранится, как золото, и, нигде не фигурируя *de facto*, гарантирует порядок. Конкуренция прекращается не только в военной сфере, но и в экономике. Формы и средства достигают совершенства. Планирование осуществляется не на государственном, а на планетарном и космическом уровне».

⁴ «Тот факт, что астрология, столь явно противоречащая основному течению эпохи, все же проникла в нашу жизнь, предвещает революцию. Основанная на представлении о врожденной неодинаковости людей, о своеобразии каждой судьбы, астрология не только имеет ненаучную структуру, но и демонстрирует антиинвизирующую тенденцию, игнорируя оба основных принципа сегодняшнего мира». В рамках той же интенции ему интересны, даже в весьма почтенном возрасте, опыты с природой изменяющих обыденное сознание алкоголя и галлюциногенов. См. рецензию на посвященную этому книгу «Приближения. Метафизика опьянения»: Чанцев А. Новые тонкие связи мира // Перемены. 2023. 15 февраля (<https://www.peremeny.ru/blog/27517>).

⁵ Книга уже доступна на русском. Чамберс Р. «Король в Жёлтом». — М.: Рипол классик, 2023.

⁶ Ткаченко-Гильдебрандт вскользь проводит аналогию между идеями Тростникова и контр-инициацией Генона.

⁷ Здесь аллюзия на «Фонарь Диогена. Критическую ретроспективу европейской антропологии» Сергея Хоружего не только ради красного словца.

⁸ Что давно уже не секрет, увы: «Так как "сверхчужественное", "потустороннее" и небо изничтожены, остается только "земля". Поэтому новый порядок должен представлять собой безусловное господство чистой власти над Землёй, осуществляемое человеком, причем не всяким человеком и, конечно же, не прежним человечеством, живущим среди прежних ценностей. <...> Те, кто привносит и изымает их, принадлежат к одной и той же единой истории Запада. Мы сами, живущие в нынешнем столетии, принадлежим к тем, кто изымает из мира некогда привнесенные в него ценности». *Хайдеггер М.* Ницше. Т. II / Пер. с нем. А.Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 33.

⁹ Тростников пишет со ссылкой на искусствоведа Отто Бенеша о том, что у Питера Брейгеля Мужичского «люди изображаются в виде каких-то манекенов, игрушечных персонажей, что у него они все "на одно лицо"». Бенеш предлагает признать, что гениальный живописец, вопреки идее раскрепощения человека Ренессанса, смотрел на людское общество как на заводящийся ключиком театр механических кукол, где все фигуры анонимны и безлики, повторяемы и воспроизводимы. Кстати, все шестеро художников династии бесконечно копировали работы друг друга, подписывались именами друг друга, Брейгель Мужичкий, Брейгель Бархатный, Брейгель Адский... Подобная мысль имеет определенные основания, но всё же миры гениального художника всегда шире представлений о них. К примеру, разве не может быть так, что пресловутая анонимность и безликость героев Брейгеля порождена согласием с рассуждениями умершего незадолго до Брейгеля философа и богослова-мистика Себастьяна Франка — «все люди как один человек», а «кто видит естество одного человека, видит естество всех»? Можно вспомнить и рисунок под названием «Эльк» (Elck — каждый), где бородатый герой в очках ищет себя с фонарем и раздваивается-распадается на восемь одинаковых фигур. Многократно повторившись, личность утрачивается, окуляры и фонарь науки не спасают, а лишь усугубляют глупость (очки ее символ) и слепоту, Эльки раздрают ленту противоречий и сомнений, надпись на картине гласит: «Никто не знает самого себя». Выполненная по рисунку Брейгеля гравюра снабжена пояснительным стихиком:

«Никто не знает себя, несмотря на поиски,

Никакой свет не поможет ему в его одиночестве.

Странно! Хотя он смотрит широко открытыми глазами,

Он никогда не видит верно своего собственного лица...»

¹⁰ Самый расхожий тут пример — «Человек в Высоком замке» Филиппа К. Дика о том, что во Второй мировой войне победили Германия и Япония.

¹¹ Книгу Тростникова можно рассматривать и как созданную в технике пуантилизма. Вот только одна из любопытных деталей: «Во многих литературных произведениях дьявол изображается прекрасным математиком, искусным картёжником и шахматистом, короче — персонифицированным алгоритмом (вспомним хотя бы Воланда из «Мастера и Маргариты» М.Булгакова). Но и Прометей дарит людям "науку чисел", откуда можно заключить, что он тоже является выдающимся математиком. Алгоритмическая суть дьявола или демиурга делает его слепой силой, руководствующейся только заложенными в ней самой законами». Недаром, возможно, Солженицын — его письмо мы найдем в аппендиксах книги — советовал Тростникову упростить изложение, в частности, давать полные выходные данные тех многочисленных авторов и ученых, кого он цитирует (к теме зашкаливающей эрудиции Юнгера, чтения им тех, кого не читал больше, кажется, никто). Тростников, к слову, менять ничего не стал.

¹² Если нужно все же доказывать очевидное, то, условно говоря, в тоталитарном государстве одно центральное государственное СМИ, в демократическом — десяток, но неудобного они мигом «закэнселят», «выпилят» его аккаунт, не дадут доступа к микрофону и посадят, как и того, кто (Ассанж, Сноуден) попытается об этом говорить.

¹³ Настоящий ученый, он вообще отлично выступает в роли футуролога от научного прогресса, картографируя пути развития науки: «Сколько денег было истрачено на эти сборники, на съезды, конференции и симпозиумы по кибернетике! Но шли годы, и из оседающего тумана лжи и демагогии начала вырисовываться горькая правда: ни единого шага

по направлению к созданию “искусственного интеллекта” так и не было сделано. Полностью провалились даже сравнительно скромные планы создания опознающих устройств или машин-переводчиков». Зато сейчас даже не наука, а прикладные технологии по этим направлениям шагают семимильными шагами.

¹⁴ «...Ведь вы сами написали статью, которая указывает на близкое сходство между современной теоретической физикой и философией досократиков. Теперь физика, по мнению оценщиков отраслей знаний, по всей видимости, обгоняет химию — так не стоит ли посоветовать теперь упразднить также и “результаты” химии, и таким образом продвинуться вперед?» — вопрошает Фейерабенд своего коллегу, рассуждая об иерархии ценностей в нынешней академии. *Фейерабенд П. Убийство времени. Автобиография // Пер. с англ. В.Зацепина. — М.: Rosebud Publishing, 2021. С. 323.*

¹⁵ Несмотря на серьезный крен общества в сторону сциентизма в XX веке появились и получили развитие понятие и модель ESI, социального и эмоционального интеллекта, как реакция на неспособность решения практических задач в рамках общепринятого понятия интеллекта. Не «душа», конечно, и, увы, исключительно для практических целей Homo Consumens. Забавно и то, что все существующие модели ESI обвиняют в нехватке системного научного подхода. А уж без столь модных сейчас ESG-принципов, вносящих, по идее, в корпоративное управление экологический и социальный элемент, ни одна уважающая себя корпорация сейчас не обходится.

¹⁶ «Парадоксально, но факт: в середине двадцатого века, когда неопозитивистская догма достигла высшей точки своего триумфа и внушаемое ею равнодушие ко всему, что существенно выходит за рамки повседневной практики, стало для ученых нормой, их отношение к такому неактуальному с точки зрения приложений и давно прекратившемуся процессу, как мифотворчество, стало более серьезным, чем прежде».

¹⁷ Ученики и наследники гурджиевского дела (или в его терминах — работы).

¹⁸ Отдельно досталось за формалистические п(р)оиски Даниле Давыдову, в пример была приведена Валерия Исмиева.

¹⁹ См. о монографии Ровнера о Гурджиеве и Успенском: *Чанцев А. Самадхи в ватнике: Две книги о мистиках и неформалах // Перемены. 2019. 19 июля (<https://www.peremeny.ru/blog/23847>).*

²⁰ См. о них главу нашей рубрики «Внутренняя алхимия» в «Дружбе народов» № 12 за 2021 г. (<https://magazines.gorky.media/druzhba/2021/12/vnutrennyaya-alhimiya.html?>). Порекомендую заодно и книгу воспоминаний о самом Джемале: *Чанцев А. Носитель чрезмерного мышления // Перемены. 2022. 6 июня (<https://www.peremeny.ru/blog/27169>).*

²¹ Некоторые его высказывания вроде того, что Россия традиционно стыдится в себе Востока, а «дисциплина религии кажется стеснительной для ума, привыкшего к внешнему разнообразию», справедливо претендуют на звание афоризмов. Ровнер же слишком (по)мыслительно скромен и ироничен для этого — так, на призыв друга составить Цитатник Ровнера он отвечает юмористической отпиской.

²² Например, Юнга, ультимативно провозгласившего вдруг, что «любой, кто пытается мыслить честно, должен признать недостоверность какой бы то ни было метафизической позиции, в том числе недостоверность всех вероисповеданий».

²³ Современная физика приходит к тем же выводам, что и зурванисты (философская школа зороастризма), каббалисты и прочие древние «великие посвященные» — «древняя и современная идея самозарождения Мира имеют различные варианты, например, Расширяющаяся Вселенная современной астрофизики или Мир как Поток Становления Гераклита без начала и конца».

Евгений Абдуллаев

Феминизация прозы?

У современной русской прозы всё более женское лицо.

В девяностые и в начале нулевых авторы-женщины в основном преобладали в массовой литературе. Донцова, Маринина, Робски... Последние лет пятнадцать их всё больше в, условно говоря, серьезной прозе.

Ещё в 2015-м обратил внимание на то, что всё больше писательниц среди победителей «Русского Букера». Если за первые тринадцать лет существования премии (1992—2004) среди 13 победителей не было ни одной писательницы, то за последующее десятилетие (2005—2014) их уже была почти треть. Если же брать короткий список премии, то среди 50 финалистов — почти половина женщин (18 к 32) («Вопросы литературы», 2015, № 5).

Сегодня эта тенденция ещё заметней.

Вот «замер» по премиальным спискам «Большой Книги» за три года, с промежутком в девять лет между ними: 2006-й (первый год вручения), 2015-й и 2024-й. И так.

В 2006-м авторы-женщины составляли менее четверти (13 из 71) авторов, чьи книги вошли в длинный список; чуть более трети — в коротком списке (4 из 11) и полностью отсутствовали среди победителей.

2015 год. Чуть менее трети в длинном списке (9 из 30), треть — в коротком (2 из 6) и треть — в списке победителей (1 из 3).

2024-й. Чуть менее трети в длинном списке (16 из 52), почти половина в коротком (4 из 10)¹.

Этот же тренд иллюстрируют и две другие крупные премии, «Национальный бестселлер» и «Ясная Поляна». Если в коротком списке «Нацбеста» за 2001-й (первый год вручения) среди шести финалистов не было *ни одной* писательницы, то в 2011-м — 1 из 6, а в 2022-м (последний год вручения) — треть, 2 из 6. В коротком списке «Ясной Поляны» (в номинации за современную прозу) в 2015-м авторы-женщины составляли только одну шестую; в нынешнем, 2024-м — уже половину, 3 из 6.

Особенно много женских имен среди заметных «приходов в литературу» последних лет пятнадцати. От Марины Степновой с «Женщинами Лазаря», Яны Вагнер с «Вангозером» и Гузели Яхиной с «Зулейхой...» — до дебютанток последних двух-трех лет: Нади Алексеевой, Натальи Илишкиной, Анны Лужбиной, Светланы Павловой, Хелены Побяржиной, Анастасии Сопиковой, Александры Шалашовой...

Похоже, в литературу идут сегодня большей частью именно женщины.

Помню, начав вести в 2016-м онлайн курсы по прозе в Creative Writing School (CWS), был слегка удивлен тем, что где-то три четверти слушателей — а то и больше — составляли женщины. В первой группе, во второй, в третьей... Потом привык.

¹ Когда пишу этот обзор, победители ещё не оглашены.

То же, по отзывам коллег, и в других группах. Кстати, трое из названных выше дебютанток последних лет — Илишкина, Алексеева и Павлова — выпускницы CWS.

Недавно был на одной дискуссии в Литинституте. В зале — почти одни студентки. После окончания «проверяю» это впечатление в разговоре с преподавателями. «Да, у нас последние годы, как на филфаке. На девять студенток — один студент. Когда мы тут учились, было наоборот...»

Русская проза¹ во всем этом, правда, не одинока. Нечто похожее происходит и в англоязычной, даже в большем масштабе.

«В марте Vintage, один из крупнейших в Великобритании издателей художественной литературы, объявил имена пяти дебютантов-романистов, которых он будет продвигать в этом году: Меган Нолан (Megan Nolan), Пип Уильямс (Pip Williams), Эйлса Макфарлейн (Ailsa McFarlane), Джо Хамья (Jo Hamya) и Вера Куриан (Vera Kurian).

Все пять — женщины. И вряд ли в этом было что-то из ряда вон выходящее. Подобные списки, в которых доминируют литераторы-женщины, в 2021 году стали обычным делом. За последний год почти весь шум в художественной литературе был вокруг молодых писательниц. <...>

Аналогичное соотношение между мужчинами и женщинами и в премиальных коротких списках. Среди недавних номинантов на премию Costa за первый роман мужчины просто отсутствовали. А три четверти авторов, входивших последние пять лет в короткие списки, были женщинами. В этом году в короткий список премии Rathbones из восьми человек входил только один мужчина».

Это обширная и красноречивая цитата из статьи с не менее красноречивым названием «Как женщины завоевали мир художественной литературы», вышедшей три года назад в The Guardian². Автор, литературный критик и журналист Джоанна Томас-Корр (Johanna Thomas-Corr), пытается выяснить, почему в прозе, где ещё «поколение назад в коротких списках доминировали мужчины», теперь наблюдается «женское доминирование» (female dominance).

В русской прозе до женского доминирования пока далеко, но движение к нему вполне заметно; так что тоже стоит задуматься о причинах.

Одна из них лежит на поверхности. Феминизация писательской деятельности (как и любой другой) — первый признак того, что она перестает «кормить». Основной доход, на который может рассчитывать сегодня автор, — процент с продаж, а он (если считать помесечно) и у успешных авторов редко превышает размеры минимальной зарплаты. Практика выплаты аванса за будущую книгу — тоже почти исчезающий жанр.

Татьяна Толстая на вопрос, может ли писатель прожить на деньги от издания своих книг, честно ответила: «Практически нет. <...> Вообще, писательство — это последнее место, где можно хорошо заработать»³.

Напомню, что еще в начале нулевых, когда книги издавались и раскупались приличными тиражами, значительное число писателей могло на доходы от продажи своих книг прожить. А еще раньше, скажем, в 80-е, — не просто прожить, но и жить, и довольно неплохо.

Меняется не только писательский цех, но и читающая аудитория.

Читатель тоже феминизируется.

¹ Я сознательно ограничил разговор только прозой — в поэзии, особенно в лирике, всё это произошло ещё раньше и заслуживает отдельного разговора.

² Thomas-Corr J. How women conquered the world of fiction // The Guardian. 16 May, 2021 (URL: <https://www.theguardian.com/books/2021/may/16/how-women-conquered-the-world-of-fiction>).

³ Татьяна Толстая: Торговля пирогами выгоднее писательства. <Записала> Дарья Кочеткова // Российская газета. 13 июня 2016 г. (URL: <https://rg.ru/2016/06/13/tatiana-tolstaia-torgovlia-pirozhkami-vygodnee-pisatelstva.html>).

Последние лет восемь внимательно наблюдаю, кто приходит на встречи с прозаиками. В библиотеках, городских и сельских; в павильонах книжных ярмарок, на книжных фестивалях. В Москве, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Казани, Новосибирске, Красноярске, Иркутске... Как минимум две трети аудитории — женщины, а то и больше. Те же мужчины, которые приходят, — в основном от 45 и старше. Либо дети и подростки. Но видно, что их привели тут же сидящие мамы или бабушки.

Это недавно отметила и Галина Юзефович: «Женщины не только больше и успешнее пишут, они ещё и больше читают: и в мире, и в России женщины составляют от 60 до 80 процентов общей читательской аудитории (мужчины читают больше фантастики и бизнес-литературы, женщины — всего остального). Женщины чаще покупают книги, больше времени проводят за чтением в течение дня, чаще ходят в библиотеки — и там тоже преимущественно берут книги, написанные женщинами»¹.

«Когда я говорю на эту тему с мужчинами в возрасте 20, 30 и 40 лет, — пишет Джоанна Томас-Корр, — они большей частью отвечают, что им наплевать на литературу, особенно на художественную. У них есть видеоигры, YouTube, нон-фикшн, подкасты, журналы, Netflix».

Но весь этот набор интеллектуальных развлечений доступен и женщинам — худлита они тем не менее читают больше. Почему? Тут нужны углубленные социологические исследования, но их фактически нет.

Наконец, всё больше женщин среди литературного топ-менеджмента.

Опять же, ещё в девяностые — начале нулевых их были единицы. Ирина Прохорова в «Новом литературном обозрении». Елена Шубина в (тогда ещё) «Вагриусе». Ирина Барметова в «Октябре». Ольга Морозова (увы, недавно ушедшая) — в издательстве при «Независимой газете», затем в «Аттикусе»...

Это казалось необычным: даже в советские годы, несмотря на все лозунги о равенстве, ни одна женщина не занимала руководящих постов в литературном мире. В лучшем случае — замы при литературных начальниках-мужчинах.

Когда в 2002-м Ирина Барметова стала главным редактором «Октября», кто-то заметил, что это первая женщина, возглавившая русский литературный журнал со времен Екатерины Второй.

Сегодня женщиной-главным редактором уже никого не удивишь. Евгения Баранова и Анна Маркина («Формаслов»), Мария Затонская («Пролиткульт»), Наталья Полякова («Литература»), Карина Сайдаметова («Наш современник»), Анна Сафронова («Волга»)... Не говорю уже о главных редакторах литературных издательств, кураторах премий, крупных литературных проектов и так далее.

Влияет ли всё это на «контент» современной русской прозы?

Если говорить о литературном менеджменте, то, насколько могу судить, никаких предпочтений, связанных с продвижением литераторов-женщин или прозы «о женщинах и для женщин», у них не заметно. Ничего похожего на признание немецкой издательницы Шармейн Лавгроув (Sharmaine Lovegrove): «Люди (имеются в виду женщины. — Е.А.) в издательском мире говорят: “Я не читаю мужчин...”»². Может, конечно, это светлое будущее и нас ожидает; пока, к счастью, ничего подобного в российской издательской среде не слышал.

Но определенный тематический сдвиг всё же ощутим. Скорее всего, именно феминизацией — как писательского цеха, так и читательской аудитории, — можно

¹ Юзефович Г. Я к вам пишу... // Сайт «Blueprint». 6 марта 2024 г. (URL: <https://theblueprint.ru/culture/paper/uzefovic-women>). Там же и кратко и доступно изложенная история «женской» литературы.

² Thomas-Corr J. How women conquered the world of fiction...

объяснить расцвет «литературы травмы». От Евгении Некрасовой и Оксаны Васякиной — до Анастасии Сопиковой, Светланы Павловой, Даши Благовой¹. Авторы-мужчины, похоже, менее склонны рефлексировать по поводу своих детских и подростковых травм — по крайней мере, делать их главной темой.

Но феминизация заметна и в прозе, которую пишут авторы-мужчины. Главный герой (мужчина, наш современник) всё более гендерно-нейтрален, всё более уязвим, растерян, сенситивен, социально-пассивен... Причем даже у авторов, чьи герои внешне подчеркнута маскулинны².

Всё это не плохо и не хорошо: главным, как и прежде, остается качество литературного письма.

К тому же, если посмотреть на историю русской литературы последних двух веков, можно заметить маятниковые колебания между более «мужской» и более «женской» прозой. Скажем, после базаровых, рахметовых, ставрогиных и прочих активных героев-мужчин 1860—1870-х приходят более созерцательные и пассивные герои Чехова, а затем и почти «бесполое» герои символистской прозы начала прошлого века.

Начало прошлого века, кстати, было отмечено и первым появлением значительного числа женщин — правда, не столько в «серьезной» прозе, сколько в поэзии и детской литературе. Вскоре, после 1917-го, маятник качнулся в другую сторону.

Так что, возможно, сегодня мы просто присутствуем при очередном «феминизирующем» витке. И скоро может начаться обратное движение. По крайней мере, абсолютизировать нынешнюю тенденцию я бы не стал; поглядим, что будет завтра.

¹ О «литературе травмы» писал в позапрошлом «барометре»: «Молодая, свободная, травмированная» («Дружба народов», 2024, № 6).

² «...Под маской brutального мачо скрывается неуверенный подросток, безотцовщина, чье становление пришлось на смену эпох, когда былой порядок ухнул в небытие, а отцы перестали быть “отцами”» (Жучкова А. О нормальной мужской прозе // Сайт «Вопросы литературы». 2019. № 9. (URL: <https://voplit.ru/column-post/11798/>).

Кирилл Ямищиков

Элементы родства

Ещё четверть века назад Александр Касымов писал о «двух недоразумениях»¹ этой прозы: с одной стороны — культовая фамилия, как бы оставляющая писателя «почти что голым»; с другой — серьёзное критическое прошлое, о себе в рассказах не заявляющее. Действительно: Евгений Шкловский давно проходит в литературе по своеобразному лезвию бритвы — фигурой пограничья, если не фронта.

Язык не поворачивается назвать это малой формой. Цельные, недвижимые пропозиции, как бы вмещающие внутри всё и вся, больше походят на литографию, дагерротип, эстамп; нечто графически убедительное. Пожалуй, оно и отличает прозу Шкловского от всего, что мы встречаем под маркой новеллистики; свободные от фабулы и объёма, эти рассказы случаются наобум, как бы не по авторской диктовке.

«Синдром неизвестности» — интересно? Вне сомнений, читателю развернут — объяснён — каталог впечатлений последних лет. Солнечные блики, податливые взору, пейзаж, схваченный «прямолинейно и честно». Шкловский не играет. Его речь старомодно учтива, абсолютна — так и хочет прервать рассказ, чтобы обсудить с читателем произошедшее. «Ситуация в нашей истории немного похожа».

Экстатические восторги — «Европа!» — готовность тут же вмешаться в сюжет и навести порядок.

Тридцать три рассказа о мимолётном. Шкловский внимателен, умеет выжидать — для того, чтобы в нужный момент схватить время за крылья. Слепок, штришок; контексты, переходящие друг в друга и ничего толком не сообщающие. Вот фрагмент дружбы охранника и программиста, кончающийся — ничем; вот любовь к тайскому массажу; вот ночь тепла с неизвестной женщиной; вот Бабель, носящийся по многоликому Парижу.

Необязательность выбора склоняет к простоте: мы не видим здесь патетики и ригоризма. Шкловский намеренно ассоциативен. В случаях, знакомых каждому — почти, — слишком мало, собственно, фигурных скобок. Это не леность, не бесплодие выдумки, а естество; человек так пишет и так видит письмо. Вне критики, вне заданного формата; скольжением эскиза.

«Его тошнило на всё это глухое забытьё, на это сонное царство, на эту усталую молчаливую одурь, в которую погружались люди в своих уютных норах...

Евгений Шкловский. Синдром неизвестности: Рассказы. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 360 с.

¹ Александр Касымов. Из жизни букв. — «Знамя», № 12, 2000.

О чём он думал, когда пил, давясь, эту цикуту, эту горькую густую жижу, о которой отец говорил как о напитке свободы? Он должен был его выпить, потом упереться коленями в подоконник и, чертыхаясь, блевать с многометровой высоты.

В висках стучало, всё тело словно раздувалось и готово было лопнуть от напряжения. Вытянуть руки, взмахнуть ими, разорвать плёнку тоски...»

Шкловский — прозаик старой, перестроечной школы, способной откликнуться на читательский зов самыми непредвиденными регистрами «внимания». Цепкость и колики, точечные уколы; так работают Елена Долгопят, Виктория Токарева, Валерий Попов; так работал Дмитрий Горчев. Случаи, вставшие на цыпочки. Несколько приподнятая обыденность.

Другое дело, что мистицизма, наивной эсхатологии в рассказах Шкловского почти не встречается. Чужеродная для гаданий почва. Пишется: «Всё бы хорошо, если б её страсть к мягким игрушкам не была столь безрассудной. И без того небольшая, комната до отказа была заполнена лошадками, енотами, собачками, котами, бегемотами...» Дальше идёт долгое перечисление.

Из подобного скарба Ольга Славникова мигом бы соорудила житейский невроз. Дай эту последовательность Горчеву — получишь умильную в своей кровожадности байку. Известные, в общем-то, голоса и манеры; только Шкловский не берёт во внимание потенциал рассказываемого и проходит мимо, как задумчивый сосед-тихоня. Оставляя рассказ *незако...*, он предлагает материалу сделать работу самому, без посредников.

Французенки Бабеля сначала «жилисты, подвижны и кокетливы, как обезьянки», а через два шага «похожи на марсианок». Шкловскому приятно — полезно — сравнивать. Как интеллигент Кавалеров, он довольствуется скромной вотчиной художника, но уж точно не философа, учителя или глашатая. Таковы эскизы, нетерпеливые в своей чувственности миниатюры.

Близкие интонации — с прорывом то в нежность, то в патологию — случались у американца Ричарда Бротигана. Правда, неустроенный быт его малопрозия съел и писательское настоящее: бедолага застрелился, чуть-чуть не дожив до пятидесяти. Другой американец, Эдвард Олби, вывел персонажами своих пьес все национальные сумасбродства: от войлочных старух Юга до клерков-мегаломанов.

Шкловский пишет энциклопедию: нравов, управ, хитростей и остроумия. «Садок Судей» знаете? Поэтому совершенно неважно начинать с события и событием заканчивать; энциклопедия, в отличие от литературы, предполагает осязаемую свободу формального разбега. Не хотите читать о мочёных яблоках и затаённой обиде? Пожалуйста — я осыплю вас миллионом терзаний.

«Ребёнок всегда ребёнок, даже если ему за сорок или за пятьдесят, и вообще, если, конечно, родители доживут».

Афористическая гибкость, стройность — хоть сейчас бери и вешай слова на стенку. В этом смысле Шкловский близок своему однофамильцу-опоязовцу. Зачем держать литературу в узде, когда можно — слишком хорошо сознавая метод, — дать ей набегаться и накричаться? Ребяшня, живая в стиле, жива и за пределами сформулированных значений; в конце концов, перед тобой бумага и типографская краска.

Незачем изгаляться.

В начале двухтысячных так, с придыханием непонятки, писали о Мураками: что за фальсификатор? Почему романы, начатые бодро, зазеркально, рвутся пустотой, испаряются на ладони? К чему охота на овец, когда эти среднелассовые японцы-эстеты ни о чём не размышляют? Хотя нет, простите: секс, еда, романтика городских окраин. Пинать балду и коротать ночи за игрой в пинбол.

Шкловский не обладает героем или темой; его способности ограничиваются конкретным выбором. Сегодня я постигаю науку домашнего музицирования, завтра — пишу о других писателях. Вы наверняка уяснили эту нехитрую игру. Делай что хочешь, но, пожалуйста, соблюдай нормы и приличия. Побудь паинькой — хотя бы минуту. Выкуй ощущение, щекочущее ноздри.

Среди таких упражнений жутко смотрится рассказ «Домик в Дахау»; то ли очерк провинциальной жизни, то ли фундаментальное размышление-в-разрезе. Жить, мол, хочется рассказчику в местах предельного ужаса, этим ужасом оставленных; чтобы противостоять энтропии, являть пример иного целеполагания, образуя пространство.

«Да, я хочу поселиться именно там. И не потому, что желаю кому-то что-то доказать, а просто... Ходить по этой познавшей всякое земле, можно сказать, в эпицентре нечеловечьей лютости, словно ничего не происходило. Словно прошлого нет».

Собственно, весь прозаический опыт Шкловского примеряет на себя этот лютый, непривычный дуализм: отсутствия прошлого и нежелания происходящего. Мир пустынных, тайных знаков, обретенных лишь *после*, мир кротких характеров и безыскусных натюрмортов. «Синдром неизвестности» определяет не человеческие изъяны, но прорехи в бытии, которые мы, сожалея, так и не способны залатать.

Прорехи впускают к нам в дом холод и немоту. Перестаёшь узнаваться в зеркале, не пожимаешь руку товарищу, игнорируешь просьбу уступить место, забываешь про небо и вспоминаешь про серую брусчатку. Таковы элементы родства. Шкловский систематизирует нажитые фантазмы, показывая, во что их можно сбрызнуть и переплавить. Показывает, одним словом, *истину*.

Та не умещается в дефиницию, избегает газетных заголовков. Её, как размышляет один из героев Шкловского, нельзя «подправить ручкой или фломастером». Всё, что дано извне, этим же извне и конфискуется. Мы способны лишь примерять, интерпретировать. Домыслами — слухами — анекдотами. Евгений Шкловский был критиком, но, видимо, чувствовал тесноту и неуют, сопровождающие любое высказывание поверх уже сказанного.

Выходит, надо успевать раньше остальных? Сгребая в охапку новинки, анахронизмы, усталость человека частного и динамику человека планетарного? Чуть меняя, корректируя местоположение светил: чтобы было хотя бы немного внятней, зачем — и почему — эта жизнь однажды даруется всякому и всякой.

Валентина Патронова

Доверьте счастье кузнечикам

Новая книга стихов Андрея Коровина — скорая помощь миру, где катастрофически скудеет любовь. Курс любви и счастья всегда высок, исчезающее же — особенно в цене.

В поэтическом мире Коровина любви и счастья — в избытке, и он готов со всеми делиться, не боясь растрат. Вот тайна благодати: накормишь пятью хлебами пять тысяч — и ещё останется. «Кузнечики счастья» стрекочут о своём — их не заглушить.

— любимая, здравствуй! — кричу я тебе
хочу до тебя докричаться
как будто в моей бестолковой судьбе
проснулись кузнечики счастья¹

По словам поэта, его «Книга любви» получилась нечаянно, вдруг. «Она сейчас вроде бы не к месту и не ко времени, но разве не любовь в конечном итоге спасает нас?»

И к месту, и ко времени! Счастье бывает необходимо срочно, по жизненным показаниям.

С первых же стрóf понятно, автор поэтического сборника — философ, хулиган, провокатор. Любовь требовательна и категорична — а значит, прочь стереотипы. Кузнечики счастья — вызов, нарушение законов, слом привычного.

Кузнечики расшатывают и разрушают старую поговорку и её атеистический посыл. Кто сказал, что человек — кузнец своего счастья?

Сердце подсказывает: нет, не берется счастье усилием, да и кому из смертных это под силу. И не подходит ему топорный инструмент.

Андрей Коровин не доверяет тонкую ковку счастья ни одному кузнецу, даже себе. Он доверяет её кузнечикам. Они, малоприметные, — что русский Авось и высший Промысел. Им можно верить. Недаром у древних греков цикады — символ бессмертия. У кузнечиков небольшая ударная сила, но завидная настойчивость: «Жизнь всегда утешительна, дайте ей только срок».

Поэт не скрывает имени своей Лауры. Её зовут Ольга, а по-библейски при устах двух свидетелей твердо всякое слово. Счастье достоверно, когда есть двое, они-то и свидетельствуют о нём по праву влюбленных —

это плавится ветер в подбрюшье степей
на ковыль набегая волнами
это сонная нежность как Пантикапей
глубоко пролегла между нами

Андрей Коровин. Кузнечики счастья: книга любви. — М.: Русский Гулливер; Центр современной литературы, 2024. — 164 с. с ил. (Поэтическая серия «Русского Гулливера».)

¹ Кстати, эти стихи Андрея Коровина, давшие название книге, были впервые опубликованы пять лет назад в «Дружбе народов» (2019, № 9). — *Прим.ред.*

Искусство, как сказал Юрий Норштейн, — это энергия, передаваемая на расстоянии. «Кузнечики...» притягивают ошеломительной энергией стиха, это — ток высокого напряжения:

я живу потому что мы движемся
электрической силой любви —

и у этой сногшибательной энергии есть своя высокая миссия —

буквами твоего имени
называть новые города
и незаятые планеты
светом твоих глаз
освещать потайные углы
моего сердца
звуками твоего голоса
вселять надежду
в отчаявшихся
верой твоего сердца
возродить сдавшихся

Много ли «счастливых» стихов в русской литературе? Увы, сосчитать можно по пальцам. Разве что у «солнца русской поэзии» и у детских поэтов, что обязаны ладить со счастьем по законам жанра. Благодаря Андрею Коровину счастливых строчек в нашей словесности стало больше:

и я живу тобой проснувшейся
тобой очнувшейся живу
ко мне однажды потянувшейся
как наяву

В состоянии всеобщей растерянности мало кто понимает, что делать дальше, и только поэт не сомневается:

жизнь надо начинать с билета и вокзала
с открытого лица с подветренной строки
я так тебя люблю ты мне вчера сказала
и я тебя люблю — и родились стихи.

И — какие стихи! Простота без пестроты, а колорит — что у однофамильца Андрея, русского художника-импрессиониста Коровина. Палитра сборника насыщена эллинистической радостью: солнцем, терпким вином, цветочным ароматом, дыханием моря.

Казалось бы, герои бродят не только у берега моря — но и глубоко в русских снегах. Отчего же потянуло Грецией?

Кроме палитры у Коровиных схожа манера письма — сочной, густой, пастозной, энергичной лепкой формы и насыщенным звучанием цвета. Читая, чувствуешь прикосновение тепла и амброзию морского бриза в морозном русском воздухе.

Или дело в кузнечиках? Ведь это их почитали и воспевали древние греки, сравнивая с музами, парками, а то и обожествляя.

Русская поэзия никогда не обходилась без кузнечиков. Она спустила их с деревьев в траву, пересадила из средиземноморских анакреонтовых строф на подзолистую русскую почву. Обрусев, кузнечики потеснили цикад. Как не вспомнить Ломоносова и Державина, Мандельштама, Заболоцкого и, конечно, Бродского: «Здесь буйствуют кузнечики в тиши».

А что делают кузнечики в стихах Андрея Коровина? Не только замысловато куют счастье. Под их нехитрый, но неутомимо ликующий аккомпанемент звучит коровинская «Песнь Песней». Новые смыслы оживляют древние метафоры. Кузнечики подпевают поездам и вместе с ними ритмически выстраивают сборник. Под их монотонную переключку, почти медитацию, пишется легко. Они создают тревожную мелодию.

сердце а сердце чего ты болишь
что ты как дерево ноешь
снег обезумев летит между крыш
так что его не догонишь

Наверное, кузнечики нужны влюблённым, чтобы целомудренно заглушать звук поцелуев. Прятать счастье от посторонних ушей и глаз. Но его не спрячешь, как ни звени.

Робость любящего дорастает до смелой откровенности, она обжигающе-эротична и при этом экстатически-религиозна — а сочетание одного с другим обнаруживает мистическое присутствие потустороннего, так что нельзя не вздрогнуть:

держиcь за оголённый провод
любви — открытою рукой

А поезда? Ритмически они тоже слышны. Они то соединяют возлюбленных и везут неведомо куда, и направление теряет значение, главное — движение друг с другом, друг к другу; то разлучают их, и снова неразлучная пара рельсов никак не сойдётся вместе.

как нам жить в этой странной стране
друг без друга опять друг без друга
как ловить исчезающий звук
городов голосов поездов

Но нет, поезда блефуют — любовь и притяжение сильнее, — и скоро они, как рельсы, соединятся в Руке Промысла вопреки старику Евклиду и по законам Лобачевского:

станция новокузнецкая
губы целуются раз
пара влюблённая детская
в поезде радуется глаз
пусть прилетают влюблённые
бабочки сны мотыльки
пусть эта тьма законная
смоется всем вопреки
пусть продолжается пение
любящих благослови
пусть у поэтов и гениев
руки по локоть в любви

Отчего встреча — благословение? Оттого, что где-то в пути качается Вифлеемская звезда — слегка земная и немного обрусевшая, своя, близкая — пристанционная.

пускай разъятое срастается
пускай блефуют поезда
пристанционная качается
пусть вифлеемская звезда

И, по примеру влюбленных, Ветхий Завет срастается с Новым, Бог соединяется с человеком, гармония в мире восстанавливается. А поездам ещё ехать и ехать — жизненный путь вечен, новое рождение будет, недаром на одной из захолустных станций маячит Звезда Рождества.

А может, кузнечики — это ангелы-хранители двух людей, и им тоже хорошо вместе? Пойте, сумасшедшие среднерусские цикады, — те, кто счастлив, слышат вас и зимой.

между нами снова — зима метели
и надежды полные серебра

Стихи о любви не могут не быть цитатой предшественников, ведь их горячая речь — всегда об одном. В поэзии Андрея Коровина слышатся то Шекспир и Джон Донн, то Блок, то Андрей Тарковский, то Бродский и Хармс, но голос поэта — верный, сильный и только свой. Его мистика обжигает:

любовь не объясняет почему
она идёт в заведомую тьму...

Темнота и поезд у Коровина становятся неразделимой смысловой парой:

поезд уходит в края
где абонент недоступен
тьма заливает меня
снег засыпает меня —

разлука ошутима метафизически и едва ли переносима:

сон это только лишь
пять секунд
а что я делаю
всё остальное время
когда не вижу тебя

Но именно в расставании приоткрывается завеса — обнаруживается истинный состав вещей и смысл явлений:

это идёт человек
он весь состоит из воды
он везде проливается
оставляет свои следы
влажны его ладони
мокры его глаза
он идёт через кладбище
он придёт на вокзал

Ну, а вокзал, пастернаковский «несгораемый ящик встреч и разлук» — новая точка отсчета будущей встречи. С него, как с перекрестка всех путей, всё только начинается:

там за окном леса проносятся
вокзалы станции дымы
твой абрис на картину просится
где счастливы как дети мы

Даже если любовь скудеет, через поэзию её разреженный воздух проникает в легкие, её энергия вовлекает в поток радостных перемен.

вчера вечером вышел на улицу
и не ощутил под ногами земли
вокруг был только воздух
и улица плыла подо мной
как в кино и пространство
было в формате 3D
я развёл руки в стороны
и понял как летают птицы
не надо махать никакими крыльями
полёт это внутри тебя
это чувство пространства
в котором паришь
как в невесомости
ты просто лежишь в воздухе
абсолютно расслабленный
только немного кружится голова
но это
от счастья

Татьяна Веретенова

Сойти с маршрута

Хотя у нового романа Андрея Дмитриева подзаголовок «роман-маршрут», по сути мы читаем любовный роман в форме травелога.

В сентябре пандемийного 2020 года в аэропорту Стамбула некто Тихонин ждет с чикагского рейса Марию, свою юношескую любовь. Они ровесники и не виделись почти сорок лет, но встречаются именно как любовники. Как будто этих сорока лет и не было. Во всяком случае, для Тихонина. Весь дальнейший сюжет можно рассматривать как попытку героев перепрыгнуть через эту временную пропасть. Взяв напрокат автомобиль, Тихонин и Мария отправляются в путешествие по Турции. Но пока они не успели выехать из Стамбула (на пару дней они поселяются в маленьком отеле в районе Султанахмет), автор одаривает читателей обширной, почти на полромана, предысторией, начиная с трогательного знакомства героев в 70-е в провинциальном городке Пытавино (Хнов и Пытавино — две Йокнапатофы прозы Андрея Дмитриева. — *Прим.ред.*).

Однако авторская повествовательная манера такова, что и предыстория, и сам рассказ (с делением на главы, но без нумерации и названий) полны умолчаний (так, впрочем, был устроен и предыдущий роман Дмитриева «Этот берег»). Образ повествователя сконструирован в «Ветре Трои» весьма необычно: он ведет рассказ не столько от себя, сколько от лица некой группы (скорее всего, виртуальной, собравшейся и общающейся где-то в интернете). Что объединяет этих людей?

Ни много ни мало — интерес к личности и судьбе Тихонина, человека, по их мнению, умного, деятельного, оригинального, предприимчивого и очень обаятельного. А ещё красивого, харизматичного и свободного. «Тот, кто за собой ведет, — герой и вождь. Тихонин был и остается нашим героем, но не в обыкновенном, а в его, тихонинском, смысле... тот герой, кто заражает жаждой жить и ведет за собой к жизни, не желая и не зная иной благодарности, кроме благодарной улыбки на счастливых лицах». Такие «свои люди» у Тихонина, похоже, есть везде: читатель увидит Омера в Стамбуле, Зейского в Измире...

Так вот, об умолчаниях: если некоторые эпизоды прошлого описаны подробно, в деталях, то иные лишь упомянуты (например, приезд Тихонина из Оренбурга, где он учился в летном училище, к Марии в Свердловск, где она училась в университете: «Они вновь встретились, и вновь никто из нас не знает, как проходила встреча»). Повествователь — имени которого читатель не узнает — постоянно как будто апеллирует к этому групповому «мы» («не всем из нас известно», «избранным из нас Тихонин как-то признался»), и даже можно предположить, что он был выдвинут группой, собравшей необходимый материал, для написания этой истории: «Возможно, кое-кто из наших для того затеял эту повесть, чтобы разобраться, наконец, с его характером». А в конце эпилога появляется короткий постскрипtum (записка) Зейского, который на несколько страниц становится вторым повествователем, и его манера изложения отлична от стиля основного текста.

Маршрут героев из Стамбула идет через Галлиполи в Чанаккале, в Трою (музей), далее в Памуккале (с посещением бассейна Клеопатры), затем в Лаодикею (где они поселяются в отельчике в Бахчедере), и, наконец, на Эгейское побережье в Кушадасы, на обратном же пути — «торопливая прогулка» по Эфесу. Из Стамбула намечен перелет на Корфу, где Тихонин недавно приобрел жилье. Путешествие героев описано явно не фантазийно, а с точным знанием локаций, ландшафтов, видов, вкуса турецких блюд и напитков. Покончив с предысторией, автор больше не притормаживает сюжет, а постоянные перемещения героев на автомобиле и дующие на побережье ветра (о них, кстати, отдельный подробный разговор — вскоре появится персонаж-специалист по ветрам) придают роману высокую внутреннюю скорость. Как нынешнюю встречу Тихонина и Марии можно воспринимать только сквозь призму их юношеских отношений, так на пандемийную осень 2020 года дуют ветра времен античных. Эпиграф к роману — слова античного философа Страбона о счастье: «Полезность географии предполагает в географе также философа — человека, который посвятил себя изучению искусства жить, то есть счастья». И ведь именно таким, счастливым и жизнерадостным, автор стремится изобразить своего героя: «Несчастливая любовь, она же недостигнутая, оставшаяся в прошлом цель, она же навсегда упущенный смысл жизни, во всём прочем полной незавершенных свершений, — жалкая картина, если приглядеться, но никто из нас даже не смел вообразить Тихонина несчастным: как седина его сияла медью, так и весь он лучился радостью. И не было похоже, что быть счастливым он себя заставил силой убеждения, по примеру эпикурейцев, готовых радоваться жизни на дыбе. Тихонин был счастливым, потому что жил счастливо, потому что был счастливым по природе. Но о природе счастья он ни с кем из нас не рассуждал».

Вот только сонастроиться при чтении с этим счастливым (якобы) героем практически не получается: авторские умолчания не дают полноты и четкости образа, а поступки Тихонина и его категоричность вызывают не сочувствие, а недоумение. Посочувствовать хочется, скорее, Марии. Тихонин — успешный стартап-менеджер, ему интересно начать, но он не способен удержать и продолжить: «Почти во всех делах, которые Тихонин затевал по всем своим извилистым маршрутам на биваках и остановках, <...> или в одиночку, или на пару с кем-нибудь другим, всё у него получалось, и во всём намечалось продолжение; всё обещало крепко встать на ноги, однако ноги не хотели вставать крепко; их влекло невесть куда: Тихонин наспех вдруг сворачивался, собирал манатки и снимался с якоря затем лишь, чтобы непонятно где

начать с самого начала непонятно что. Его любое дело зацветало и цвело, а чтоб процвести и процветать — до этого не доходило: Тихонин исчезал, препоручив кому-нибудь из нас или совсем чужим возделанную им делянку...» Мария знает об этом его качестве и не питает иллюзий относительно возможного будущего их отношений. Показательная деталь: автомобиль в их поездке ведет преимущественно не Тихонин (накануне их встречи, он, нарушив правила, попытался удрать от турецких полицейских и лишился прав), а Мария, хотя ей этого и не хочется, но он упорно передает ей бразды правления. Тихонин вообще-то говорящая фамилия; для Марии он «мой Тихоня». Имя его прозвучит лишь дважды и сильно, громко режет своей неожиданностью.

Дуют древние ветра, герои гуляют по музею Трои, спорят о троянской войне, об Ахилле и Гекторе, о данайцах и троянцах; Тихонин превращается в Ахиллеса Медношлемного... Но на страницах сквозит: стоило ли историкам и археологам искать Трою? И в подтексте: стоило ли Тихонину искать Марию? Он как будто и не стремился её найти — скорее дал ей возможность найтись. Фактически Тихонин не стремился быть с Марией — он всегда хотел, чтобы она была с ним. (Упоминание о том, что Тихонин забыл спросить её девичью фамилию выглядит как авторский ляп, потому как вообразить, что в 70-е они переписывались и она приезжала к нему в колонию, куда он попал по нелепой случайности и был потом оправдан, и в лётное училище и не называла свою фамилию, ну никак не получается. Или как он находил её в университетском общежитии Свердловска, не зная фамилии?)

Во время их ключевого ночного разговора Тихонин проговаривает свое «тягостное недоумение» по поводу её отъезда в Америку сорок лет назад и демонстрирует свою (типичную для 70-х) советскую сентиментальную психологическую модель с установкой на светлое будущее: «Я чего-то ждал. Мне всю жизнь казалось, что моя жизнь ещё не началась». «Ты был трус», — ставит ему диагноз Мария. Порой создается впечатление, что Андрей Дмитриев старается превратить свой роман даже не в драму, а в высокую трагедию (недаром однажды в юности Тихонин стал постановщиком трагедии Шекспира «Тит Андроник»). Но Тихонин не тянет на шекспировского героя, как бы ни старался автор облагородить его то любовью к оперному пению, то изысканной страстью к каллиграфии. В отношениях с Марией (и не только с ней) Тихонин выглядит как романтический растяпа, не разбирающийся в женской психологии. «Нет, Тихоня, ты не изменился», — констатирует Мария. Драма «счастливого» Тихонина именно в этом: прошло сорок лет, а он не изменился; его жизненный урок не прожит, экзамен не сдан. Мария, как и прежде, готова приехать к нему, но он сам не дает шанса их отношениям. Он не слышит Марию и сосредоточен только на своих переживаниях и ощущениях; ему, например, в голову не приходит спросить её о детях (а они у неё есть). Он продолжает жить с её образом молоденькой девушки с длинной косой. И упорно не хочет видеть, что сам выхолостил свою жизнь, превратив её в маршрут: «...Кто-то из нас однажды повстречал Тихонина у движущейся ленты с багажом в одном из европейских аэропортов. Спросил, как жизнь.

— Это не жизнь, — ответил весело Тихонин... — Это один сплошной маршрут».

В эпилоге появляется слово «нелепость» и получает эпитет «необъяснимая». Собственно, это главное, что следует понять про жизнь Тихонина. Кульминация в аэропорту Стамбула дублирует ситуацию сорокалетней давности в Шереметьево, а неожиданный сюжетный поворот в финале и грустная развязка выглядят вполне логичными. Тихонина хотелось бы сравнить с Великим Гэтсби, но он, увы, не велик. Сравню его лучше с героем Евгения Водолазкина — Чагиным, который как раз смог (успел) измениться и обрести, пусть и недолгое, счастье с утраченной в молодости любимой женщиной. «Ветер Трои» может быть прочитан как история обмана, или как история мести, история, в которой жаль отнюдь не героя, но героиню. Впрочем, Мария любит не людей, а собак.

Борис Минаев

Гамлет

В эпоху переформатирования всего, очень часто хочется понять — где искать настоящее, не связанное с соцзаказом или «целевой аудиторией», ну вот, например: куда ходить в театр?

Почему-то кажется, что настоящий театр сейчас где-то в подвале, на закрытом показе, в лаборатории, в провинции, словом, до него ещё надо добратся, надо «знать места» и обладать паролем для входа.

Может быть, это и ложное ощущение, но...

«Я — Гамлет. Ошибка» (так, имя зачеркнуто) — спектакль студентов ГИТИСа под руководством режиссёра Татьяны Тарасовой (художественный руководитель курса Олег Кудряшов).

Пьеса родилась из учебных этюдов, каждый студент пытался найти для экзамена или курсовой работы своего Гамлета, написать свой монолог (или дуэт) и срежиссировать свою роль — сам.

И лишь потом стало ясно, что в этом и есть суть.

Спектакль идет пока раз в месяц на учебной сцене ГИТИСа, в старинном особняке в Большом Кисловском переулке, попасть на него сложно, места на странице спектакля в соцсетях исчезают с космической скоростью, и слух об этом угловатом, но удивительном «Гамлете» расходится среди театральных зрителей Москвы всё быстрее.

Можно ли будет посмотреть спектакль «кудряшей» через месяц, через два, в следующем сезоне, в следующем году — тоже пока непонятно, студенческий спектакль — это такая вещь, довольно непредсказуемая, что придает зрелищу дополнительную остроту.

С самого начала — и в программке, и в титрах, и со сцены — нас предупреждают, что это не классический текст Шекспира, и даже, что это совсем не Шекспир, но всё же шекспировских слов и сюжетов здесь достаточно, чтобы узнать родного принца датского. Дело в другом.

Сложившись воедино, реакции на «Гамлета» людей поколения 20+ дали неожиданный результат: получился спектакль о *невыносимости* наследства, об отказе, отторжении от всех принципов «гамлетовского» мироустройства: справедливого возмездия для злодеев, морального долга детей и даже бунтарской этики.

Гамлетов (как и Офелий) в спектакле, в сущности, два (Оливер Мара и Михаил Жаков), они разные, что логично, но не настолько, чтобы противоречить друг другу — объединяет их необузданный темперамент, фантастическое движение,

внутренняя энергия, готовая разрушить, размыть, снести рамки предложенной ситуации.

Пропустя говоря, оба Гамлета не хотят мстить, не хотят «вершить суд», выполнять «завет предков», принимать на веру «традиционные ценности» войны, политики, государства, власти, семьи, всего того, что пытается раздавить их только что начавшуюся жизнь.

Классическому Гамлету тоже тяжело быть «орудием справедливости», ему трудно в одиночку нести эту ношу, но сама ноша никогда не подвергается сомнению — отсюда и все его знаменитые на весь мир рефлексии.

Гамлет (Гамлеты) в учебном спектакле ГИТИСа воспринимают мир по-другому: вся эта ситуация кажется им нелепой, страшной ошибкой, это слово определяет спектакль и не случайно стоит в его названии.

Нужно ли воевать? — нет, не нужно. Нужно ли мстить? — нет, не нужно. Нужно ли убивать? — нет, не нужно.

И всё же, увы, уже написанный кем-то текст роли — заставляет.

Обреченность мира, в котором совершено предательство, и он скользнул на тропу войны, переживается ими со всей страстью молодого тела, молодого сознания, молодого характера. В спектакле очень много деталей, находок, «спектаклей внутри спектакля», он весь состоит из этого нелинейного, качающегося, взрывающегося импровизацией — другого взгляда на мир, непонятного взрослым.

Непонятного, потому что взрослые хотят, чтобы Гамлет был их наследником, был привычным, был тенью всех тысяч предыдущих Гамлетов, чтобы он делал «то, что в пьесе написано», а он не хочет.

Объяснить, как именно это получается у «кудряшей», на вербальном уровне довольно сложно — отказ от груза прошлых ценностей здесь происходит на уровне жестов, движений, глаз, какого-то внутреннего танца, который помогает сбросить это напряжение.

Но, конечно, слова тоже важны — и не случайно, что в тексте многого нет, а многое удивляет. Нет Горация, нет артистов и спектакля в спектакле, который для классического Гамлета служит чем-то вроде объявления войны — зато есть много новых слов, словечек, жестов, которыми молодые актеры-«кудряши» объясняют и мотивируют своих персонажей, и здесь, конечно, нужно обязательно отметить блестящих могильщиков (Дениса Лобанова и Эрнеста Моторкина), Офелий (Анастасию Весёлкину и Марию Чванову), и вообще всех актёров, занятых в этой «Ошибке».

Однако только своих дополнений и «словечек» для такого замысла, конечно, недостаточно — как извещает программка, «в спектакле использованы тексты произведений У.Шекспира, Х.Мюллера, И.Бергмана, Я.Фабра» (к слову сказать, именно фабровский монолог, в котором Гамлет осмысливает себя как ошибку природы, общества, судьбы, стал для спектакля важной несущей конструкцией).

Вообще «сдвиг» классической пьесы, её деконструкция с помощью изменения знакомой структуры и добавления в нее новых элементов — не то чтобы сенсация в современном театре.

Помню, как народный артист СССР Юрий Соломин ратовал за то, что осквернение классического театрального текста, его «порча», будь то опера или драматический спектакль, должны быть уголовно наказуемы. Уверен, с самыми лучшими побуждениями. Но идея эта опоздала — к тому времени на всех оперных сценах мира

уже шли спектакли Дмитрия Чернякова, например, где без новых обстоятельств и, соответственно, нового объясняющего текста, который, как правило, появляется титрами над сценой, — невозможно понять суть замысла.

Почему Гамлетов два? Зрители гадают: один — Гамлет-рефлексия, другой Гамлет-действие? Почему две Офелии? Одна — будущая мать, другая — страдающая дочь? Или отвергнутая любовница? Или все вместе?

На мой взгляд, смысл всех этих превращений в спектакле «Я — Гамлет. Ошибка» — совсем не в том, чтобы зритель распределил роли, прочертил в уме правильные схемы, или озаботился «идейным содержанием».

Скорее, наоборот, — задача в том, чтобы вместе со всеми ними плыть в потоке жизни. Вместе с Офелией, например, ездить на велосипеде. Вместе с Гамлетом танцевать брейк и носить в школьном ранце пепел отца, который неожиданно высыпается на сцену, вместе с могильщиками доставать из земли тарелки, чашки, фотографии покойников, слушать вместе с ними радио и пить кофе, вместе с Гильдернстерном и Розенкранцем — до ужаса бояться всех этих облеченных страшной властью людей и даже соглашаться на сделку с ними, тоже только из чистого страха.

Ключевое слово в спектакле — переживание.

Персонажи этого «Гамлета» («Гамлета») живут, а не готовятся к смерти и не совершают подвиг.

Именно поэтому главные слова в спектакле (совсем не шекспировские и написанные отнюдь не светилами мирового театра) — «как так получилось?». «У меня был дядя, я учился в университете...» — как заклинание повторяет Гамлет ещё и ещё раз. «У меня был дядя, я учился в университете... Как так получилось? У меня был дядя...» Ещё и ещё раз.

Сначала может показаться, что это жалкое бессилие перед внезапно наступившей взрослостью, попытка вернуть беззаботную, рутинную жизнь, в которой нет ответственности и поступков.

Но вскоре ты понимаешь, что это поколение приходит сюда, в нашу жизнь, — именно для того, чтобы вернуть в него норму, а не рутину, вернуть обычную жизнь, вопреки смерти, отвоевать человеческое у железных мечей и рыцарских доспехов.

И эта поколенческая история вдруг звучит в спектакле кудряшовского курса очень мощно.

Надеюсь, мы ещё увидим этого «Гамлета» в каком-то из больших, «взрослых», театров — ну а пока стоит попробовать попасть и на эту студенческую сцену.

«Аркаим»

Читка пьесы Ксении Адамович с этим названием прошла в Зверевском центре для немногочисленной публики — как обкатка драматургического материала, как эскиз спектакля, который, возможно, когда-нибудь состоится. Однако сама пьеса (прекрасно, кстати, прочитанная актёрами Русланом Маликовым, Мариной Клещевой, Мариной Ганах, Александром Калугиным, Александром Весной, Ольгой Евсеевой и Давидом Гугуляном) поразила и материалом, и мыслью. Так что стоит о ней написать, и хочется, чтобы зритель её увидел в театре.

Старость, судьба человека в старости, деменция, распад сознания, уход в забвение, что делать с такими людьми, как с ними жить, ответственность детей —

сама по себе тема не новая, и давно стала очень заметной в современной драматургии (Флориан Зелер, пьеса «Отец», например, в «Современнике» она идет под названием «Папа»), потом забралась в современные сериалы, очень сильно прозвучала в российской литературе в романе Евгения Чижова «Собиратель рая».

Но Ксения Адамович впервые внесла в эту тему личное, пережитое — и поставила уже ставший каноническим сюжет (а вернее, сюжеты, стариков в пьесе несколько) в гущу российской жизни. Дорогой и при этом довольно бесчеловечный приют для стариков, сиделка, приехавшая из Молдавии (хочется написать — прекрасная роль Марины Клещевой, но это пока не роль, эскиз), бывший военный, бредящий о Советском Союзе. Во всех деталях, во всех интонациях, в лексике — наша жизнь, только наша и не чья-то ещё.

А проблема-то — общемировая, с которой может столкнуться каждый, независимо от места проживания, возраста.

Что такое этот мир прошлого, в который они погружаются? Должны ли мы на него покушаться и его разрушать? Для чего нам послано это испытание?

Тут нет и не может быть прямых ответов. Но то, что вопросы заданы, с такой болью и так честно, — само по себе прекрасно.

Я бы очень хотел, чтобы оба этих спектакля увидели свет в настоящем театре, на большой сцене или на малой, не важно. Театр нужно менять, и менять изнутри, а не снаружи, «укрупняя» театры или тасуя репертуар.

Для этого стоит почаще ходить на студенческие спектакли, читки и некоммерческие постановки. И не только критикам.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ДРУЖБА НАРОДОВ» ЗА 2024 ГОД

Авторы «ДН» (№№ 1—12)

АБДУЛЛАЕВ Евгений II, III, IV, VI, VIII, X, XI	БОРОТЫНЦЕВ Пётр VI
АЗАРЕНКОВ Антон III	ВЫСОЦКИЙ Владимир I
АЛБУЛ Елена IV	
АЛЕКСАНДРОВ Николай II	ГАДЖИЕВА Марина V
АЛЕКСАНДРОВА Мария IX	ГАЗИЗОВ Ринат II
АЛЕКСЕЕВА Наталия V	ГАНДЕЛЬСМАН Владимир I
АЛЁХИН Алексей IV, VII, XI	ГАСИН Дмитрий XI
АМАНСАХАТОВ Мухамметгулы IX	ГОЛОВАНОВ Василий X
АНДРЕЕВА Дарья IV	ГОНЧУКОВ Арсений I
АННИНСКИЙ Лев IV	ГОРИН Егор IV
АНТИПОВА Елена X	ГРАДСКАЯ Вита XI
АРАБОВ Юрий V	ГРИНЕВСКИЙ Александр, XI
АРБУЗОВА Галина IV	ГРИНЬКОВ Владимир XII
АРЕТКУЛОВА Зайтуна V	ГУРЕЕВ Максим V
АРИШИНА Наталья IV	ГУЭРРА Тонино IX
АСИМ Заир III	
АФЛАТУНИ Сухбат V	
	ДАВЫДЕНКО Мария VI
БАКИРОВА Наталья XI	ДАШЕВСКАЯ Нина XI
БАЛИН Денис VII	ДЕВШ Ольга II
БАЛЛА Ольга I, III, VI, V, VII, VIII, IX, X, XI	ДОЛГАРЕВА Анна VIII
БАРАБАНОВА Ирина VIII	ДУБРОВСКАЯ Алла VI
БАРАНОВА Евгения Джен III	ДЬЯЧКОВ Алексей IV
БЕЛОЕДОВА Наталья VI	
БЕЛОЗЁРОВ Андрей XII	ЕМЕЛЬЯНЕНКО Владислав VIII
БЕССОНОВА Мирослава XI	ЕРМАКОВ Олег IV
БЕСФАМИЛЬНАЯ Надежда V	ЕРМОЛИН Антон VIII
БОБЫЛЕВ Дмитрий VIII	ЕРМОЛОВИЧ Елена V
БОДРОВА Елена IV	ЕРОФЕЕВСКАЯ Марина IV
БРУЙ Александра XII	
БУЛКАТЫ Игорь, XII	ЖЕЛЕЗНЯК Николай VIII
БУНИМОВИЧ Евгений V	ЖУРАВЛИ Евгений II
БУРОВ Алексей III, VI	
БУШУЕВА Мария I, V	ЗАБОРЦЕВА Варвара I, IX, XI
БЫКОВ Василь VI	ЗАТОНСКАЯ Мария VIII
	ЗВЕРЕВА Яна V
ВАЛЕВСКИЙ Анатолий, XII	ЗОЛОТАРЁВ Сергей VII
ВАРАКСИН Сергей V	ЗУБАРЕВА Вера VI
ВАРКЕНТИН Олеся V	
ВАСИЛЬЕВА Светлана IX	ИВАНОВ Алексей VIII, IX
ВАСЬКИН Александр V	ИВАНОВА Ольга VII
ВЕРГЕЛИС Александр XII	ИВАНУШКИНА Полина VII
ВЕРЕТЕНОВА Татьяна VIII, XII	ИГНАТЬЕВА Мария X
ВЕРКИН Эдуард XI	ИГРУНОВА Наталья VI
ВЕРЯСОВА Дарья VIII	ИСАКЖАНОВ Дмитрий III, XI
ВЕТРОВ Борис IV	ИСТОМИНА Ольга II
ВЛАСОВ Герман IV	
ВОЛКОВА Светлана V, XI	КАЙДАШ Михаил V
ВОЛОС Андрей I, VII	КАЛАШНИКОВ Геннадий VI
ВОЛОСЮК Иван V	КАЛМЫКОВА Вера II, VI, X
ВОЛОШИНА Инна VIII	КАЛУГИНА Екатерина IX
ВОЛЫНСКАЯ Елизавета X	КАМАЛЕТДИНОВА Лилия, XI
ВОРОПАЕВА Анна I	КАМИНСКИЙ Евгений IX
	КАН Александр II

КАПУСТИНА Евфросиния V, X	НЕВОЛОШИН Макс IX
КАСЬКО Игорь IX	НИКОЛАЕВА Олеся VI
КАТАЕВА-АРАБОВА Ольга V	НИКОЛАЕНКО Саша VII, XI
КЕЛАРЕВА Надежда II	НУРОВ Владимир X
КИРАКОСОВ Артём VI	
КИРОВ Александр I	О.КАМОВ II
КЛЕХ Игорь I	ОКУДЖАВА Булат V
КНЯЗЕВ Григорий I, II	ОРЛОВ Александр X
КНЯЗЕВА Дарья V	ОРЛОВА-МАРКГРАФ Нина VIII
КОЖАТАЕВА Сауле X	
КОЗЛОВ Владимир VIII	ПАВЛОВА Татьяна V 188
КОЛЕСНИКОВ Алексей I, XII	ПАВЛОВЕЦ Михаил VIII
КОЛЧИН Денис V	ПАВЛОВСКАЯ Анна VII
КОМАРОВ Константин XI	ПАГЫН Сергей I
КОНОВАЛОВ Евгений X	ПАНКРАТОВ Владимир VI, XII
КОНОНОВ Николай IX	ПАНФИЛОВА Алёна IX
КОРНИЕНКО Игорь VII	ПАТРОНОВА Валентина XII
КРАЕВА Ирина XI	ПАУСТОВСКИЙ Константин IV
КРЫМОВА Наталья V	ПЕРМЯКОВ Андрей II, V
КРЮКОВА Елена II	ПЕРОВА Марина XI
КУЗНЕЦОВ Игорь, XII	ПИСКУНОВ Валерий VI
КУЗНЕЦОВА Юлия XI	ПОДОСОКОРСКИЙ Николай I, III, V
КУРАПЦЕВ Александр VIII	ПОЛИЩУК Виктория VIII
КУРБАТОВ Валентин IX	ПОНОМАРЁВ Николай XI
КУТЕЙНИКОВА Наталья XI	ПОПОВ Сергей III
КУТЕНКОВ Борис I, X	ПРАШКЕВИЧ Геннадий III, VI
	ПРОЗОРОВ Илья X
ЛЕЖНЕВА Гульназ II	ПРОХОРОВА Людмила XI
ЛЕОНТЬЕВ Артемий IX	ПРУДНИКОВ Сергей V
ЛЕПИШЕВА Елена I	ПУСТОВАЯ Валерия I, XI
ЛИДСКИЙ Владимир III, XI	ПЯТКОВ Александр XI
ЛИДВАЛЬ Надежда X	
ЛИМОНОВ Эдуард IV	РАЙЦ Дмитрий VIII
ЛОМОВЦЕВ Андрей II, X	РАНТОВИЧ Михаил II
	РАХАЕВА Юлия VIII
МАЗУРЕНКО Марина II	РОМАНОВ Борис VII
МАКАРЕВИЧ Елизавета III	РЫЖЕНКО Валерий I
МАКАРОВ Иван IX	
МАКСЮТОВ Тимур VIII	САЖИНА Ольга XII
МАЛЫШЕВ Игорь VI	САЛАМАТОВ Урмат VI
МАЛЫШЕВ Михаил IX	САЛИМОН Владимир I
МАЛЫЦЕВ Сергей V	САЛТАНОВА Наталья X, XI
МАРИНИЧЕВ Родион II	САЛЬНИКОВА Елена XI
МАРКИНА Анна XI	САМСОНОВ Сергей I
МАРКОВ Александр I, VII	САНБЕРГ Юрий XII
МАХНЁВ Александр VIII	САРЬЯН Катарина III
МЕЛИХОВ Александр III	САФАРОВ Мехти VI
МИЗАРАС Вилус II	САФРОНОВА Елена I, V
МИЛЛЕР Лариса IV	СВЕТЛИЧНАЯ Диана III, IX
МИНАЕВ Борис I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII	СЕРГЕЕВ Максим IX
МИТРОФАНОВА Алина VIII	СИМБИРЕВ Максим, XII
МИХАЙЛОВА Ася II	СИМОНОВ Эдуард XII
МИХАЙЛОВА Полина XI	СИМОНЯН Бабкен II
МОРГУНОВ Кирилл V	СИЧКАРЬ Ольга VIII
	СОРОКОЛЕТОВА Екатерина V

СТАНКЕВИЧ Никита XI	ЦИРУЛЬНИКОВ Анатолий XI
СТЕПАНОВ Евгений VI	ЧАНЦЕВ Александр I, III, VI, IX, XI, XII
СЫРЦОВА Наталья I	ЧЕЧИК Феликс II
ТАДТАЕВ Тамерлан XII	ЧИГРИН Евгений I
ТАЖИ Айгерим IX	ЧИЖОВ Евгений V
ТАРИЛОВА Елена II	
ТКАЧУК Денис V	ШАКАРЯН Константин II
ТОПОРОВА Аглая I	ШАКИРОВ Марат X
ТРЕНИН Владимир VII	ШАПИРО Адольф VII
ТРИБУШНЫЙ Дмитрий V	ШАПОШНИКОВА Татьяна VIII
ТРИФОНОВА Анастасия XI	ШВАРЁВА Алёна XI
ТРОФИМЧУК Елена IV	ШЕВАРОВ Дмитрий IX
	ШЕВЧЕНКО Вячеслав V
УЛЬЯНОВА Яна XI	ШЕВЧЕНКО Ганна X
УСЫСКИН Лев IV	ШУБИНСКИЙ Валерий X
	ШУМАРА Елена XII
ФАИЗ Рузаль XI	
ФАЛИКОВ Илья II, III	ЭБАНОИДЗЕ Александр VIII
ФАМИЦКИЙ Андрей IX	
ФИТИСОВА Лидия, XII	
ФРОЛОВА Елена XII	ЮСУПОВА Диляра IX
ФРУМКИН Константин IV	
	ЯЖМИНА Яна V
ХАИРОВ Адель VIII	ЯМЩИКОВ Кирилл I, X, XII
ХАИТ Валерий IV	ЯРУШИНА Татьяна V 191
ХАКУШЕВА Мадина VI	
ХАСАНОВА Гаухар XI	

№ Стр.

ПРОЗА**романы, повести, рассказы**

АЛБУЛ Елена. Экспертиза. <i>Рассказ</i>	IV, 138
АНДРЕЕВА Дарья. Рассказы	IV, 108
АНТИПОВА Елена. Что, нам теперь и чуда не полагается? <i>Два рассказа</i>	X, 138
БАКИРОВА Наталья. Концерт для комара с оркестром. <i>Повесть</i>	XI, 74
БАРАБАНОВА Ирина. Когда Бог смотрит в микроскоп. <i>Невероятно-вероятные истории из жизни землян</i>	VIII, 154
БЕЛОЗЁРОВ Андрей. Пепармонтка. <i>Рассказ</i>	XII, 164
БОДРОВА Елена. Имитация. <i>Роман</i>	IV, 8
БРУЙ Александра. Пропущенные от мамы. <i>Псевдодокументальная повесть</i>	XII, 142
БУЛКАТЫ Игорь. Хвелиандро. Обратный взгляд. <i>Рассказ</i>	XII, 122
БЫКОВ Василь. Долгая дорога домой. <i>Отрывки из книги. С белорусского.</i> <i>Перевод Натальи Игруновой</i>	VI, 195
БЫКОВ Василь. Знак беды. <i>Главы из повести. С белорусского.</i> <i>Перевод автора</i>	VI, 204
ВАЛЕВСКИЙ Анатолий. Быть Аннетой. <i>Рассказ</i>	XII, 184
ВАРАКСИН Сергей. Гогель-могель. <i>Рассказ</i>	V, 143
ВАРКЕНТИН Олеся. Нурия апа. <i>Рассказ</i>	V, 152

	№	Стр.
ВАСЬКИН Александр. Булат Окуджав: «И расцветёт Москва от погребов до крыш»	V,	202
ВЕРГЕЛИС Александр. Заклинательница змей. <i>Рассказ</i>	XII,	133
ВЕТРОВ Борис. Максимов и Марц. <i>Рассказ</i>	IV,	180
ВОЛКОВА Светлана. Палец. <i>Рассказ</i>	V,	126
ВОЛОС Андрей. Персей. <i>Роман</i>	VII,	6
ВОЛОС Андрей. Рассказы	I,	78
ВОЛОШИНА Инна. Три рассказа	VIII,	119
ВОЛЫНСКАЯ Елизавета. Маша, тени и метро. <i>Рассказ</i>	X,	107
ВОРОТЫНЦЕВ Пётр. Пост в запрещённой соцсети. <i>Рассказы</i>	VI,	169
ГАЗИЗОВ Ринат. Тело ЧОПа. <i>Рассказ</i>	II,	104
ГОНЧУКОВ Арсений. Над городом Горьким. <i>Повесть</i>	I,	7
ГОРИН Егор. «И жизнь глупая, если подумать...» <i>Два рассказа</i>	IV,	151
ГРАДСКАЯ Вита. Му-му и Ко-ко. <i>Рассказ</i>	XI,	148
ГРИНЕВСКИЙ Александр. Хлябово. <i>Повесть</i>	XI,	9
ГУРЕЕВ Максим. Платформа Пионерская. <i>Повесть</i>	V,	93
ДАВЫДЕНКО Мария. Два рассказа	VI,	185
ДУБРОВСКАЯ Алла. Дракоша и дешёвый самохвал. <i>Рассказ</i>	VI,	124
ЕРМОЛИН Антон. Что-то новое в глазах, или Сын, отец и маменька. <i>Рассказ</i>	VIII,	166
ЕРМОЛОВИЧ Елена. Гогорю-91. <i>Повесть</i>	V,	6
ЖЕЛЕЗНЯК Николай. Найти проходимца. <i>Рассказы</i>	VIII,	90
ЖУРАВЛИ Евгений. Сарлма. <i>Рассказ из сборника «Афганский словарь»</i>	II,	174
ИВАНОВ Алексей. Крестословица, или Прогулки с тенью диктатора. <i>Роман</i> ...	VIII,	3
.....	IX,	42
ИВАНУШКИНА Полина. Пять рассказов о любви	VII,	150
ИСАКЖАНОВ Дмитрий. Проскинитарий. <i>Роман. Продолжение</i>	III,	9
ИСАКЖАНОВ Дмитрий. Античный сюжет. <i>Повесть</i>	X,	7
КАЙДАШ Михаил. Два рассказа	V,	146
КАМАЛЕТДИНОВА Лилия. Моменты нормальности. <i>Рассказ</i>	XI,	163
КАМИНСКИЙ Евгений. Поросёнок, петушок и весь этот ужас. <i>Повесть</i>	IX,	6
КАМОВ О. Как Гагарин. <i>Рассказы</i>	II,	130
КАН Александр. Бешеный жених. <i>Отрывок из романа «Треугольная Земля»</i> ..	II,	7
КИРОВ Александр. Где-то рядом Карма. <i>Рассказы</i>	I,	54
КОЖАТАЕВА Сауле. Эльза в стране Абралы. <i>Рассказ</i>	X,	147
КОЛЕСНИКОВ Алексей. Мой первый, второй, третий и последующие обстрелы. <i>Рассказ</i>	I,	104
КОЛЕСНИКОВ Алексей. Рассказы	XII,	51
КОЛЧИН Денис. Позвоните майору Кебедову. <i>Рассказ</i>	V,	80
КОНОВАЛОВ Евгений. В посудной лавке мира. <i>Стихи</i>	X,	77
КОНОНОВ Николай. Простодушный балет, или Счастливая Люда. <i>Рассказы</i> ..	IX,	126
КОРНИЕНКО Игорь. Нечеловеческая любовь. <i>Рассказы</i>	VII,	120
КРАЕВА Ирина. Мама ангела. <i>Маленькая повесть</i>	XI,	48
КУЗНЕЦОВ Игорь. Спички от Егорыча, или Как Петя стал Кузнечиком. <i>Рассказ</i> ..	XII,	88
ЛЕЖНЕВА Гульназ. Бабай. <i>Рассказ</i>	II,	167
ЛЕОНТЬЕВ Артемий. Рассказы	IX,	170

	№	Стр.
ЛИДВАЛЬ Надежда. И правда возможно... <i>Рассказы</i>	X,	81
ЛИДСКИЙ Владимир. Мёртвый живой. <i>Рассказ</i>	III,	111
ЛОМОВЦЕВ Андрей. Баба Зина. <i>Рассказ</i>	II,	144
ЛОМОВЦЕВ Андрей. Счастье и печаль тётушки Оли. <i>Рассказ</i>	X,	95
МАКАРЕВИЧ Елизавета. Искусство аранжировки цветов. <i>Рассказ</i>	III,	125
МАКСЮТОВ Тимур. Два рассказа	VIII,	133
МАЛЫШЕВ Игорь. Певчая птица. <i>Рассказы</i>	VI,	162
МАЛЫШЕВ Михаил. Заказ. <i>Рассказ</i>	IX,	186
МАЛЬЦЕВ Сергей. Маша, Медвед и воздушная тревога. <i>Рассказ</i>	V,	136
МЕЛИХОВ Александр. Завещание осла. <i>Повесть</i>	III,	92
МИХАЙЛОВА Ася. Миф о сотворении мира. <i>Рассказ</i>	II,	70
МИХАЙЛОВА Полина. Шрифт Брайля. <i>Рассказы</i>	XI,	99
НЕВОЛОШИН Макс. Ты или я. <i>Рассказ</i>	IX,	155
НИКОЛАЕНКО Саша. Райок. <i>Рассказы</i>	VII,	162
НУРОВ Владимир. Черноголовый. <i>Фрагмент романа. С калмыцкого.</i> <i>Перевод Геннадия Калашникова</i>	X,	155
ОКУДЖАВА Булат. «Я вернулся с фронта...» <i>Рассказы</i>	V,	217
ПАНКРАТОВ Владимир. В конце аллеи. <i>Рассказы</i>	XII,	66
ПЕРОВА Марина. Ёлка. <i>Рассказ</i>	XI,	134
ПISKУНОВ Валерий. Меж гор Бештау и Железной. <i>Рассказ</i>	VI,	143
ПРОЗОРОВ Илья. Давай смотреть в окно. <i>Рассказ</i>	X,	120
ПРУДНИКОВ Сергей. Испупление. <i>Рассказ</i>	V,	114
РАЙЦ Дмитрий. моменты усталости и любви. вторая тетрадь. <i>короткие истории</i>	VIII,	109
РЫЖЕНКО Валерий. Мимолёт. <i>Рассказ</i>	I,	135
САЖИНА Ольга. Повесть о времени и пространстве. <i>В двух рассказах</i>	XII,	8
САЛАМАТОВ Урмат. Дуккха. <i>Повесть</i>	VI,	81
САЛТАНОВА Наталья. <i>Рассказы</i>	X,	129
САФАРОВ Мехти. Никто не умрёт. <i>Страницы из романа</i>	VI,	177
СВЕТЛИЧНАЯ Диана. <i>Рассказы из цикла «Искажения»</i>	III,	145
СИМБИРЕВ Максим. Структура безумия. <i>Два рассказа</i>	XII,	110
СИМОНОВ Эдуард. Лишь ветер и металл. <i>Рассказы</i>	XII,	97
СИЧКАРЬ Ольга. Азиза. <i>Рассказ</i>	VIII,	160
ТАДТАЕВ Тамерлан. Адреналин. <i>Два рассказа</i>	XII,	77
ТРЕНИН Владимир. Гришина осень. <i>Рассказ</i>	VII,	173
ТРОФИМЧУК Елена. История одного дня. <i>Рассказ</i>	IV,	125
УСЫСКИН Лев. Два рассказа	IV,	166
ФАИЗ Рузаль. Прыгун. <i>Рассказ. С татарского. Перевод Гаухар Хасановой</i>	XI,	115
ФИТИСОВА Лидия. Филипок. <i>Рассказ</i>	XII,	178
ХАИРОВ Адель. Месть. <i>Рассказ</i>	VIII,	82
ХАКУАШЕВА Мадина. Страна Насып. <i>Повесть</i>	VI,	9
ЧИЖОВ Евгений. Кровь и судьба. <i>Рассказ</i>	V,	53
ШАКИРОВ Марат. Семёнов. <i>Рассказ</i>	X,	113
ШАПОШНИКОВА Татьяна. Тот, кто сильнее. <i>Рассказ</i>	VIII,	142
ШВАРЁВА Алёна. Аля. <i>Рассказ</i>	XI,	156
ЮСУПОВА Диляра. Три оттенка красного. <i>Триплет рассказов</i>	IX,	178

№ Стр.

ВАСИЛЬ БЫКОВ. 100+

- «Осенью 43-го присвоили звание младшего лейтенанта».
Вступительная заметка Натальи Игруновой VI, 195
- золотые страницы «дн»**
 Василь БЫКОВ. Долгая дорога домой. *Отрывки из книги. С белорусского.*
Перевод Натальи Игруновой VI, 196
- Василь БЫКОВ. Знак беды. *Главы из повести. С белорусского.*
Перевод автора VI, 204

ОКУДЖАВА. 100+

- ВАСЬКИН Александр. Булат Окуджавы:
 «И расцветёт Москва от погребов до крыш» V, 202
- золотые страницы «дн»**
 ОКУДЖАВА Булат. «Я вернулся с фронта...» *Рассказы* V, 217
- КРЫМОВА Наталья. Свидание с Окуджавой (Б. Окуджавы. «Стихотворения») V, 234
- ПОДОСОКОРСКИЙ Николай. Громадная тень корсиканского гения.
Наполеоновский миф в романе Булата Окуджавы «Свидание с Бонапартом» V, 242

ПРОЗА. ДОС

- КЛЕХ Игорь. Корсо I, 146
- САРЬЯН Катарина. Мой вернисаж III, 167
- ЦИРУЛЬНИКОВ Анатолий. Записки немолодого отца XI, 183

МАЛЕНЬКИМ КАРАНДАШОМ

- АЛЁХИН Алексей. Варькин альбомчик XI, 209
- ИСАКЖАНОВ Дмитрий. Призрак смородинового куста. *Рассказ* XI, 223
- ПРОХОРОВА Людмила. Письмо из прошлого. *Рассказ* XI, 216
- ПЯТКОВ Александр. Первое марта. *Из книги «Махрам»* XI, 219
- САЛТАНОВА Наталья. Собака по имени Жаклин. *Рассказ* XI, 227
- УЛЬЯНОВА Яна. Два рассказа XI, 212

ДРУГАЯ ОПТИКА

- ЧАНЦЕВ Александр. Запечатления XI, 173

ЗОЛОТЫЕ СТРАНИЦЫ «ДН»

- АННИНСКИЙ Лев. «Комментарий оставляю читателям...» IV, 224
- БЫКОВ Василь. Долгая дорога домой. *Отрывки из книги. С белорусского.*
Перевод Натальи Игруновой VI, 195
- БЫКОВ Василь. Знак беды. *Главы из повести. С белорусского.*
Перевод автора VI, 204

№ Стр.

ВЫСОЦКИЙ Владимир. «Как корабли из песни». Стихи.	
<i>Вступительное слово Андрея Вознесенского</i>	I, 172
ГОЛОВАНОВ Василий. Эпоха рок-н-ролла	X, 213
ГУЭРРА Тонино. Пепел. <i>С итальянского. Перевод Алёны Панфиловой</i>	IX, 199
КРЫМОВА Наталья. Свидание с Окуджавой (Б.Окуджава. «Стихотворения») ...	V, 234
МИЗАРАС Вилюс. Из книги «Амаркорды». <i>С литовского. Перевод автора</i>	II, 181
ОКУДЖАВА Булат. «Я вернулся с фронта...» <i>Рассказы</i>	V, 217
ПАУСТОВСКИЙ Константин. Золотая роза. <i>Книга вторая.</i>	
<i>Публикация и комментарий Галины Арбузовой</i>	IV, 209
ШАПИРО Адольф. Как закрывался занавес. <i>Главы из книги</i>	VII, 189
ЭБАНОИДЗЕ Александр. Дом на горе	VIII, 177

ПОЭЗИЯ

стихи и переводы

АЛЕКСАНДРОВА Мария. Поодиночке. Стихи	IX, 197
АЛЕКСЕЕВА Наталия. Андрей Рублёв, «Благовещение». Стихи	V, 185
АРАБОВ Юрий. Звезда Ништяк. Стихи	V, 199
АРИШИНА Наталья. Мне странный лик явило счастье. Стихи.	
<i>Публикация и вступительное слово Ильи Фаликова</i>	IV, 162
АСИМ Заир. На берегу солёного времени. Стихи	III, 155
АФЛАТУНИ Сухбат. Будет свет. Стихи	V, 3
БАЛИН Денис. Лирический герой. Стихи	VII, 147
БАРАНОВА Евгения Джен. Креозот. Стихи	III, 121
БЕЛОЕДОВА Наталья. Память это не камни. Стихи	VI, 122
БЕССОНОВА Мирослава. Спуск в тартарары. Стихи	XI, 71
БЕСФАМИЛЬНАЯ Надежда. Где светла небесная иордань. Стихи	V, 140
БОБЫЛЕВ Дмитрий. Ждущим, любимым и прочим. Стихи	VIII, 171
БРУШТЕЙН Ян. Плацкартные стихи	XII, 139
ВЕРЯСОВА Дарья. Память о Кавказе. Стихи	VIII, 106
ВЛАСОВ Герман. Над замёрзшим озером воды. Стихи	IV, 135
ВОЛНЕНКО Надежда. Белая клинопись на снегу. Стихи	XII, 74
ВОЛОСЮК Иван. Губительные дни. Стихи	V, 111
ГАДЖИЕВА Марина. Рене Магритт, «Ясновидение». Стихи	V, 186
ДОЛГАРЕВА Анна. И вода живая, и земля тоже живая. Стихи	VIII, 78
ДЬЯЧКОВ Алексей. В этой комнате, в городе, в космосе. Стихи	IV, 3
ЕМЕЛЬЯНЕНКО Владислав. ...где жизнь и смерть сосны. Стихи	VIII, 172
ЕРОФЕЕВСКАЯ Марина. Грейпфрутовый закат. Стихи	IV, 104
ЗАБОРЦЕВА Варвара. За красными гаражами. Стихи	IX, 39
ЗАТОНСКАЯ Мария. Выходные жизни. Стихи	VIII, 130
ЗВЕРЕВА Яна. Поль Сезанн, «Натюрморт с корзиной яблок». Стихи	V, 186
ЗОЛОТАРЁВ Сергей. Птица — родина кольца. Стихи	VII, 3
ЗУБАРЕВА Вера. Письмо домой. Стихи	VI, 160
ИВАНОВА Ольга. Январским этим летом. Стихи	VII, 117
ИГНАТЬЕВА Мария. Колыбель родимой речи. Стихи	X, 117
КАЛМЫКОВА Вера. Во времена всегда последние. Стихи	X, 152

	№	Стр.
КАЛУГИНА Екатерина. Единым стежком. <i>Стихи</i>	IX,	196
КАПУСТИНА Евфросиния. По большой воде. <i>Стихи</i>	V,	160
КАСЬКО Игорь. Мир воскреснет. <i>Стихи</i>	IX,	152
КНЯЗЕВ Григорий. Длинных волн сердцебиенье. <i>Стихи</i>	I,	142
КНЯЗЕВА Дарья. Винсент Ван Гог, «Звёздная ночь». <i>Стихи</i>	V,	187
КОЗЛОВ Владимир. Прожорливая почва. <i>Фрагменты чистого поля</i>	VIII,	151
КОМАРОВ Константин. Из цикла «Стихи о русских поэтах»	XI,	3
КОНОВАЛОВ Евгений. В посудной лавке мира. <i>Стихи</i>	X,	77
КОНОВАЛОВ Иван. Земная сила. <i>Стихи</i>	XII,	3
КУРАПЦЕВ Александр. Во времени дыра. <i>Стихи</i>	VIII,	173
ЛАРИНА Тая. Дети Дикого ангела. <i>Стихи</i>	XII,	191
ЛИМОНОВ Эдуард. Последние стихи. <i>Вступительное слово Алексея Алёхина</i> IV,		197
МАЗУРЕНКО Марина. Весело гореть. <i>Стихи</i>	II,	179
МАЗУРЕНКО Марина. Питер Брейгель Старший, «Безумная Грета». <i>Стихи</i>	V,	187
МАКАРОВ Иван. Остановка каравана. <i>Стихи</i>	IX,	123
МАРИНИЧЕВ Родион. Пока не иссяк хлорофилл. <i>Стихи</i>	II,	140
МИЛЛЕР Лариса. Слова всё те же ключевые. <i>Стихи</i>	IV,	195
МИТРОФАНОВА Алина. <i>Стихи</i>	VIII,	175
МОРГУНОВ Кирилл. Питер Брейгель, «Зимний пейзаж с конькобежцами и ловушкой для птиц». <i>Стихи</i>	V,	187
НИКОЛАЕВА Олеся. Притча. <i>Стихи</i>	VI,	3
ОРЛОВ Александр. Взросленья чёткие отметки. <i>Стихи</i>	X,	182
ПАВЛОВА Татьяна. Ирина Букоткина, «Лотосы». <i>Стихи</i>	V,	188
ПАВЛОВСКАЯ Анна. Огненный леденец. <i>Стихи</i>	VII,	170
ПАГЫН Сергей. Зима в провинции огромна. <i>Стихи</i>	I,	3
ПАНКРАТОВ Владимир. На пределе сердца и рассудка. <i>Стихи</i>	VI,	77
ПЕРОВА Марина. Василий Кандинский, «Композиция VII» . <i>Стихи</i>	V,	189
ПОПОВ Сергей. Где ангельский голос над пеклом земли. <i>Стихи</i>	III,	3
РАНТОВИЧ Михаил. О трепете и о превратности жизни. <i>Стихи</i>	II,	68
РОМАНОВ Борис. Где цветёт Иван-да-Марья. <i>Стихи</i>	VII,	187
САЛИМОН Владимир. Цепочка превращений. <i>Стихи</i>	I,	49
САЛЬНИКОВА Елена. Внезапная высота. <i>Стихи</i>	XI,	96
СЕРГЕЕВ Максим. И всё вокруг живое. <i>Стихи</i>	IX,	194
СИДЕЛЬНИКОВ Павел. Придаточные корни чуда. <i>Стихи</i>	XII,	189
СИМОНЯН Бабкен. Я восходил на Арарат. <i>Стихи. С армянского.</i> <i>Перевод Константина Шакаряна</i>	II,	101
СОРОКАЛЕТОВА Екатерина. Антон Фролов, проект «Леандр». <i>Стихи</i>	V,	189
СТАНКЕВИЧ Никита. Любил далёкую звезду. <i>Стихи</i>	XI,	171
СТЕПАНОВ Евгений. Родные лица. <i>Стихи</i>	VI,	192
ТАЖИ Айгерим. Раздвигая материю. <i>Стихи</i>	IX,	166
ТКАЧУК Денис. Иван Глазунов, «Улица». <i>Стихи</i>	V,	189
Трибушный Дмитрий. Костры, невидимые миру. <i>Стихи</i>	V,	78
ТРИФОНОВА Анастасия. Пока мелодия тверда. <i>Стихи</i>	XI,	131
ФАЛИКОВ Илья. Форточка в Москву. <i>Стихи</i>	III,	87
ФАМИЦКИЙ Андрей. Грязное белое. <i>Стихи</i>	IX,	3
ЧЕЧИК Феликс. Под звуки и разрывы сердец. <i>Стихи</i>	II,	3

	№ Стр.
ЧИГРИН Евгений. Машина-сердце. Стихи	I, 100
ШАКАРЯН Константин. Читать судьбу по букварю. Стихи	II, 99
ШЕВЧЕНКО Вячеслав. Рене Магритт, «Это не трубка». Стихи	V, 190
ШЕВЧЕНКО Ганна. Поющий снег. Стихи	X, 3
ЯЖМИНА Яна. Питер Клас, «Ванитас со скрипкой и хрустальным шаром». Стихи	V, 190
ЯРУШИНА Татьяна. Джон Уильям Уотерхаус, «Душа розы». Стихи	V, 191

ВЕРНИСАЖ

Стихи, картины, QR-код V, 185	
АЛЕКСЕЕВА Наталия. Андрей Рублёв, «Благовещение». Стихи	V, 185
ГАДЖИЕВА Марина. Рене Магритт, «Ясновидение». Стихи	V, 186
ЗВЕРЕВА Яна. Поль Сезанн, «Натюрморт с корзиной яблок». Стихи	V, 186
КНЯЗЕВА Дарья. Винсент Ван Гог, «Звёздная ночь». Стихи	V, 187
МАЗУРЕНКО Марина. Питер Брейгель Старший. «Безумная Грета». Стихи	V, 187
МОРГУНОВ Кирилл. Питер Брейгель, «Зимний пейзаж с конькобежцами и ловушкой для птиц». Стихи	V, 187
ПАВЛОВА Татьяна. Ирина Букоткина, «Лотосы». Стихи	V, 188
ПЕРОВА Марина. Василий Кандинский, «Композиция VII» . Стихи	V, 189
СОРОКОЛЕТОВА Екатерина. Антон Фролов, проект «Леандр». Стихи	V, 189
ТКАЧУК Денис. Иван Глазунов, «Улица». Стихи	V, 189
ШЕВЧЕНКО Вячеслав. Рене Магритт, «Это не трубка». Стихи	V, 190
ЯЖМИНА Яна. Питер Клас, «Ванитас со скрипкой и хрустальным шаром». Стихи	V, 190
ЯРУШИНА Татьяна. Джон Уильям Уотерхаус, «Душа розы». Стихи	V, 191

ПЕРВЫЕ СТИХИ

АЗАРЕНКОВ Антон. Первое (и лучшее)	III, 165
ЗАБОРЦЕВА Варвара. О первых рифмах	I, 207
КЕЛАРЕВА Надежда. «Пришла зима красивая...»	II, 244
КНЯЗЕВ Григорий. Азарт	II, 245
СЫРЦОВА Наталья. Первый опыт	I, 208

ПОЭТ О ПОЭТЕ

ВАСИЛЬЕВА Светлана. Речь о поэте (Владимир Салимон)	IX, 214
ОРЛОВА-МАРКГРАФ Нина. «У полумесяца, креста, кольца дорог». Памяти Магомеда Ахмедова	VIII, 185

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

ЛИМОНОВ Эдуард. Последние стихи. Вступительное слово Алексея Алёхина IV, 197	
--	--

ФЕСТИВАЛИ И КОНКУРСЫ

Двадцать и один конкурсный год. <i>Волошинский фестиваль на страницах «ДН»:</i>	
САНБЕРГ Юрий. Синее	XII, 197
ФРОЛОВА Елена. Колыбельная	XII, 201
ШУМАРА Елена. Не любила	XII, 194

ПУБЛИЦИСТИКА

БУРОВ Алексей, ПРАШКЕВИЧ Геннадий. О «подарках» из будущего.	
<i>Два письма на одну тему</i>	III, 158
БУРОВ Алексей, ПРАШКЕВИЧ Геннадий. О другом собеседнике, о космическом религиозном чувстве. <i>Два письма на одну тему</i>	VI, 232

xx век. просто жизнь

АЛЁХИН Алексей. Наперегонки с велотренажёром. <i>Записные книжечки</i>	VII, 234
АРЕТКУЛОВА Зайтуна. Памяти моего послевоенного детства. <i>Воспоминания татарской девочки</i>	V, 163
ПОЛИЩУК Виктория. Пять минут до рассвета. <i>Дневник</i> .	
<i>Избранное (2001–2019 гг.)</i>	VIII, 194

путешествия

САМСОНОВ Сергей. Открытие родины, или Как самка богомола приняла меня за дерево	I, 200
--	--------

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ФРУМКИН Константин. Словесная партитура. <i>Сравнение литературы с музыкой: к истории одной метафоры</i>	IV, 247
--	---------

ЛИТУЧЁБА

ПАВЛОВЕЦ Михаил. Дайте сказать своими словами.	
<i>О сочинениях в школе — и в жизни</i>	VIII, 239

НАЦИЯ И МИР

ВОРОПАЕВА Анна. Дальний Восток: стирая границы	I, 191
ГРИНЬКОВ Владимир. Необыкновенная летопись великого города. <i>К 1000-летию Суздаля</i>	XII, 205
КАПУСТИНА Евфросиния. Люди, которых нет на карте	X, 184
МАХНЁВ Александр. Собор Святейшего Сердца Иисуса. <i>Исторический очерк</i>	VIII, 228
СВЕТЛИЧНАЯ Диана. Страна фей и драконов	IX, 216
ТАРИЛОВА Елена. Страна-сказка Арабского Востока	II, 191

ЖИЗНЬ В ЛИТЕРАТУРЕ

АРАБОВ Юрий. Литклуб через призму эго. <i>Предисловие Евгения Бунимовича. Публикация Ольги Катаевой-Арабовой</i>	V, 192
ГАНДЕЛЬСМАН Владимир. Выемки и выкладки	I, 181
КУРБАТОВ Валентин. Двадцать пять бумажных писем. <i>Валентин Курбатов – Дмитрию Шеварову</i>	X, 223
ФАЛИКОВ Илья. Прощение мастерства. <i>Александр Межиров: неюбилейное</i> ...	II, 202
ХАИТ Валерий. Отсроченное чудо. <i>Про письмо Константина Георгиевича Паустовского, написанное мне и, увы, не полученное мною более полувека назад, и мой ответ на него</i>	IV, 204
ШЕВАРОВ Дмитрий. Двадцать пять бумажных писем. <i>Валентин Курбатов – Дмитрию Шеварову</i>	IX, 223

КРИТИКА**статьи, обзоры, обсуждения, диалоги**

АБДУЛЛАЕВ Евгений. Семь нот ушедшего года. <i>Поэтические сборники – 2023</i> III,	219
КРЫМОВА Наталья. Свидание с Окуджавой (Б.Окуджава. «Стихотворения») ...	V, 234
ПОДОСОКОРСКИЙ Николай. Громадная тень корсиканского гения. <i>Наполеоновский миф в романе Булата Окуджавы «Свидание с Бонапартом»</i>	V, 242
ПОДОСОКОРСКИЙ Николай. Турбулентность в головах, смена караула и власть технологий. <i>Образ будущего в романах Виктора Пелевина: от «Лампы Мафусаила» к «Путешествию в Элевсин»</i>	III, 233
ПУСТОВАЯ Валерия. Чудо тёмное (Эдуард Веркин. «снарк снарк. Книга 1: Чагинск»; «Книга 2: Снег Энцелада»; Анна Старобинец. «Лисьи броды»; Саша Николаенко. «Муравьиный бог: реквием»)	I, 235
«Я хочу рассказать вам...» <i>Итоги 2023 литературного года подводят критики:</i>	
БАЛЛА Ольга. Формы выговаривания мира	I, 210
Борис КУТЕНКОВ. О тенденциях и новинках, классиках и дебютантах	I, 214
БУШУЕВА Мария. Глубинное и резонирующее	I, 213
ЛЕПИШЕВА Елена. Разобшение культурного поля	I, 217
МАРКОВ Александр. «Здесь и сейчас» как интуиция постпандемийного мира I,	221
ПОДОСОКОРСКИЙ Николай. Идеал как вызов, дела царевича, мир сновидений и «Путешествие в Элевсин»	I, 223
ПУСТОВАЯ Валерия. Проверка контакта	I, 225
САФРОНОВА Елена. О том, что творится силою воображения	I, 227
ТОПОРОВА Аглая. «Неожиданно открыла для себя Василия Шукшина»	I, 229
ЧАНЦЕВ Александр. Диверсифицированное чтение	I, 231
ЯМЩИКОВ Кирилл. Всё, что было	I, 232

заочный круглый стол

«Только детские книги читать...»

АБДУЛЛАЕВ Евгений. «Как раньше были юные пионеры-герои, так сегодня есть юные читатели-герои»	XI, 241
ВЕРКИН Эдуард. «Мы до сих пор живём на чердаке Тимура»	XI, 242

№ Стр.

ВОЛКОВА Светлана. <i>Young adult</i> и <i>New adult</i> последнего десятилетия: тенденции и приметы	XI, 244
ГАСИН Дмитрий. «Сотни талантливых произведений, авторы, на глазах ставшие современными классиками»	XI, 246
ДАШЕВСКАЯ Нина. «Интересно конструирование других миров»	XI, 248
КУЗНЕЦОВА Юлия. «Мне нравятся добрые герои»	XI, 249
КУТЕЙНИКОВА Наталья. «У каждого в этом мире свой путь»	XI, 231
ЛИДСКИЙ Владимир. Возвращаясь к традиции	XI, 250
МАРКИНА Анна. «Книги, которые остаются с нами надолго»	XI, 252
МИНАЕВ Борис. «Ну вот Грета Тунберг — она ли не литературный герой?..»	XI, 254
НИКОЛАЕНКО Саша. Новые герои в новых обстоятельствах	XI, 256
ПОНОМАРЁВ Николай. «Глядеть на героя в обстоятельствах будущего мне страшновато»	XI, 256
ПУСТОВАЯ Валерия. «Зеркало, пошедшее трещинами от столкновения со злом большого мира»	XI, 257

связка рецензий

МАРКОВ Александр. Квантовая запутанность эссеистики (Владимир Гандельсман. «Запасные книжки», «От фонаря»; Алексей Алёхин. «Варенье из падалицы»; Марина Москвина. «Золотой воскресник»)	VII, 251
---	----------

подробное чтение

БАЛЛА О. «Как пружинит лёгкостью высь» (И.Ермакова. «Медное зеркало») ...X,	248
ВЕРЕТЕНОВА Татьяна. «Уж точно не Гришка Отрепьев» (А.Макушинский. «Димитрий»)	VIII, 259
ЕРМАКОВ Олег. Тридцатое царство. Сборка (И.Кочергин. «Присвоение пространства»; И.Кочергин. «Запасный выход»)	IV, 256

читаем вместе

БАЛЛА Ольга, КАЛАШНИКОВ Геннадий. «Вот все входят в храм...». О романе Сухбата Афлатуни «Великие рыбы»	VI, 244
БАЛЛА Ольга, РАХАЕВА Юлия. Об истории идей и устройстве человеческих типов. О книге Александра Чанцева «Бунт красоты: эстетика Юкио Мисимы и Эдуарда Лимонова»	VIII, 251

книжный развал

АЛЕКСАНДРОВ Николай. Закрытость правды (Л.Юзефович. «Поход на Бар-Хото»)	II, 247
БУШУЕВА Мария. Эссе о Мусоргском (А.Мелихов. «Испепелённый»)	V, 252
ВЕРЕТЕНОВА Татьяна. Сойти с маршрута (А.Дмитриев. «Ветер Трои»)	XII, 250
ДЕВШ Ольга. Слово из тысячи (А.Чанцев. «Духи для роботов и манекенов») ...II,	250
ИСТОМИНА Ольга. Есть только прошлое (Х.Побяржина. «Валсарб»)	II, 252
КРЮКОВА Елена. Наказание бессмертием (А.Гончуков. «Доказательство человека»)	II, 255
КУТЕНКОВ Борис. «Нет спасения жизнь кипит» (И.Булатовский. «Аврам-трава»)	X, 256

№ Стр.

ПАТРОНОВА Валентина. Доверьте счастье кузничикам (А.Коровин. «Кузничика счастья: книга любви»)	XII,246
ПЕРМЯКОВ Андрей. Ответственное хранение (Альманах «Александровская слобода»)	II, 259
ПЕРМЯКОВ Андрей. Облачная дисциплина (И.Фаликов. «Прости»)	V, 256
САФРОНОВА Елена. Чувствительный автофикшн (И.Кузнецов. «Тонкие вещи»)V,261	
ШУБИНСКИЙ Валерий. «Я выхожу из солнечной тюрьмы» (М.Батурин. «Гений офигений. Поэты антологии "Уйти. Остаться. Жить")»	X, 263
ЯМЩИКОВ Кирилл. Затем свеча погасла (Д.Сиротинская. «Теорема тишины»)X,260	
ЯМЩИКОВ Кирилл. Элементы родства (Е.Шкловский. «Синдром неизвестности») XII,243	

БИБЛИОНАВТИКА

Рубрику ведёт Ольга БАЛЛА

Все настоящие писатели — в глубине души барсуки (С.Костырко. «Критика-2»; С.Гандлевский. «Незримый рой. Заметки и очерки об отечественной литературе»; Н.Рубанова. «Русский диссонанс. От Топорова и Уэльбека до Робины Куртин») I, 259	
В тончайшей сейсмике (Ш.Абдуллаев. «Перечень: эссе»; Ю.Серебрянский. «Книга о вкусной и здоровой казахстанской литературе»)	III, 260
«В эпицентре мини-экокатастрофы» (В.Коркунов. «Тростник на изнанке Земли»)	V, 264
То, что ты делаешь, делает тебя (Григорий Кружков. «Записки переводчика- рецидивиста»); Наталья Мавлевич. «Сундук Монтеня, или Приключения переводчика»); Михаил Визель, Евгений Солонович. «Русский амаркорд. Я вспоминаю»)	VII,260
Ens philosophans (Р.Пирси. «Чтение как философская практика»; М.Эпштейн. «Память тела: рассказы о любви»; М.Эпштейн, С.Юрьенен. «Кульминация: О превратности жизни»)	IX, 259
Гари она гаром, эта машина времени! (А.Жвалевский, Е.Пастернак. «Время всегда хорошее»; «Время всегда хорошее 2.0»)	XI, 263

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАРОМЕТР

Рубрику ведёт Евгений АБДУЛЛАЕВ

Колонизация, деколонизация	II, 264
«Автор призывает оставаться трезвыми»	IV, 265
Молодая, свободная, травмированная	VI, 265
С китайского и обратно	VIII,265
Амаркорд	X, 265
Феминизация прозы?	XII,238

NON-FICTION PRO

Рубрику ведёт Александр ЧАНЦЕВ

В присутствии тишины. О различных конstellляциях религиозного и политического	III, 244
--	----------

	№ Стр.
Теория вечности, в будущем и прошлом	VI, 250
Разведчики безнадежности	IX, 248
За	XII, 221

ПРАВИЛА ИГРЫ

Рубрику ведёт Борис МИНАЕВ

«А.Т.» — попытка закругления	I, 269
Классный час	II, 268
Читать и играть	III, 268
Цацкес, Каратаев, Швейк	IV, 269
Сами виноваты	V, 268
Что-то нормальное	VI, 269
Невероятное происходит	VII, 269
Сгущающийся мрак	VIII, 269
Похороны режиссёра	IX, 268
Другой Хлопуша	X, 269
Сказки на ночь	XI, 268
Гамлет	XII, 253

СПЕЦНОМЕР 2024 ГОДА

«ДРУЖБА НА ВЫРОСТ» (№ 11)

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Константин КОМАРОВ. Из цикла «Стихи о русских поэтах»	3
Александр ГРИНЕВСКИЙ. Хлябово. <i>Повесть</i>	9
Ирина КРАЕВА. Мама ангела. <i>Маленькая повесть</i>	48
Мирослава БЕССОНОВА. Спуск в тартарары. <i>Стихи</i>	71
Наталья БАКИРОВА. Концерт для комара с оркестром. <i>Повесть</i>	74
Елена САЛЬНИКОВА. Внезапная высота. <i>Стихи</i>	96
Полина МИХАЙЛОВА. Шрифт Брайля. <i>Рассказы</i>	99
Рузаль ФАИЗ. Прыгун. <i>Рассказ. С татарского. Перевод Гаухар Хасановой</i>	115
Анастасия ТРИФОНОВА. Пока мелодия тверда. <i>Стихи</i>	131
Марина ПЕРОВА. Ёлка. <i>Рассказ</i>	134
Вита ГРАДСКАЯ. Му-му и Ко-ко. <i>Рассказ</i>	148
Алёна ШВАРЁВА. Аля. <i>Рассказ</i>	156
Лилия КАМАЛЕТДИНОВА. Моменты нормальности. <i>Рассказ</i>	163
Никита СТАНКЕВИЧ. Любил далёкую звезду. <i>Стихи</i>	171

другая оптика

Александр ЧАНЦЕВ. Запечатления	173
--------------------------------------	-----

проза.doc

Анатолий ЦИРУЛЬНИКОВ. Записки немолодого отца	183
---	-----

№ Стр.

маленьким карандашом

Алексей АЛЁХИН. Варькин альбомчик	209
Яна УЛЬЯНОВА. Два рассказа	212
Людмила ПРОХОРОВА. Письмо из прошлого. <i>Рассказ</i>	216
Александр ПЯТКОВ. Первое марта. <i>Из книги «Махрам»</i>	219
Дмитрий ИСАКЖАНОВ. Призрак смородинового куста. <i>Рассказ</i>	223
Наталья САЛТАНОВА. Собака по имени Жаклин. <i>Рассказ</i>	227

критика

«Только детские книги читать...» <i>В круглом столе принимают участие:</i> Евгений АБДУЛЛАЕВ, Эдуард ВЕРКИН, Светлана ВОЛКОВА, Дмитрий ГАСИН, Нина ДАШЕВСКАЯ, Юлия КУЗНЕЦОВА, Наталья КУТЕЙНИКОВА, Владимир ЛИДСКИЙ, Анна МАРКИНА, Борис МИНАЕВ, Саша НИКОЛАЕНКО, Николай ПОНОМАРЁВ, Валерия ПУСТОВАЯ	231
---	-----

библионавтика

Ольга БАЛЛА. Гари она гаром, эта машина времени! (А.Жвалевский, Е.Пастернак. « <i>Время всегда хорошее</i> »; « <i>Время всегда хорошее 2.0</i> »)	263
--	-----

правила игры

Борис МИНАЕВ. Сказки на ночь	268
------------------------------------	-----

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

АМАНСАХАТОВ Мухамметгулы. Единение со Вселенной	IX, 209
КАЛМЫКОВА Вера. Разворачивая пространство. <i>Художник Вера Колганова</i> ...	II, 240
КАЛМЫКОВА Вера. На уровне крови. <i>О художнике Артёме Киракосове</i>	VI, 240

НАША ВКЛЕЙКА

Художник Вера КОЛГАНОВА	II
Мартiros САРЬЯН — художник солнца	III
Художник Артём КИРАКОСОВ	VI
Виктория ПОЛИЩУК. Потоки неразгаданных миров	VIII
Репродукции картин, посвящённых 300-летию Магтымгулы ПЫРАГЫ (МАХТУМКУЛИ)	IX
«Мы тут есть, а про нас никто не знает». <i>Дети Гватемалы и Никарагуа.</i> <i>Фото Евфросинии КАПУСТИНОЙ</i>	X

Summary

Prose

It happened that all the prosaic publications of this issue are linked by one common theme – the Time. In the “Long Short Story about the Time and Space” by Olga Sazhina the translator-polyglot Sonjo Varezhkin foresees the distant and the ancient translating one dry line of the original into the twenty-page narrative colored with the characters talking about everything from Plato’s philosophy and Napoleonic Code till the prices for mozzarella. In conclusion of this social gathering these two gentlemen got drunk and scuffled with each other. And the heroine of the story, Il, is freely travelling through the branched temporal tunnels finding herself instantly carried from hot Naples to the bright frosty Moscow morning.

As well the stories by Tamerlan Tadaev, Igor Kunetzov, Alexandra Bruj, Alexej Kolesnikov, Lidiya Fitisova and Andrej Belozarov are nothing but aspiration to win the present time by memories of the past or by foreseeing the future.

Poetry

On the pages of this issue the reader will find several poetical collections of our debutants. The lyrics by Ivan Konovalov has a powerful existential charge; poems of Nadezhda Volnenko are about trying to find herself in the world; Pavel Sidelnikov and Taya Larina are presented in the united collection “We’ll Be Thought Out by Neuron Network”: each of them in his/her own way is trying to conceptualize their own inner worlds and to find one’s own voice.

The poems of our regular author Yan Brushtein are dedicated to the memories of his postwar childhood and the connection between the generations of one family.

Alexander Chantsev. In Front of the Wall of Time

“If in his prose J?nger is recondite, in philosophy – journalistic, in essays and diaries he is genius. <> *In Front of the Wall of Time* (1959) is just on the borderline of the genres. In short this book is about those present and future which are to be overcome, the approach to which is to be radically changed or – there will be no future at all. What are they – the tendencies of the present which so frightened the prophet J?nger and now are frightening us, common people? Except J?nger to answer this question the author involves the religious philosopher and mathematic of the late Soviet period Viktor Trostnikov and the writer, publisher and culture expert Arkadij Rovner.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Бумажную версию журнала «Дружба народов»
с любого месяца можно выписать онлайн на сайте **Почты России**
<https://podpiska.pochta.ru/press/%D0%9F%D0%A0044>

Подписной индекс в каталоге **Почты России** — **ПРО44**

Электронную версию «ДН» можно приобрести на сайте
<http://дружбанародов.com>

Журнал продаётся в магазине «**Фаланстер**»
Москва, ул. Тверская, 17
(вход с Малого Гнездиновского переулка)

Вёрстка: Елена ЖИРНОВА

Корректурa: Елена ЛАПШИНА

Дизайн обложки: Степан ЛУКЪЯНОВ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ, СВЯЗИ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ РФ
И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

12/2024

По страницам «ДН»

* * *

*Всё кончится. Всему придёт конец.
И не останется на свете очевидца,
Который описал бы наши лица
В тот час, когда срывали с нас венец
Любви, что не смогла осуществиться.*

*Кто станет вспоминать, как жили мы?
Как мы любили — вспомнят ли об этом?!
Но для того, чтоб вырвать нас у тьмы,
Воображенье мучает поэтов.*

*Надгробьем нашим станет нам сонет.
Он воскресит и озарит слезами
Всё, что для вас давно сошло на нет,
Но животрепетало между нами.*

*А под конец попросит он Творца —
В бездушных буднях и бессрочных битвах
Поэтов беззащитные сердца
Не обходить в живых Своих молитвах.*

Октябрь, 1915

**Тициан Табидзе.
Перевод Натальи Соколовской**

«ДН», 1995, №12